

Российский фонд фундаментальных исследований
Министерство науки и образования Кузбасса
Новокузнецкий институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы
Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя (Новокузнецк)

А. С. Сазыкин

«...А здесь, во глубине России»:

СТАТЬИ О РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Новокузнецк – Красноярск

2021

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

**Издание осуществляется при финансовой поддержке РФФИ и
Кемеровской области в рамках научного проекта
№ 20-412-420002**

С 14 Сазыкин А. С. «...А здесь, во глубине России»: статьи о региональной литературе / науч. ред. И. А. Пушкарева ; отв. ред. В. А. Галактионов ; Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та. – Новокузнецк : НФИ КемГУ ; Красноярск : Sitall, 2021. – 226 с., цв. вкл.

ISBN 978-5-98708-128-0

Сборник статей филолога и педагога Анатолия Семёновича Сазыкина о региональной литературе включает разделы о В. М. Мазееве, Л. А. Никоновой, А. Д. Раевском, Т. В. Тудегешевой, Л. А. Арбачаковой, Т. Л. Белокуровой, А. С. Яброве, Н. А. Зиновьеве. Автор статей – известный в городе знаток русской и зарубежной литературы, проработавший на кафедре литературы Новокузнецкого государственного педагогического института (позднее Кузбасской государственной педагогической академии) с 1964 по 2011 год. Он является Почётным читателем Центральной городской библиотеки им. Н. В. Гоголя и одним из родоначальников публичных лекций о литературе в г. Новокузнецке. В статьях не только представлен оригинальный филологический анализ текстов, но и содержатся размышления А. С. Сазыкина о поэтическом сознании, писателе-гражданине, роли литературы в интеллектуально-нравственном развитии личности и общества.

Сборник предназначен для филологов, краеведов, преподавателей, студентов, школьников и всех тех, кто интересуется литературой.

© Сазыкин А. С., 2021
© Арбачакова Л. Н., 2021
© Тудегешева Т. В., 2021
© Галактионов В. А., 2021
© Пушкарева И. А., 2021
© Новокузнецкий институт (филиал)
Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Кемеровский
государственный университет», 2021
© Центральная городская библиотека им.
Н. В. Гоголя (Новокузнецк), 2021
© Оформление. Полиграфическая
компания «Sitall», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
1. Владимир Михайлович Мазаев	11
«Без любви прожить можно». О сборнике рассказов В. М. Мазаева	11
О зиме нашей боли и надежды (повесть В. Мазаева «Пережить эту зиму»)	26
2. Любовь Алексеевна Никонова	33
«Как жить, родимые, как быть?» Об одном стихотворении Л. А. Никоновой	33
«Похожи встречи на подарки». О сборнике стихотворений Л. А. Никоновой	38
3. Александр Дмитриевич Раевский	61
О сборнике стихотворений А. Раевского «Стеклянная лестница в небо»	61
«Небесную чашу боюсь расплескать». О сборнике избранных стихотворений А. Раевского «Ласковая высь»	76
Открытое сердце: о сборнике стихотворений А. Раевского «Судьба России»	79
4. Тайана Васильевна Тудегешева	83
Глоток свежего воздуха. О сборнике Т. В. Тудегешевой «Небесный полёт девятиглазых стрел»	83
Методические рекомендации к уроку по изучению поэтического мастерства Т. В. Тудегешевой	97
5. Любовь Никитовна Арбачакова: литературный портрет шорянки	105
6. Татьяна Леонидовна Белокурова	114
«На душе моей крестик лежит...». О сборнике стихотворений «Ах, вода – вода васильковая»	114
«Другая тишина». Предисловие ко второму сборнику стихотворений Татьяны Белокуровой	119
7. Анатолий Степанович Ябров	124
«Виновата ли я?...» Роман Анатолия Яброва «Паду к ногам твоим»	124

8. Николай Александрович Зиновьев	132
«...И Бог заплакал вместе с ним». Современная Россия в поэзии	132
Н. А. Зиновьева	
Ещё раз о поэзии. Художественное время и пространство в стихотворениях Н. Рубцова и Н. Зиновьева	143
Не один в поле воин...	150
От редактора. Слово о литературе родной стороны	160
Приложение. Биографические и библиографические сведения	164
Владимир Маззев	164
Любовь Никонова	168
Александр Раевский	171
Тайана Тудегешева	175
Любовь Арбачакова	196
Татьяна Белокурова	210
Анатолий Ябров	212
Николай Зиновьев	218
Об авторе книги	222

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало работы по анализу творчества кузбасских писателей и поэтов было положено заведующим кафедрой литературы Новокузнецкого пединститута А. Ф. Абрамовичем в ряде его статей в начале 60-х годов прошлого века. Позже пединститут был преобразован в Кузбасскую государственную педагогическую академию (КузГПА) и в программу факультета русского языка и литературы был введён курс «Региональная литература», который я и начал разрабатывать.

Начал с творчества тех писателей и поэтов, которые в разное время заканчивали наш факультет и чьё творчество было мне более известно. Но работа эта продолжалась недолго, т.к. педакадемия была «оптимизирована» и слита с филиалом Кемеровского университета. Проработав в институте 44 года, после выхода на пенсию я уже вплотную занялся творчеством кузбасских авторов, т. к. убедился, что оно очень интересно и значимо не только в пределах области, но и в российских масштабах, тем более что все они уже давно члены Союза писателей СССР или России и лауреаты различных литературных премий.

Анализ их избранных произведений и составляет содержание предлагаемого сборника статей.

Первый из авторов – **Владимир Михайлович Мазаев**, писатель, чьё творчество стало широко известно ещё во времена Советского Союза. Он возглавлял Кемеровское отделение Союза писателей СССР и был также главным редактором журнала «Огни Кузбасса».

Предлагается анализ двух его книг: сборника рассказов «Без любви прожить можно» и повести «Пережить эту зиму». При всей, казалось бы, избитости темы рассказов сборника, они очень интересны и простотой, и жизненностью ситуаций, характеров, глубиной психологизма, нравственной высотой авторской позиции. И при этом лишены назидательности: это изображение подлинной жизни в её напряжённых, ключевых моментах. Повесть – это и исторический документ сурового и тяжёлого времени – лютой зимы 1942 года, и полный жизнеутверждающего трагизма и искренности рассказ мальчишки-пятиклассника, за которым угадывается сам автор.

И рассказы, и повесть написаны в свойственной Владимиру Михайловичу манере – живым, подлинно народным русским языком.

Любовь Алексеевна Никонова – также широко известный значительный русский поэт. Её творчество представлено анализом итогового сборника стихотворений «Похожи встречи на подарки» (изд. «Летопись», 2003 г.).

В ранний период её творчества основным мотивом лирики было утверждение вечной, всеобщей связи всего сущего на земле и в небесах, всего божьего творения и своей кровной, нерасторжимой связи с ним. Естественно будет и обращение к теме любви как вечного и главного закона бытия. Она будет всё более перерастать в философский мотив вечного противоречия мужского и женского начал, и в отражение драматизма личной судьбы и жизни лирической героини, и общей женской судьбы.

Своё место в творчестве Л. А. Никоновой займёт и тема чувствования и понимания музыки жизни в явлениях природы и вообще в ходе естественной жизни.

Прямых выходов в социальную действительность она будет избегать, но в стихотворениях 90-х годов, опираясь на привлечение мотивов русской классики (Пушкина, Гоголя, Некрасова, Достоевского, Андрея Платонова), будет поднимать острые вечные русские и современные проблемы. Большое место в её стихах займут и вопросы собственного поэтического предназначения, определения своей общественной и творческой позиции. Закономерным станет и приход к убеждению, что без Бога, без веры поиск человеческой душой духовной опоры и спасения невозможен.

Лауреатом премии журнала «Наш современник» (Москва) является поэт **Александр Раевский**, автор нескольких поэтических книг. Глава об его творчестве построена на материале сборника «Стеклянная лестница в небо», изданного в 2001 году в г. Кемерово и объединившего его лучшие стихотворения, помещённые в предыдущих сборниках.

По своим корням и по духовной сущности он русский крестьянский поэт. Отсюда доминирующая черта его стихотворений 60–70-х годов – это их народно-песенная основа. Их характерная черта – установление глубокой психологической связи между состоянием природы и души, где духовное преобладает над телесным, не говоря уже о меркантильном. Отсюда и опора на русскую поэтическую традицию, устремление к выражению жизненной диалектики и поиску нравственного идеала.

В лирике 80–90-х и нулевых годов со всей остротой и драматизмом выразится переживание событий в жизни страны – и «перестройки», и развития криминального капитализма, и непереносимое чувство вины и ответственности. Наряду с публицистической остротой зазвучат и фольклорные мотивы и образы.

Расширение тематики произойдёт с появлением стихотворений о русской истории, патриотического характера. Ориентация на русскую поэтическую традицию как следствие растущей зрелости поэта проявится ещё в написании ряда стихотворений исповедального характера и в создании очень удачных поэтических миниатюр.

Следующие две главы содержат анализ поэтического творчества двух представительниц некогда коренного – шорского – народа, населявшего обширнейшую территорию юга Кузбасса, Тайаны Тудегешевой и Любови Арбачаковой. Обе, без всякого преувеличения, ярко выраженные и богато одарённые дочери своего народа.

Тайана Тудегешева окончила Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького, она лауреат премии Кузбасса 2013 года. Анализ её стихотворений даётся на материале сборника «Небесный полёт девятиглазых стрел», изданного в г. Кемерово в 2007 году.

Как отмечает исследователь её творчества Г. В. Косточаков, в стихотворениях Тудегешевой сливаются две тональности: одическая, прославляющая героические века тюркских народов, и элегическая, выражающая горькое сожаление о прошедшем. Эти мотивы выражены в первых разделах сборника – «Сквозь столетий туман» и «Думы – караваны». Не менее значительны и разделы «Листва времён» и «Нежность ветвей». Здесь вполне уместно говорить о тональности эпической, т. к. основное содержание этих стихотворений – это передача через метафоризм поэтического мышления автора тесного переплетения законов природы и законов бытия своего народа, предстающих как общечеловеческие, универсальные. Интересен и поэтичен образ лирической героини этих стихотворений – верной, любящей, независимой, полной своего достоинства. В разделе «Откровения шаманки» предстаёт не образ устаревшего пережитка прошлого быта шорцев, а образ-символ углубления в себя, в тайны природы и человеческого духа.

Любовь Арбачакова – это подлинный самородок народного духа. Девочка из затерянного в глубине тайги маленького селения-аила, студентка отделения шорского языка и литературы в составе факультета русского языка и литературы нашего института, нынче она – член Союза художников России, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка Сибирского отделения Академии наук.

В главе речь идёт не только об её поэтическом творчестве. Нет особой необходимости говорить, что в основе её сознательного и бессознательного художественного и поэтического творчества лежит природное, народное начало. У её стихотворений менее обширная тематика, чем у Тайяны Тудегешевой. Но метафоризм её поэтического мышления многозначнее, в большей степени слит с духом природы. К тому же её видение мира – это видение художника, где краски, чувства, мысли плотнее связаны в единый художественный комплекс. И комплекс этот выражается, конечно, в словах, но едва ли не ещё больше остаётся в подтексте, это нужно вообразить и почувствовать. Поэтому стихотворения кратки по объёму, подобны японским хокку. Их нельзя читать модной нынче скороговоркой и по диагонали. Они требуют от читателя сотворчества. И тогда открывается и их глубина, и художественная зоркость, и народная праоснова подлинных жизненных принципов.

По роду моей работы, многие десятки женских судеб прошли перед глазами и отложились в памяти – от их студенческого облика и до того, как они становились матерями и даже бабушками. Именно к ним относимы слова Некрасова: «Есть женщины в русских селеньях...». Только они не эпические героини с их силой и характерами, а просто современные женщины, которым преодолевать приходится все тяготы прозаического быта. А некоторые, немногие, как Таня Белокурова, находят в этой прозе высокие поэтические смыслы и могут об этом сказать.

Татьяна Белокурова издала уже 2 поэтических сборника, и оба они – как чистая родниковая вода. Уже в первом она нашла поэтический образ, в котором совершенно адекватно выразила свою душевную сущность: деревенская русская женщина несёт на коромысле полные вёдра воды, прикрытые деревянными крестиками, чтобы не расплескать. Так и на душе её лирической героини *«крестик лежит... материнства, любви и долга»*.

Жизнь человеческой, женской души – главная тема её стихотворений. Душа проходит через любовь и нежность, предательство и разлуку, через напряжённые духовные поиски, через муки и счастье творчества, через борьбу за существование физическое и духовное. Она борется, живёт, радуется и печалится и делает открытия. Главное из них – это открытие Бога во всех проявлениях окружающего мира и в своей душе. Её ангел-хранитель – это её постоянный спутник и собеседник, близкий друг и наставник. Через призму духа она постигает жизнь природы, свою судьбу, сложность человеческих отношений, каждодневные печали и радости. Живётся её героине тяжело, бедно, часто грустно, но одухотворённая душа видит и свет, и радость, и красоту. Стихотворения Тани Белокуровой помогают жить не только ей самой, а и любому читателю, настроенному на ту же волну. Они не просто очень грамотны, они живы, талантливы и близки душе.

В следующей главе настоящего сборника рассматривается роман новокузнецкого прозаика **Анатолия Степановича Яброва** «Паду к ногам твоим». Место и время действия романа – Кузнецкстрой, начало строительства Кузнецкого металлургического комбината и города Новокузнецка (в романе – Святогорск). Но центральное лицо в романе – женщина по имени Ева, необычайно красивая, привлекательная, с прекрасным голосом, но столь же необычайно эгоистичная, лживая, лицемерная. Она горем и испытаниями пройдёт по судьбе тех мужчин, что войдут в её жизнь.

Особенно трагичной будет судьба главного героя романа Рафаэля Хазарова, прототипом которого являлся первый парторг ЦК партии на этой стройке, репрессированный в 30-х годах, именем которого названа теперь одна из улиц города.

На протяжении романа идёт разрушение личности героини, не ставшей никому, по сути, ни женой, ни матерью своему ребёнку, ни настоящим человеком – под маской своего лицемерия и эгоизма.

Роман очень динамичен, оригинально выстроен, глубоко психологичен. Очень хороший язык романа – простой, народный, насыщен фольклорными элементами, очень живой и образный.

Завершают книгу три статьи о современном краснодарском поэте **Николае Александровиче Зиновьеве**.

Чем привлекло внимание его творчество? Прежде всего, его стихи поражают своей краткостью, почти афористичностью в сочетании с

глубиной смыслового подтекста. Они полны мысли и необычайно актуальны.

Второе, что так же значительно и очень убедительно, – их глубочайшая нравственная первооснова. Они написаны человеком, искренне верующим и уверенным в том, что Божье начало, Божья милость пронизывает все стороны жизни человека и общества.

Третье – это его патриотизм, не пафосный, казённый, а так же органичный и искренний. В стихах он звучит на уровне семейном, на уровне исторической памяти и восходит до уровня общественного и национального. Его боль за невзгоды людские распространяется от самых несчастных, бедных, униженных до масштабов страны, народа вообще.

В-четвёртых, его поэзия опирается на мощную основу русской литературной классики. Он продолжает и развивает традиции Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Блока, Есенина, Николая Рубцова. Он неоднократно говорит об этом и воплощает в стихах.

В-пятых, его стихи – это настоящая сокровищница русского языка – «великого, могучего, правдивого и свободного» (*И.С. Тургенев, 1982 г.*). В наше время это просто невероятная редкость.

Предлагаемое название сборника «...Здесь, во глубине России» коррелирует, конечно, со строками Некрасова:

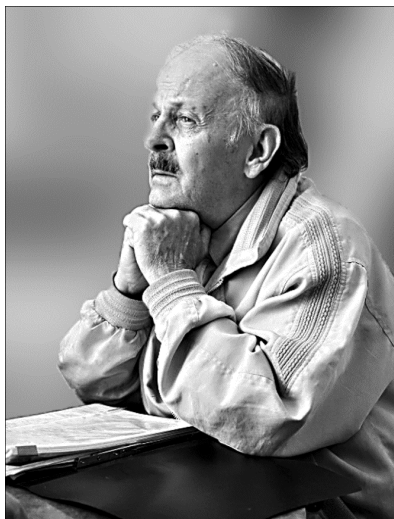
**«В столицах шум, гремят витии,
кипит словесная война,
а там, во глубине России,
там вековая тишина»...**

У нас вовсе не тишина, а напряжённая духовная работа наших писателей и поэтов, вообще людей.

А. С. Сазыкин,
литературовед,
кандидат педагогических наук,
доцент

---

1. ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ МАЗАЕВ

«Без любви прожить можно». О сборнике рассказов В. М. Мазаева¹

Сборник рассказов В. М. Мазаева «Без любви прожить можно» издан давно, в 1995 году, издательством «Ковчежец». В него вошли рассказы, написанные в разные годы, некоторые из них он будет включать в последующие издания своих произведений, но именно этот сборник является законченным художественным целым, объединённым общей единой темой, старой и вечной, как мир.

Когда-то Маяковский, начиная поэму «Про это», написал: «В этой теме, и личной, и мелкой, перепетой не раз и не пять, я кружил поэтической белкой и буду кружиться опять...». И заканчивал это вступление: «Имя этой темы – любовь».

Универсальность и ёмкость явления, названного этим словом, таковы, что очень мало кого из писателей и поэтов останавливает избитость этой темы. Привлекает к ней не соблазн сказать что-то новое, а возможность через неё выявить и показать те бесконечно индивидуальные связи между людьми, между человеком и природой, челове-

---

¹ Первая публикация статьи: «Огни Кузбасса». 2014 г. Выпуск № 3.

ком и обществом, человеком и эпохой, которые особенно остро проявляются при свете такого привычного, известного, и такого таинственно непостижимого чувства.

Самая, пожалуй, главная особенность рассказов В. М. Мазаева в том, что они не имеют однозначной, твёрдо диктуемой автором концовки-приговора, не допускающего иных вариантов прочтения темы или понимания выведенных характеров. И сюжет, даже самый увлекательный, не является самоцелью и не равен сам себе. Он, как правило, нужен автору для углублённого выявления сущности жизненных ситуаций и изображаемых характеров, которые и живут чаще всего не авторской волей и подсказкой, а своей внутренней жизненной логикой. И проявляет себя лишь изредка в авторской характеристике, но чаще всего в поступке, в действии.

Понимание же этих действий, поведения персонажей автор в абсолютном большинстве случаев оставляет читателю, воздействуя на него более всего лишь стилем повествования и выявлением нравственного смысла изображаемых событий. Его рассказы и повести – психологическая проза.

В сборнике в двух рассказах представлена жизнь без любви. В остальных – с любовью. Именно в них и встанет главный вопрос: что же это такое, любовь? и всё ли, что мы этим словом называем, ею является?

Повторюсь: автор не назидает и не определяет, он предлагает задуматься.

Первый из двух – **«Без любви прожить можно»** – дал название всему сборнику. Кульминационной точкой композиции этого рассказа является, конечно, частушка, которую поёт мать, молодая женщина, одна воспитывающая четырёх – или пятилетнего – мальчонку:

«Заиграла гармоза,

а я думала гроза.

Без Любви прожить можно,

а я думала нельзя».

В этой её незамысловатой частушке много что скрыто. И «гармоза», знак бездумной молодости, и «гроза» – любовь, без которой, казалось, и жить нельзя, а вот, оказывается, можно.

Мать работает где-то на стройке штукатуром-маляром, зарабатывает гроши, ребёнка оставить не с кем. Живут в оставленном деревянном домишке в промежутке между железной дорогой и вечно

пыльной грунтовкой, рядом протекает грязная канава-ручей. От полной безнадёги и отчаяния женщина выпивает после работы, особенно в день получки.

Мальчонка любит её, мучительно ждёт каждый день её прихода и смертельно боится её пьяных мокрых поцелуев и почти неизбежных побоев, как в этот день за нечаянно разбитую банку самогонки.

Он уже приучился никому не верить и никого не любить, даже старую собаку, в конуре которой ночует, когда мать выбрасывает его на улицу. А когда утром перепуганная и обрадованная мать пытается вытащить его из конуры и собака её кусает, он тычет собаку острым концом сломанной лыжной палки.

«В этой собачьей покорности и беззащитности ощутил внезапно некую неиспытываемую прежде для себя сладость. И захотелось ещё!» – пишет автор.

Да, «без Любви можно прожить – можно».

Конечно, рассказ гораздо богаче чувством и смыслом, чем это явствует из изложения фабулы. Очень много в нём добавляет и мир вещей, окружающий мальчишку, и детали пейзажей, и несобственно-прямая речь ребёнка, и суммарно-обозначающий способ передачи психологизма, складывающийся из соединения авторской речи и видения, речи матери и внутренней речи ребенка.

Дополняет смысл рассказа и ближайшая аллюзия из русской литературы. У А. М. Горького есть рассказ, очень близкий по сюжету и по чувству, – «Страсти-мордасти». Герой поздним вечером помогает пьяной проститутке выбраться из грязной лужи и отводит её к ней домой, в полуподвальную комнатку, где она живёт с маленьким сынишкой. У мальчика парализованы ноги, он обречён сидеть безвыходно в картонной коробке и дышать пылью, которую поднимает мать, когда занимается своей легальной деятельностью – треплет конопляную паклю. Мальчик с недетским цинизмом понимает образ жизни матери, у которой лицо обезображено провалившимся носом, но любит её весёлость, доброту, жалеет и завидует ей, что она может «как собака, идти куда захочет». Но больше всего на свете он любит собирать тараканов, мух, всяких козявок и складывать их в спичечные коробки. Там они живут. Это его «зверильница». И мечта его – когда-нибудь оказаться в чистом поле, раскормить их и всех выпустить на волю: «Гуляй, домашние!».

Его мать тоже поёт песню:
**«Придут страсти-мордасти,
разорвут сердце на части.
Ой, беда, ой, беда,
куда спрячемся тогда...»**

Какой рассказ страшнее, сказать трудно. Но рассказ Мазаева остро современен и глубок своей тревогой.

Другой вариант «безлюбой жизни», своеобразно, но не сюжетом дополняющий первый, дан в рассказе «Эх, люди-лошади...». Это любимое восклицание героя, Пахи Гусельникова, когда люди что-то делают не по-его, чем-то раздосадуют или обидят.

Собственно фабула в рассказе предельно краткая. Паха Гусельников, пятидесятилетний моторист лесхоза, согласился подежурить около движка на электростанции, пока в посёлке гуляется свадьба. О нём забыли, Паха в обиде: «Эх, люди-лошади...». Распалив до нужного градуса свою обиду, он выключает свет. Приходит встревоженный свояк, отец невесты, отпускает Паху на свадьбу поздравить невесту, где его и побьют, и из-за стола выбросят.

На этом коротком событийном пространстве автор даст и портрет хилого Пахи, и обстановку разбитого «хозяйства», где он живёт с большой старой матерью, и основные события незадавшейся жизни: не был способен и не хотел учиться в школе, не был призван в армию по причине энуреза, по этой же причине, не прожив и месяца, ушла жена, а о позоре узнала вся деревня.

А характер сформировался болезненно обидчивый, потаённо самлюбивый и невероятно закомплексованный.

Ключевая точка композиции рассказа – воспоминание пьяного, побитого, бесконечно уставшего душой Пахи о детстве в вырытой отцом землянке на строительстве Кузнецкстроя.

Отец, активист и ударник, буквально «горел на работе». Тяжело заболевшую мать отправили в Томск, а шестилетний Паха мучился с трёхлетним больным и вечно плачущим братишкой. С досады побил его. Братишка к вечеру затих, умер. Той страшной ночью уснувший Паха первый раз обмочился.

«И вот сейчас, сидя сгорбленно на ступеньках чужой свадьбы, с болью обиды в сердце, пятидесятилетний жухленький телом Паха Гусельников вдруг с трезвой тоской понимает, что вся его мелькнувшая жизнь – всего-навсего тот пронзительный день детства, когда он,

напуганный и голодный, бродил меж спящими, замордованными работой людьми – в поисках ... отца», – пишет автор.

Не было и не будет в жизни человека любви, хотя будет всякое.

Остальные рассказы сборника – о любви. Приходящей «когда её совсем не ждёшь», и когда её жаждут и даже гонятся за ней, и когда от неё пытаются бежать.

Как всегда, в рассказах и повестях А. М. Мазаева, герои – самые обыкновенные заурядные люди, этим и интересные, и обстоятельства – самые обыденные, житейские, и язык – не сочинённый, а услышанный и тщательно пропущенный через строгий критерий.

Виды любовного чувства и проявления его разные, заставляют вспомнить «Трактат о любви» Стендаля; только тут они не в форме абстрактных обобщений, а в самых незамысловатых, несконструированных, а прозой жизни созданных, проявлениях.

Первый рассказ – «**Жив останусь – свидимся**».

Есть у Мазаева цикл, названный «Рассказы сибирячки». Это истине неисчерпаемый кладёз народный речи и народных характеров. Совсем не случайно...

...Конец зимы военного 1944 года, март. «Цыган уж шубу продал». Но во глубине Сибири ночами те ещё холода. Рыболовецкий колхоз отправляет в райцентр последний обоз с мороженой рыбой в фонд обороны. На измождённых лошадёнках, сопровождающие – старик-председатель, две женщины и мальчишка. На счету каждый килограмм груза.

К женщине, ведущей рассказ, и обращается соседская семнадцатилетняя девчонка Варька со слёзной просьбой увезти её тайком в обозе в райцентр, т. к. она уже на седьмом месяце беременности, а больницы в селе нет, да и если мать, бригадир, всё время на реке, узнает – хоть в прорубь головой!

Любовь, жалость и сострадание движут женщиной, заставляя её согласиться вопреки всем правилам, писанным и неписанным войной, здравым смыслом и обстоятельствами. Да и само зарождение ребёнка не в ладу с принятыми правилами, обычаями и нормами.

Ещё в конце лета шли через деревню из дальнего прииска двое на призывной пункт в райцентр. И одного из них, восемнадцатилетнего парня, свалила простуда, и десять дней отлёживался он под присмотром Варьки. Слюбились они.

А в райцентре живут его отец и мать, ждут весточки от сына, отправленного на фронт. Отец уже получил похоронку на сына, прячет от матери, показывает женщине-рассказчице, а она ему – о рождении внука.

Это краткое изложение сюжета, а за ним, как всегда у Мазаева, точная, яркая, чистая речь рассказчицы-сибирячки, напряжённое развитие внутреннего конфликта, вроде и не глобального по случаю войны, но для персонажей рассказа – единственно и самого важного в их жизни, а в конечном итоге и в жизни страны.

Глубоким внутренним смыслом наполняется фраза, вынесенная в название рассказа, сказанная героем, Володькой, при прощании с Варей: «Жив останусь – свидимся». Именно любовь протянет живую нить от него, убитого, к отцу и матери, и Варьке, к жизни живой. А Варька, как ни суди её по законам морали, по автору заслуживает только той оценки, что даёт ей рассказчица: «Святая душа».

Куда сложнее, может быть, потому, что без трагизма, а в самых обыденных обстоятельствах, внутренний конфликт другого рассказа – «**Задача с двумя неизвестными**». Герой его простой шофёр Гоша, крутящий баранку грузовика на дальних рейсах, а место действия – вполне узнаваемые наши, кузбасские, края. Он же и повествователь, рассказывающий попутчику-журналисту о своей жизненной «задачке с двумя неизвестными».

Задача чрезвычайно распространённая, встающая перед очень многими, а особенно в молодости. Школьная любовь в далёком таёжном посёлке простоватого во всех отношениях мальчика и девочки повыше его интеллектом и более строгих нравственных правил. При окончании школы мечты и планы, ночные свидания и поцелуи до головокружения. Особенно последнее свидание – вроде бы уже и в постели, но она – само благоразумие и «застегнута на все пуговицы» в прямом и переносном смысле. Его обида, разочарование.

Потом армия, переписка, в которой в подтексте любовь, а в тексте гордыня и поддразнивание друг друга мнимыми связями. И на этом фоне после армии совершенно случайная встреча с другой, мягкой, отзывчивой, податливой, ласковой... Женитьба, рождение двух дочек, работа...

И как-то в рейсе, случайно, встреча с той первой, тоже вышедшей замуж, потому что так надо. И она выходит на дорогу и часами ждёт

его проезда через посёлок, бежит, как девчонка, ему навстречу. Хочет от него ребёнка, обещает потом никогда не напоминать.

Гоша – простая душа, не обременённая знанием никаких современных теорий. И он – абсолютно нормальный человек. Он говорит рассказчику: «Ведь знает же: я семью не брошу, девчонок своих по ветру не пушу. Да к нет! Как ни еду – стоит»...

И ту, первую, он тоже жалеет и любит, именем её уж жену ночью называл, но и тут говорит: «Я вот тоже люблю её... только за что, не спрашивай... А как жить и знать, что где-то растёт у тебя сын или там дочь?»

Ключевая точка композиции в этом рассказе очень своеобразная и на первый взгляд даже имеет отношение не к главному его вопросу, а только к профессии героя.

Это один, казалось бы, проходной эпизод:

«За кюветом, привалив заборчик, лежали на боку «Жигули». Для глаза, привыкшего воспринимать легковую машину в её изящной, обтекаемой форме, непривычно и дико видеть грубую изнанку – грязное, пропылённое днище с хаосом переплетений рамы ходовых узлов. Густая крошка выбитых стёкол блестела по кромке шоссе, как изморозь... На чьём-то расстеленном плаще сидела девушка, уткнув в ладони лицо. Сквозь пальцы по обнажённым рукам текла тёмная и блестящая в свете фар кровь... У неё была разбита голова».

Нет, это не одна из героинь. Это просто дорожный эпизод.

Но жизнь – это путь, это дорога. И беспричинных случайностей на ней нет.

Не зря автор завершает рассказ вопросом, обращенным к Гоше:

«Где ты сейчас, Гоша? Разрубил ли ты свой гордиев узел, или всё ещё, душевно перегорая, притормаживаешь возле окраинного дома Раскатиhi, надеясь в искренней, но наивной попытке поделить пополам то, что не делится? Как не делится пополам живой человек...».

Следующие два рассказа – о любви, которая ещё и не состоялась и неизвестно, будет ли она вообще, вырастет ли она из случайного стечения обстоятельств. Один – «Кошки-мышки» – из жизни взрослых, уже поживших людей, другой – «Танюшка» – о молодых людях, только вступивших во взрослую жизнь.

Рассказ «**Кошки-мышки**» будет позже переиздан под названием «Эти неожиданные ситуации», но первый вариант названия мне представляется более отвечающим его содержанию и подтекстовому

смыслу. И отношения мужчины и женщины чаще всего игра с результатом хотя и предсказуемым, но чреватым большими неожиданностями, и вообще, жизнь – игра и увлекательная, и сложная.

Женщина, далеко ещё не старая, но уже воспитавшая в одиночку хорошего взрослого сына, оканчивающего школу, живёт с ним в комнате в коммунальной квартире. Она уже доведена до отчаяния не столько теснотой, сколько хамством и бесцеремонностью соседей по квартире. В безуспешных, и не один год, попытках обмена случайно сталкивается с мужчиной, обменный вариант которого возможен лишь при немедленных, быстрых действиях обоих и при том, что они – одна семья.

Возникает невероятно сложный, напряжённейший нравственно-психологический конфликт, порождённый тем, что они оба глубоко порядочные люди, не наделённые ни малейшей авантюрной жилкой и с молоду-то не искатели приключений. Она – недоучившийся врач лечебной физкультуры в санатории, он – старше её, очень серьёзный инженер-производственник. Именно он проявит в этой ситуации и понимание, и мудрость, и терпение, и самое настоящее благородство.

Она провожает его после вселения в полученное нормальное жилище в недолгую командировку в аэропорту, и автор заканчивает рассказ о её внутреннем состоянии такой фразой: «То были тёмные минуты, у грани, за которую лучше не заглядывать...»

И опять же – в тексте осталось множество психологических коллизий в душе и поведении женщины: тревожных до паники, радостных, смятенных и удивительно правдивых и точных.

Рассказ «**Танюшка**» вообще удивителен по динамизму движения сюжета в его, так сказать, завязке (занимающей добрую четверть объёма рассказа) и по тончайшей психологической нюансировке возникающего между героями чувства, которое выявится даже не столько в тексте, сколько в подтексте, – пронизан атмосферой тепла, любви и согласия.

Водитель атэски (вездеход, снятый с вооружения) Митя не смог удержать на размытом ливнем косогоре тяжёлую могучую машину, и она ушла в мощный ледяной поток разлившейся реки. Митя с пассажиром – попутчиком, капитаном милиции Шварченковым, едва успели выскочить через люк и спаслись.

Митя вылезал вторым и промок уже до нитки. Шквалистый холодный ветер валил с ног. Шварченков лучше ориентировался в без-

людной ночной степи и шёл впереди. Митя очень скоро перестал чувствовать руки, ноги, шапку утопил ещё в реке и абсолютно выбился из сил. Капитан не даёт ему погибнуть и выводит его в деревню, к дому, где живут его мать, братья и младшая сестрёнка Танюшка и куда он собственно и ехал.

В атмосферу дома, тёплую, сердечную и в то же время трудовую и деловитую, так органично вписывается Танюшка, девушка, заканчивающая совсем скоро школу, общая любимица.

Пока Митя приходил в себя под заботливым присмотром матери и Танюшки, Шварченков с помощью братьев трактором вытащили утонувшую атээску, и воскресший Митя увидел её около дома, всю облепленную илом и грязью.

И будет в этот день ещё одна поездка, только уже на запряжённой в телегу лошади в леспромхоз за специальным маслом и соляжкой. Только теперь уже бразды правления будут в руках Танюшки, так хорошо ладящей и с людьми, и с лошадью, и с разлившейся рекой. А потом они вместе поедут на возрождённой атээске спасать Митиных знакомых по работе.

Автор очень скупыми штрихами характеризует героев помимо того, как они себя раскрывают в действии. У Мити кличка «танкист», потому что он никогда не оставлял в беде застрявших шофёров. У Танюшки на шее простенькие бусы, в которые вплетён маленький осколочек снаряда, когда-то ранившего на войне её уже умершего отца.

О любви между ними не сказано ни слова. Но вот Танюшка усаживается в кабину атээски ехать с Митей выручать его товарищей и на просьбу молодой красивой жены брата тоже поехать с ними отвечает: «Тамарочка, ты такая нарядная, а тут грязно-прегрязно, тут можно только в рабочем...» – и засмеялась чему-то».

Это последняя фраза рассказа.

Есть в сборнике ещё два рассказа о любви в более мужском, если можно так выразиться, понимании этого слова.

В более мужском потому, что для мужчины стремление к любви к женщине в гораздо меньшей мере связано с желанием иметь семью, а в большей – и в самоутверждении, и в стремлении испытать влеченные страсти, и в других, главным образом, эгоистических устремлениях.

Это рассказы «Хочу на Модуйку» (позже, в двукратном переиз-

дании, названный «Прекрасная моя тунгусочка») и «Я забуду тебя, я тебя позабуду» (в переиздании названный «Шоколадка, подпрыгивающая в стакане»).

Оба рассказа о любовной связи молодой, чувственной, радостной, которая обычно долго, иногда на всю оставшуюся жизнь помнится и след в душе может оставить глубокий.

Видимо, вовсе не случайно, что главные герои обоих рассказов – люди очень мобильного рода занятий. Один – пилот местных авиалиний, доставляющий грузы по воздуху в сибирское бездорожье, другой – инженер-наладчик, вся жизнь которого в разъездах и командировках. А героини – женщины молодые, полные сил и желания жить, любить и верить, что на этом и жизнь стоит – на искренности и самоотвержении в любви.

В первом рассказе, при всей узнаваемости его драматического конфликта, привлекает его внутреннее жизнеутверждение, даже я бы сказал, чистота, идущая от искренности чувства героев. И это при том, что любовная связь лётчика и молодой фельдшерицы из забытого богом рыбацкого посёлка Модуйка, озарившая и согревшая жизнь героев, тем самым опалит жизнь жены лётчика и душу юноши, влюбившегося в героиню. Конфликт, при всей распространённости, очень острый, часто мучительно переживаемый, но он для каждого участника новый, единственный, а по большому счёту – любовь всегда права, даже если не правы оба любящие.

Сложнее и глубже внутренний конфликт второго рассказа. Его герои – инженер-наладчик и молодая художница по росписи посуды на фаянсовой фабрике – оба молоды, свободны, и их чувство ничьей другой судьбы не задевает. Оба навстречу своей любви идут легко, радостно и даже как-то бездумно. Но в этой кажущейся лёгкости и заложено принципиальное различие в понимании и жизни, и любви между мужчиной и женщиной, по крайней мере, в этих двух рассказах. И различие это автор раскрывает очень тонко, психологически точно и убедительно.

Открытость, раскованность её любви определяется не какой-то особой чувственностью или легкомыслием, а её доверием к любимому человеку, предполагающим и ответное доверие. У него же – и несомненная увлечённость, и даже страсть, но на основе эгоизма. И эгоизм этот на протяжении рассказа проявляется не один раз, и так психологически верно, тонко выражен, что герой его и сам в себе яв-

ственно не ощущает, не признаёт, принимает за нечто совсем другое, для него самого более объяснимое и приемлемое.

Момент истины наступает тогда, когда через шесть лет после расставания с героиней, Линой, герой в очередной командировочной поездке встречается в вагоне поезда мужчину с пятилетним мальчиком (с этого и начинается рассказ). В общении и выясняется, что мальчик этот – его сын, а Лина, уже в стадии неизлечимой раковой болезни, лежит в больнице.

Герой приходит к ней, и на его упрёк, что не сообщила ему о беременности, о рождении сына, она отвечает: «Ну зачем бы я тебе сказала? Ты же слабый человек... Да, слабый. И ты бы остался. Я знаю. Из-за ребёнка. Сделал бы одолжение... Шесть лет ни письма, ни звука. Ты умер, понимаешь? Исчез, растворился, тебя не существует...»

И снова, в полном соответствии с творческой манерой В. М. Мазаева, в рассказе появляется деталь, на первый взгляд не имеющая никакого отношения к сути рассказа, настолько она не нарочита. Когда герой сидит около больницы, потрясённый неизбежностью смерти когда-то так любимой и желанной женщины, он видит, как около мусорной урны «по бумажной обёртке от мороженого ползала запоздавшая оса, ветер завихрялся вокруг урны, двигал со скрипом бумажку, оса взлетала и снова упрямо садилась – жалкая жертва даровых сладостей...».

Это не заключительная фраза рассказа. Там другая, какой и подобает быть итоговой фразе. Здесь же не то подсознательная оценка героем себя самого, не то авторская замаскированная оценка не только героев, но и всех нас, людей. Не то просто так. Но не зря автор в переиздании назвал рассказ уже так: **«Шоколадка, подпрыгивающая в стакане»**.

Единственный в сборнике рассказ, где автор не только не маскирует свою личную нравственно-этическую позицию, но, напротив, всячески её подчёркивает, а в конце так и выражает напрямую, – **«История с альтернативным концом»**. В то же время это не авторское назидание, а, как и все рассказы в сборнике, плод «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет». Обыденность и распространённость конфликта, образующего рассказ, подчеркнута уже эпиграфом (тоже, кстати, единственным в сборнике) от святого Августина: «Даруй мне чистоту сердца и непорочность воздержания, но не спеши, о Господи!»

Ведущим средством раскрытия характеров персонажей, помимо сюжетного движения, динамичного и насыщенного при внутренней пустоте их существования, становится их портретная характеристика, краткая и очень оценочная.

Героиня: «Приятной внешности молодая стройная женщина (рвущаяся из-под заколок копна волос, персиковые тени, аккуратная в джинсах «Мальвина» попочка) разошлась с мужем, потому что он не устраивал её как мужчина».

Её подруга: «С тугими монгольскими скулами, плотненькая телом, этакая торбочка, и – безотказная».

Приятель на вечеринке: «Лидерствовал в застолье Рома Белкин, щекастый и румяный, широкий, как дверь. Он был с гитарой умопомрачительной марки «Этерия де Люкс».

Ещё один любовник, Олег Олегович, – «Был он без возраста и внешних особенностей, как агент разведки».

Приоритет, как видим, деталям не только внешним, а физиологическим. В этих портретах нет лиц и глаз. Даже имя и фамилия героини – Ася Кременецкая – появляется только в третьем абзаце.

Второе средство – окружающий мир вещей, отобранных автором очень экономно и точно, переходящих в общем контексте в символы. Таков красный фонарь, который включает один из её любовников в маленькой комнатушке – лаборатории, где они «снимают момент напряжения». Такова полированная стенка спального гарнитура, подаренного ей родителями в день свадьбы. «Занимаясь с мужем любовью, любила она подглядывать одним глазом за весёлой схваткой в шоколадной глубине сплетённых тел». После развода с мужем «сей апофеоз супружеского благоденствия» потускнел, расшатался. Но при появлении нового, перспективного с её точки зрения любовника она этот гарнитур очистит, отшлифует, и он станет «тайным экраном, без которого она уже не могла».

Когда же эти любовники начнут меняться, как в калейдоскопе, повергая её во все большее разочарование и печаль, автор пишет:

«Апофеозом этой печали были повисшие вдоль щёк недавно ещё пышные волосы, а также следы старой косметики на лице. Квартира тоже отреагировала: вещи, тряпки нагло вылезли из углов, портьеры обвисли, перекособенились...».

И при этом в изображении Аси Кременецкой и её друзей автор вообще не находит места анализу хоть какого-то их внутреннего со-

стояния, порывов души, поскольку их вообще нет. Этому посвящён один короткий абзац: «Ася ощущала себя обманутой. Супружество, без сомнения, обернулось лажей. Заманило девочку сказкой, оглушило родами, сунуло на кухню, в пелёнки, в чужие драные носки...». Дочка у неё есть, но она лишь помеха для любовных походов, благо есть родители, «деды». Суждения о любовниках злые и связаны только с телесными ощущениями. Даже о том, последнем, единственном, как ей показалось самом любимом, она скажет подруге так: «Верить-нет: к какому месту на теле ни прикоснусь – везде он!»

Какой он великолепный, с точки зрения художественного воплощения, вариант пустой души! И как ощутимо веет классической русской литературной традицией – традицией Гоголя и Чехова, – над которой автор не иронизирует, как современные постмодернисты, а плодотворно и талантливо её развивает.

Завершает В. М. Мазаев рассказ, можно сказать «выстрелом в десятку». Ася влюбляется головокружительно и страстно. Готовится свадьба. И тут приходит известие, что он, Юра, находясь в длительном рейсе, спал в машине при работающем моторе и задохнулся. Ася потрясена и убита горем.

Но тут автор себя как сочинителя останавливает, выходит из своей роли и дописывает, как было в жизни. Да, с Юрой всё было так. Но задохнулся он, как дорасскажет один из приятелей Аси, «не один, а с бабой».

Хороший приём, работающий на постановку авторской задачи. Да, «без любви прожить можно». Куда сложнее с любовью, особенно если ею не жить, а «заниматься».

Если в «Истории с альтернативным концом» любовь явлена в своём самом агрессивном телесном, бездуховном варианте, то последний рассказ сборника, «**Девочка во ржи**», подобрал в себя всю полноту авторского понимания этого феномена внутренней жизни человека.

Чувство, охватывающее двух уже не молодых, жизненно опытных, зрелых людей, есть лишь часть их давно и прочно сложившегося мироощущения, часть важная, желанная, искомая, но не закрывающая собой всей полноты картины жизни. У неё за плечами жизнь, полная труда. Нелепая гибель мужа, пьяным разбившегося на мотоцикле, воспитание уже пятнадцатилетнего сына, старая больная мать. У него – напряжённая и ответственная работа начальником геологич-

ческой партии, постоянно в тайге, уже давно разлаживающиеся отношения с женой, редкие встречи со взрослым сыном.

Кульминационным моментом их, в общем-то, случайной встречи в алтайском селе становится в рассказе поиск ночью, после грозы, пропавшей двенадцатилетней девочки, ребёнка для обоих чужого. Девочка эта – тихое безответное создание, лишившееся дара речи после попытки совершения над нею насилия со стороны взрослого подонка, – это, конечно же, образное воплощение человеческого страдания, присутствующее в контексте мировой литературы и особенно близкое Достоевскому и Чехову. Образ её воплощён автором в рассказе подчёркнуто бесплотным, с размытыми конкретными деталями облика. Как молчаливое видение проходит она по посёлку, видением предстанет однажды она и герою, он долго и безуспешно будет искать её следы, когда она только что пройдёт по берегу и невесомо по воде. Да и догадка, где её искать ночью, придёт к нему как внезапное озарение.

Ночные поиски девочки Савиным и Фаиной (героями рассказа) вместе с другими жителями деревни приобретают в рассказе вполне очевидный подтекстовый смысл как поиск ими вообще пути и пути друг к другу.

После спасения девочки, после близости между ними женщина скажет герою: «...ночью вот шагаю за тобой, а сама думаю: я вот и дороги знаю лучше, и куда идти, и вижу в темноте дальше... а все равно за тобой идти было покойно как-то, радостно...».

Это возникшее между героями любовное чувство вберёт в себя и их любовь к простым человеческим радостям жизни, к природе, к музыке, и тревогу за детей, память о близких, душевное благородство и – самое главное – чувство безмерной ответственности за жизнь.

Сделано это у В. М. Мазаева поразительно по психологической глубине и тонкости воплощения.

По ходу очерка уже отмечалось, что у автора есть такая интересная и значимая особенность его творческой манеры. Он в процессе движения сюжета вводит такой эпизод или такую зарисовку, которые, на первый взгляд, могут показаться случайными и не имеющими прямого отношения к развитию темы. И лишь по прочтении рассказа осознаются как расширение художественного времени рассказа («Эх, люди-лошади»), или его художественного пространства («Задача с двумя неизвестными»), или содержать дополнительный подтексто-

вый смысл («Я забуду тебя...»), что и позволяет насыщать небольшое словесное пространство рассказа глубоким смыслом.

В данном рассказе это сделано так.

Савин дважды по ходу рассказа пытается вспомнить, где он видел такой взгляд, каким смотрит на него старуха – мать Фаины. И лишь в третий раз, когда уже пришёл проститься, а Фаина ушла на кладбище, на могилу мужа, он этот взгляд вспомнил. Так смотрела на него старуха-кержачка, когда он, молодой ещё прораб, прокладывал дорогу к рудному месторождению, приказал снести её ветхий домишко, мешавший продвижению. Он не вышвырнул её из дома, ей быстро построили дом новый и добротный. Но старуха провела там одну ночь, а наутро пошла в старую избушку, потому что старая-престарая икона Николая угодника упала со стенки в новом доме, показывая, что святой угодник не принимает новое жильё. Тогда и приказал Савин развалить хилый домишко бульдозером, что и было тут же сделано... Старуха смотрела на него так, что он подумал: «Таковыми глазами, наверно, будут смотреть на антихриста».

А теперь, вспоминая взгляд матери Фаины, думает: «Что между ними общего? Необъяснимая всё-таки, предательская штука – память».

А память – это голос нашей совести. Это то, что хранит наша душа. В суете повседневности мы многое забываем, но в душе нашей остаются следы пережитого, и рано или поздно душа, совесть, память нас требуют к ответу.

Как писал великий Пушкин:

**«Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивает свиток;
И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалуюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю».**

Многочисленны и разнообразны варианты любовного чувства в рассказах сборника. Авторская цель, конечно, чтобы заставить нас задуматься над ними.

Очевидно одно: любовь там, где затронута и говорит душа.

**О зиме нашей боли и надежды
(повесть В. Мазаева «Пережить эту зиму»)¹**

Новокузнецку 400 лет. История его – и героическая, и полная почти невыносимых тягот, и не одна сотня лет пребывания в сибирской глухомани.

Разбуженный Кузнецкстроем, призванный, как скажет Маяковский, «в сотню солнц мартенами воспламенить Сибирь», он в годы Великой Отечественной окажется, находясь за тысячи километров от фронта, на переднем крае борьбы с врагом. Metallургический комбинат, не останавливаясь ни на минуту, будет ковать оружие Победы.

О разных этапах истории Новокузнецка написано порядочно. Писали о нём и Геннадий Емельянов, и Анатолий Ябров, и Гарий Немченко, и другие авторы. Военная страничка заполнена в основном только публицистикой. Тем больше заслуживает внимания небольшая повесть нашего земляка Владимира Михайловича Мазаева «Пережить эту зиму».

В. М. Мазаев – уроженец Алтайского края. Но уже в его раннем детстве семья вынуждена будет уехать на Кузнецкстрой. Здесь он окончит школу, в 1957 году – факультет русского языка и литературы Сталинского (тогда) пединститута, станет журналистом и писателем. Позже он будет возглавлять Кемеровское областное отделение Союза писателей СССР, будет главным редактором журнала «Огни Кузбасса».

Имя его скоро станет известно и в Москве, и во всей России. Творчески же писатель останется верным родному краю, Сибири. Все его рассказы и повести – о наших краях, о знакомых и близких сердцу людях. Их язык – русский, без заразы всяческих современных сленгов и официальной казёнщины и в то же время без натянутой псевдонатурности.

Такова и эта повесть «Пережить эту зиму» – без сомнения, автобиографическая.

Прототип героя, мальчишки-пятиклассника Толика, – это, конечно, сам автор. Место и время действия – Сталинск 1942 года, та часть города, что расположена за вокзалом, соседствует с Точирино, poste-

---

¹ Первые публикации статьи: Журнал «Огни Кузбасса». 2018 г. Выпуск № 4; Альманах «Кузнецкая крепость». 2018 г.

пенно поднимается в гору, с которой, как на ладони, открывается город, вся его котловина с дымной громадой комбината уже под противоположной горой. Рядом – шахты. Видимо, «Западная», от которой уже следа не осталось. Зато остался кирзавод, тоже упоминаемый в повести. За «Западной» была шахта имени Димитрова, от которой остались только развалины административного корпуса. Вполне узнаваемо и бывшее паровозное депо.

Всё остальное содержание повести – плод творческого воображения автора. Но дух правды, точности, абсолютной достоверности в изображении времени, характеров и конфликтов поражает не только нас, ровесников того времени, но и молодого читателя, как поражает только правда.

Сама фабула повествования и предельно проста, и предельно типична для того времени.

У друга Толика Шурки Баздырева, тоже пятиклассника, ушёл на фронт отец. Мальчишки оба остались за старших в своих семьях. Их главная забота – достать топливо, чтобы пережить лютую и голодную военную зиму в старом деревянном бараке, оставшемся ещё от времён Кузнецкстроя. Они и пытаются это делать, сталкиваясь при этом неизбежно с такими же и тем же занятыми мальчишками с других улиц, особенно из Точилено.

Когда кончатся дрова и уголь на складе Гортопа, где они то и другое получали по талонам, обледенеет в январе террикон с шахтовой породой, где они дрались и соперничали с точилинскими, и будет сожжено всё, что можно сжечь, – останется одно. Ещё по осени стройбатовцы выстроили в склоне горы длинное овощехранилище, заполнить которое было нечем. Его закрыли. Мальчишки стали пробираться туда, выбивать из верхних пазов через одно двухметровые брёвна и уносить на дрова.

И однажды в образовавшийся провал рухнет слой земли и снега с кровли хранилища и погребёт под собой Шурку.

Эту трагическую фабулу автор наполняет необычайно живым, интересным, достоверным художественным содержанием, характеризующим эпоху, людей, обстоятельства военного времени. И самое главное – через детское восприятие: непосредственное, глубокое при всей наивности, искреннее и живое.

Он предпочитает психологические сложности, социально острые (не для детского ума) моменты опускать в подтекст, в то же время

чётко их обозначая через отдельные детали, характеризующие и время, и внутренний мир мальчишек.

Повесть очень сжата, внутренне динамична, увлекательна.

Попытаюсь обратить внимание на некоторые её художественные стороны.

Первая из них – это достоверное, ненапрянутое, острое развитие главного конфликта повести, давшего ей и название «Пережить эту зиму». В этих словах – ключевая точка авторского замысла. Он не говорит об этом ни одного пафосного слова, но вот страна знала тогда и обязаны помнить сегодня мы, что такое была зима 1942 года.

Для мальчишек в повести сверхзадача – не дать замёрзнуть родным. Они – мужчины в своих семьях. Семья Толика живёт хотя бы на 2-м этаже деревянного барака, там чуть теплее. Шурка – на первом, где сыро и совсем холодно. К тому же, печку в их квартире отец не успел переложить до ухода на фронт. Один из стройбатовцев, откликнувшись на мольбы матери, успел разобрать по кирпичику для ремонта, а на завтра всю эту команду куда-то перебросили. Война! Взятый за дело дед – не печник, собрал её так, что хорошая тяга за минуты выдувала всё тепло, даже плита не нагрелась.

В начале зимы ещё брали дрова и уголь по талонам на складе Гортопа, ворочая неподъёмные для мальчишек мешки с углем и выворачивая из заснеженной кучи дрова-«швырок». Но всё это на складе скоро кончилось.

Стали ходить выбирать уголь на громадный, высокий террикон вывозимой из забоев вагонетками горной породы. Терриконы тлели скрытыми под породой пожарами, тая смертельную опасность. Тут пошли и драки с точилинскими пацанами, которые считали эти терриконы по праву своими. Но в середине января вдруг на три дня оттепело, снег начал таять, крутой мороз снова всё схватил, и на обледенелый террикон если чудом и залезешь, то вниз – почти верная смерть. Тогда и задумался Шурка брать деревянные сваи, поддерживающие засыпанную полуметровым слоем земли и снегом крышу пустующего овощехранилища.

Второе слагаемое повести – это система образов, очень много добавляющая в конфликт и в раскрытие авторского замысла. Она немногочисленна. Главных – двое.

Вот портрет Толика, содержащий и его характеристику:

«Я был тоненький, похожий, как говорили, на четвероклашку с

первой парты, от рождения страдал косоглазием. Восьми лет мне сделали операцию, она была мучительной, прошла не совсем удачно, снять очки врачи не разрешили. Однажды при беготне я расколотил их. Два бесконечных месяца пришлось сидеть дома, пока мама с бабушкой великими трудами и знакомствами не раздобыли мне новые. С тех пор я стал для надёжности приматывать очки к ушам суровой ниткой...».

Естественно, что на бегу или при напряжённой работе очки запотевают, делая Толика полуслепым, а при всякой мальчишеской потасовке он просто обязан их сначала снять и затолкать подальше в карман.

Шурка – ровесник Толика, но он крепче, сильнее, увереннее стоит на ногах. Он грубоват, резок, но внутренне необычайно надёжен и порядочен, смел и отважен до безрассудства. Они друзья. Толик ему втайне завидует, смело за ним и с ним всюду идёт и любит его.

Когда Шурка полез, несмотря на мольбы и уговоры Толика, на ледяной террикон на верную гибель, тот успевает схватить с его ноги драный и разбитый валенок, отбегает с ним в сторону и не отдаёт. Шурка плачет от отчаяния и много от чего ещё. У автора это за текстом. Они всегда вместе, до Шуркиного смертного конца.

Во главе соперников, «точилинских», Гошка Мякиш:

«...В широких штанах с чужого плеча, стянутых ремнём на тощем брюхе в крупные складки, в кепке с оторванной пуговицей-нахлебником. Круглую зиму, от осени до лета, в огромном, простроченном грубой ниткой ватнике, запахнувшись в него полтора раза. Во время драчек и потасовок длиннополый, с оборванными застёжками ватник взлётывал лихо за его спиной, точно кавалерийская бурка...».

Гошку все побаиваются, у него уже четыре привода в милицию. Он с друзьями и на терриконе, и в овощехранилище тоже стали приходиться за брёвнами. Всегда драки. Но когда последний раз Шурка и Толик их там в темноте подкараулили и драка началась, оба почувствовали, что Гошка совсем не тот. Один мальчишка крикнул: «Не бейте его, у него отца убили!»

Толик живёт с матерью, почти сутками занятой в лаборатории комбината, и с бабушкой. У бабушки жуткие артрозные боли в коленке, она даже ночью укладывает ногу на подушку, а спит на подстилке. Днём ходит по комнате с табуреткой, на которую при каждой остановке кладёт ногу.

Шурка живёт с матерью, которая после ухода мужа на фронт пошла работать в горячий цех на тяжелейшую работу, чтобы получать продуктовую карточку первой категории. И с трёхлетней сестрёнкой Нюськой. Пока мать на работе, а Шурка в школе и в поисках топлива, Нюська, вечно холодной комнате и постоянно голодная, укутана Шуркой, как сноп, во всевозможные одежки и соблюдает строжайший запрет выходить на улицу и близко подходить к горячей электроплитке.

В разговоре с бабушкой Толика она о себе говорит: «Я хо-ошая». На вопрос, почему она хорошая, отвечает: «Ма-енькая и не па-ачу... А вот мама бо-сая, а па-ачет».

У Шурки – всё в душе, а у автора вся «психология» в подтексте, читатель её чувствует и понимает. В таком же более чем сдержанном и жёстком стилевом ключе решена и самая страшная сцена в повести.

На третий день после гибели Шурки вдруг приехал проведать семью его отец, уже офицер, капитан. Мать, совершенно убитая, лежит, вообще не вставая, повернувшись лицом к стене. Отец входит в комнату, мать поворачивает голову, в полном ужасе сползает с кровати и становится на колени... Всё. Толик видит это и закрывает дверь.

А мы, читатели, вспоминаем начало повести, когда отец Шурки уходит на фронт. Он даже не уходит, а уезжает на собранном рабочими паровозного депо бронепоезде. Он там один из главных сборщиков и даже уезжает не с оружием, а с инструментальным чемоданчиком в руках. Шурка спрашивает: «Папка, тебя же там не убьют?» И отец отвечает: «Да ты что? На такой-то крепости...»

Художественное время и пространство в повести тоже предельно сжаты. Они почти сведены к реальному времени и месту. И расширены при всей сдержанности очень эффективно.

В повести своё должное место занимает образ комбината. Хорошо видный с противоположной горы, громадный, дымный, тяжело дышащий, задающий своим гудком ритм жизни всему городу, он кажется каким-то чудом света.

Вот как выливаются вагоны-ковши на шлаковом отвале днём и ночью:

«Опрокидываясь, ковш выплёскивает ослепительно-белый язычок. С каждым мгновением язык стремительно растёт, удлиняется – и вот уже сверкающей сказочной лентой сверху вниз перепоясало насыпь. Ослепительно-белое становится золотисто-багряным, потом

алым, потом малиновым... Затухает. В той же последовательности и теми же красками – только тысячекратно увеличенно – вспыхивает, расплывается, горит и неистовствует над городом зарево».

Знают мальчишки и про разбитую технику, нашу и трофейную, привозимую на Рудокопровую. И про происходящие там взрывы, узнают и про то, что к заводууправлению привезли немецкие танки и по ним можно лазить.

Расширится художественное время-пространство и воспоминанием Толика об отце, который на Алтае заведовал маленькой сельской школой, сельский интеллигент. На него поступил донос. Отец с семьёй успел уехать на Кузнецкстрой, скрыл диплом учителя, устроился чернорабочим на шлаковый отвал. Здесь ему и обожгло ноги почти до колен раскалённой массой. Он умер. Мать же до самой смерти Сталина в 1953 году не смела никому раскрыть, кем был отец.

Толик тайно завидовал Шурке, что у него есть отец.

Сыграет свою роль и маленькая главка о появлении в городе тысяч беженцев, которых абсолютно некуда поселить. Они уйдут дальше, в ещё более голодные и холодные деревни. Уйдут на вымирание. Жестокие штрихи эпохи.

Есть в повести и коротенькая публицистическая главка, от которой автор, видимо, не смог или не захотел удержаться: «Кто повинен?» Разумеется, в целой цепи бед и трагедий, о которых упоминает автор, виновата война. Но мы, знающие свою историю, думаем и о другом.

Наконец, нельзя не сказать о стиле и языке этой маленькой повести, написанной от лица мальчишки-пятиклассника. Это его видение мира, понимание событий и людей, ровесников и взрослых. Отсюда и общий тон повествования: устами ребенка. И в то же время сам автор, Владимир Михайлович Мазаев, – это и есть тот ребёнок, выросший и сформировавшийся как писатель.

В языке повести совершенно органично слились непосредственность ребёнка и зрелое мастерство, опыт талантливого писателя. Оба этих речевых пласта неразрывно переплетены в повествовании, составляя очень интересное художественное единство.

В финале повести Толик ведёт Шуркиного отца на кладбище к могиле сына.

Высоким подтекстовым смыслом полна эта картина: могила Шурки расположена в ряду, где похоронены солдаты из многочис-

ленных новокузнецких госпиталей, умершие там от ран. Шурка – с ними, кто отдал свою жизнь, чтобы пережить эту зиму нашей истории...

Когда вспоминаешь впечатление от чтения мазаевского цикла «Рассказы сибирячки», сборника рассказов «Без любви прожить можно», повестей «Человек и окрест него», «Крутизна» и других, то понимаешь, что среди нас жил человек, горячо и беззаветно любивший родную природу, землю Кузнецкую, земляков, родной язык. Любил и умел об этом сказать.

В моём представлении его книги в одном ряду с «Бухтинами вологодскими» и «Привычным делом» Василия Белова, мудрыми и горькими повестями Валентина Распутина, завораживающими высокой простотой рассказами Василия Шукшина.

Это наше родное, русское, подлинное и великое.

Эпиграфом к книжке своих произведений, изданных Кемеровским издательством «Кузбасс» в 2003 году, он поставил свои слова:

«Вернётся ещё почти утраченная ныне мода на рассказанную очень простыми словами житейскую историю».

Это одна из них.

---

2. ЛЮБОВЬ АЛЕКСЕЕВНА НИКОНОВА

«Как жить, родимые, как быть?» Об одном стихотворении Л. А. Никоновой¹

«Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...»
А. С. Пушкин

Не рвётся нить жизни живой, даже когда мы, люди, неизбежно уходим из неё. В человеческом сознании, в памяти, в духовной жизни эту вечную связь времён осуществляет литература, музыка, живопись – вообще, культура не даёт человеку остаться наедине с собой и своей телесной сущностью.

Первенствующая роль литературы обусловлена тем, что её главный инструмент – художественное слово, а оно, по замечанию Льва Толстого, «будь то слово Гёте или слово пастуха Федыки, отличается от нехудожественного тем, что рождает в сознании читателя или слушателя неисчислимое множество ассоциаций».

В ассоциативности художественного слова – залог его бессмер-

---

¹ Первые публикации статьи: «Кузнецкий рабочий». Январь 2015 г.; «Ради жизни на Земле». Кузнецкий автограф. Хрестоматия. 2015 г.

тия в веках и в любой суете, называемой «общественная жизнь». Подлинный поэт эти ассоциативные связи тонко чувствует, обнаруживает и множит, создавая глубочайший исторический подтекст.

Хочу предложить вниманию читателей вариант трактовки ассоциативной глубины одного стихотворения новокузнецкой поэтессы Любви Алексеевны Никоновой (к сожалению, ушедшей из жизни в 2012 году). Стихотворение опубликовано в последнем прижизненном сборнике её стихотворений «Похожи встречи на подарки» в разделе «Дыхание смутных времён».

Названия оно не имеет, но ему предпосланы два эпиграфа, оба из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов». Первый: «Народ безмолвствует», второй: «Народ завыл».

Первая фраза, как хорошо помнят многие читатели, завершает пушкинскую трагедию и выражает собою абсолютное неприятие народом попытки подменить убиенного царём Борисом царевича Дмитрия и возвести на русский престол польского ставленника Лжедмитрия. Выражается это народное неприятие абсолютным молчанием толпы, собравшейся у дворцового крыльца, в ответ на требование, как бы сейчас сказали, «властей», кричать здравицу ставленнику царя Бориса.

Пушкинская ремарка «Народ завыл» подытоживает то состояние беспросветной угнетённости, что испытывал простой люд не только в то смутное время. Трудно назвать такую эпоху нашей истории, в которую, как выразится позже другой великий народный поэт, «где бы русский мужик не стонал», будь то революции, войны, хоть Гражданская, хоть Отечественная, хоть перестройки и реформы, до которых так охочи «радетели о народном благе». А народное безмолвствование так заманчиво толковать как одобрение, а ещё лучше – не придавать ему никакого значения.

Глубинная связь времён осуществляется в сознании современного поэта уже на уровне общежизненном, историческом.

«Народ безмолвствует».

А. Пушкин

«Народ завыл».

А. Пушкин

Между «безмолвствовать» и «выть»
Как жить, родимые, как быть?
«Котёнок плачет». «Месяц светит»...
Бог шельму метит и не метит.
В лохмотьях, бурых, словно йод,
Бредёт по площади юрод –
И от того, что знать дано,
В глазах всевидящих темно.

Между «безмолвствовать» и «выть»
Как жить, родимые, как быть?
Щепоть землицы разорённой,
К небытию приговорённой,
Легко ли на груди носить?
Кого винить? С кого спросить?
И узнавать на гребне бедствий
Стыда не ведающих бестий,
Что топят в лаве речевой
Звон колокольный вечевой.

Между «безмолвствовать» и «выть»
Как жить, родимые, как быть?
Дешёвою давиться жвачкой,
Мириться с лучевой болячкой,
Не зная даже, болен чем?
А может, и не жить совсем?
Иль так: убогим претворяясь,
Скрывать всё время с духом связь,
Замкнувшись, стойко от интриг
Спасать духовный свой родник?
Иль среди леса, среди гор
Искать сокрытый там собор,
Хранящий в заповедных дебрях
Обличия аскетов древних, –
Но обнаружить котлован
Со множеством крестов нательных,
С костями русских христиан
И их младенчиков недельных.

**Ты на кого оставил нас,
Небесный Царь, Пресветлый Спас?
Взывая к высшей правоте,
Сто лет мы плачем в темноте,
Чтоб твой увидеть Светлый Лик.
Из сотни лет даётся миг
Нам меж «безмолвствовать» и «выть»
На то, чтоб жить,
На то, чтоб быть.**

Стихотворение помечено двумя датами: «1989 – 1996». Это прямо указывает на то, что автор дважды обращалась к этому стихотворению. И судя по контексту, первое обращение было вызвано одним из самых трагических событий нашей истории XX века – взрывом Чернобыльской АЭС. Событие это введено в стих, конечно, как событие-символ, обозначающее одну из высших степеней покаяния, уничтожения народа.

Другой такой же символ физического и духовного покаяния народа – это историческое явление, отражённое в повести выдающегося русского писателя-провидца Андрея Платонова «Котлован». Отсылка к нему прямым словом выражена в стихотворении. Герои повести, преодолевая нечеловеческие трудности и лишения, роют котлован под будущее светлое здание добра, справедливости и счастья и, ослеплённые идеей, не замечают даже гибели детей, во имя счастья которых они это делают. Это порочный замкнутый круг, дурная бесконечность, которая побуждает автора стихотворения ставить вопрос перед Вседержителем, творцом всего сущего:

**Ты на кого оставил нас,
Небесный царь, Пресветлый Спас?
Взывая к высшей правоте,
Сто лет мы плачем в темноте.**

Любовь Алексеевна Никонова была человеком глубоко и искренне верующим. Вопросом этим она выражает не ропот против Божьей воли. Мысль её гораздо глубже. В бесконечной цепи времён, в Бытии, каждому поколению выпадает свой миг «на то, чтоб жить, на то, чтоб быть». И чем этот миг бытия наполнить – это вечная задача, стоящая перед сменяющимися друг друга поколениями.

Наполнено стихотворение, как большинство их у Любови Алексеевны, глубоким раздумьем, душевным болением за людей, за их

страдания и вечные тревоги, за их короткие радости и зыбкие надежды. Отсюда и некоторые особенности организации этого стихотворения. Во-первых, обращение через эпиграфы к одному из самых смутных и трагических периодов русской истории, отразившихся в великой трагедии Пушкина из народной жизни. Известно, как долго и трудно искал поэт фразу, завершающую трагедию. В ней – «народ безмолвствует» – он выразил и потрясение простых людей столь бесчеловечным преступлением царя, произволом власти, прикрытым бессовестным лицемерием, и привычную народную покорность, и ту, пока ещё не осознаваемую, подспудную, угрозу, которую позже так сильно выразят и Некрасов, и Блок («...но наши топоры лежали до поры») и «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем»).

Совсем не случайно, по свидетельствам исследователей, Пушкин, найдя, наконец, эту заключительную фразу, воскликнул: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» (Кстати, один из исследователей этого финала – наш земляк, выпускник нашего бывшего факультета русского языка и литературы, ныне кандидат филологических наук, доцент Тольяттинского государственного педагогического университета Александр Анатольевич Ильин.)

Во-вторых, Л. А. Никонова избегает в стихотворении прямых социальных, адресных инвектив (действительно: «кого винить? С кого спросить?») и даёт только обобщённые образы-символы народных страданий, обманов, утраты надежд и иллюзий, усиленные троекратным повтором вопроса, который веками задают себе люди и сам поэт:

Между «безмолвствовать» и «выть»

Как жить, родимые, как быть?

И четвёртый повтор этих слов в конце стихотворения ответа, конечно, не содержит – он лишь утверждает продолжение жизни, данной Творцом, с её вечными вопросами.

И в-третьих, внутренняя свобода самой формы стихотворения. Оно содержит шесть строф, но каждая строфа составила из разного количества строк: 8-10-6-4-8-9. То есть размер строфы определяется не канонем, а смыслом. Стихотворный размер стихотворения – трёхсложный с ударением на последнем слоге в стопе – амфибрахий. Но это лишь по схеме, а реально и количество слогов в стопе часто больше трёх (4 – 5), и ударения стоят свободно, не по схеме, что делает интонацию стиха разговорной, раздумчивой, свободной.

Любовь Алексеевна утверждает и вечную связь времён в нашей

истории, и необходимость «жить» и «быть», невзирая ни на какие сложности бытия, и, самое главное, – жить не бездумно, а понимать смысл уроков истории.

«Похожи встречи на подарки».
О сборнике стихотворений Л. А. Никоновой¹

Сборник издан в 2003 году Кемеровским издательством «Летопись» и представляет собой своеобразное подведение итога творчества поэта на тот год. Он содержит восемь тематических разделов, и в каждом – стихотворения, соответствующие заявленной тематике, созданные на протяжении всего творческого пути Любови Алексеевны от 1966-го по 2003 годы. Это разделы: «Глаза жизни», «Как пчела в цветах», «Распорядилась так судьба», «Горящая музыка», «Не споря с высшей силой притяженья», «Ветер добирается до души моей», «Дыхание смутных времён», «Сокровенной России свечень».

Названия разделов достаточно свободны и произвольны, продиктованы лишь внутренним авторским чувством и никаких ограничений на содержание стихотворений каждого из разделов не предполагают. Очевидно только, что от раздела к разделу стихи всё более зрелы, выношены, выражают всё более глубокие раздумья и переживания автора.

I

Стихотворения первого раздела сборника – «Глаза жизни» – выражают идею, которая вообще-то пронизывает всё творчество Л. А. Никоновой – идею вечной, всеобщей органической связи всего сущего на земле и в небесах, всего божьего творения. Идея эта сквозная для её творчества, стихотворения этого раздела (подчеркну ещё раз – созданные в разные годы её творческой жизни) лишь наиболее полно и последовательно её воплощают.

Ощущение единства всего живого и своей причастности к нему пронизывает все стихотворения этого раздела и роднит их с натурфилософскими стихами Н. А. Заболоцкого, достаточно вспомнить хотя бы такие его строки:

«... и в этот миг

Всё, всё услышал я – и трав вечерних пенье,

---

¹ Первые публикации статьи: Журнал «Огни Кузбасса». 2016 г. Выпуск № 3; Альманах «Кузнецкая крепость». 2016 г.

*И речь воды, и камня мёртвый крик,
И я, живой, скитался над полями,
Входил без страха в лес,
И мысли мертвецов прозрачными столбами
Вокруг меня вставали до небес...»*

У Любви Алексеевны:

**И будет вечно в свете звёзд и дня
феномен жизни изумлять меня.
То проплывёт чудесный трилобит,
то в раковину доброе чудовище трубит.
То пылкий жук, красивый, как амур,
слагает песнь любви, как трубадур...
То под лазурный свод небесных сфер
вдруг выплывают утки из пещер...
Мелькает бабочка, как маскарадный маг.
Без устали пчела щекочет мак.
Десятки ненасытных хоботков
берут еду с естественных лотков...
И возникает из среды земной
Жар-птицы дивной образ расписной.**

Бесспорно, можно говорить о воздействии великого поэта. Но нужно не забывать и другое. Если Монтень говорил: «Не в писаниях Гомера, а во мне самом содержится то, что написал Гомер». То есть воздействие предшественника на последователя невозможно без их внутренней духовной взаимосвязи и единства.

Именно такую взаимосвязь мы слышим в строках стихотворений Никоновой.

В стихотворении «Лесные звуки»:

**...И кто-то пел прозрачно и минорно,
притягивая душу, как магнит.
Но кто-то жил без песен, жил безмолвно –
и ясно было слышно, как молчит.**

В стихотворении «Ночная река»:

**Ах, эта ночь с луною рыжей!
С веками сплетены века.
Забито небо всякой рыбой.
Забита звёздами река.**

В стихотворении «Зелёный свет»:

**...И, выставив задорный гребешок,
гриб полуголый пел, как петушок.**

В стихотворении «Лежу в степи, шумит трава»:

**Я с конским щавелем одно
и с заячьей капустою.**

**И если в этот миг умру,
я смерти не почувствую.**

II

Основная тема второго раздела сборника – «Как пчела в цветах» – это тема любви как вечного и главного закона бытия, любви в смысле божеском и природном, любви как всеобщего животворящего начала.

В стихотворениях этого раздела нет выражения чувственных восторгов, ни слова о радостях плотской любви, но есть другое:

И счастье есть. И музыка кругом.

Слились в один два потемневших взора.

**И кажется, колеблется наш дом,
качается, – должно быть, рухнет скоро.**

**И рухнет он в цветущие кусты,
в их белые душистые объятия.**

А я с тобою.

А со мною ты.

Все люди сестры и все люди братья.

Но не сводимо содержание этого раздела лишь к этой благостной картине и радостному чувству. Впервые в сборнике появляется начало мотива боли душевной, одиночества и сомнения.

В финале стихотворения «Сосновый бор» зазвучит эта мысль о драме разобщённости в природе и среди людей:

Я слушала, не радуясь ночлегу.

И нестерпимо было слышать мне,

Как человек взывает к человеку,

Сосна к сосне,

Сосна к сосне.

В другом стихотворении пять молодцов и героиня, натянув тугие луки, пускают стрелы на поиски счастья. У других стрелы попали в цель, «взяли в жёны купчих и дворянок и царевну-лягушку, ве-

стимо» –

А моя стрела – всё летит.

Ни намёка на приземленье.

И уже в 1993 году будет написано стихотворение:

Вольная птица – да негде присесть:

занято, занято, занято здесь.

Вот и летай, пока крылышки держат.

Вот и живи, беспрестанно летя.

Крыльев в полёте тебе не подрежут.

Только надолго ли хватит тебя?

Это глубокое, полное острого драматизма осознание невозможности жизни без любви вступает в сознании лирической героини в напряжённую схватку между подлинной, пусть мучительной и трудной божеской любовью и теми многочисленными и такими распространёнными антиподами любви, до которых часто так падок и слаб человек.

Вот одна из таких строк:

Всё ненависть лезет, и нечисть, и нежить:

земля, мол, лишь нами полна.

Возьми нас в друзья, а не то пожалеешь,

прими нас – иль будешь одна!

Но что за судьба – с ненавидящим сердцем?

И, веру спасая свою,

с усталым лицом, от страдания серым,

стою на своём я: люблю!

III

Начатые здесь светлые и горькие раздумья получают интересное развитие в третьем разделе сборника, названном «Распорядилась так судьба». Первое, что обращает на себя внимание в стихотворениях этого раздела, это – при всей слитности лирической героини с миром, с природой и людьми – это ощущение своей отдельности, инакости своей личности и судьбы, чуть ли не гостьей с иной планеты.

Опустись, светоносец, загадочный диск,

опустись ещё раз. Это даже не риск.

Я верчу и верчу марсианский волчок,

я гляжу и гляжу в твой зелёный зрачок.

**Под твоей оболочкой из тонкой слюды –
зеленеющий рай идеальной среды.
Заселён этот рай, светозарный, большой,
совершенной, одной, коллективной душой.
Это братья мои. Мы в разлуке давно.
И вернуться туда мне уже не дано.
За какой-то проступок (не помню, какой)
отлучили меня – и закрыли за мной.**

Второе – это абсолютное неприятие всего, что в жизни лишь вполювину, не в полной мере и не до конца: полуправды, полудружбы и полувражды:

**Полулюбовь – двусмысленна, двулична.
Наполовину тёмн её свет.
И полувера – двойственна обычно.
Двуручной полувере – веры нет.**

**Полунадежда тоже двоедушна
и не надёжна пред лицом беды.
Но самое плохое – полудружба,
предательский двойник полувражды.**

Прозвучит в стихотворениях этого раздела и голос страсти, острое, почти мучительное переживание роковой подчас несовпадаемости в судьбах людей мужского и женского начал, «ян» и «инь» по восточной философии, отталкивания и притяжения не по каким-то рациональным поводам и обстоятельствам.

Стихотворение «Всё, что стон вырывало из уст» завершается такой строфой:

**Иль прониклась безудержом я
и энергией первопричинною?
Или это звезда и земля?
Или женщина это с мужчиною?**

Всего острее это выскажется в стихотворении, очень своеобразном по форме. Это не традиционное стихотворение, не верлибр, не стихотворение в прозе и не фольклорное причитание, а нечто среднее между ними, с многократными повторами и усилениями, призванными выразить крик тела и души – «Иду любовью долгою своей...»

Композиционно в нём два полюса. Один – состояние холодной безлюбовности. А другой –

**Но лишь тебя увижу – обомру,
потерянно застыну на юру,
сразу всеми огнями обжигается,
всеми пламенями палима,
всеми водами окатывается,
всеми морозами прохватывается,
всеми ветрами обдувается,
с помраченным взором,
с душой перевернутой,
с судьбой кровотокающей.**

Это состояние выведено за пределы индивидуальной судьбы, оно почти иррационально, и потому это один из законов бытия.

IV

Следующему, четвёртому разделу сборника Любовь Никонова дала очень глубокое и точное название: «Горящая музыка». В стихотворениях этого раздела нашла отражение еще одна – ярчайшая – сторона личности и творчества поэта – способность слышать и воспринимать музыку жизни. Способность эта далеко не каждому дана, и её наличие открывает человеку такие глубины и смыслы бытия, такую красоту и гармонию жизни, какие дают существованию человеческому оправдание перед Богом.

Поэт в душе своей соединяет внутреннее звучание жизни и мелодию, созданную композитором. Естественно, что и здесь у Л. А. Никоновой есть великие предшественники, достаточно вспомнить Блока, а самый ближайший – тот же Н. А. Заболоцкий. В 1957 году, вспоминая героическую гражданскую войну с фашизмом в Испании, он написал своё знаменитое стихотворение «Болеро», завершающееся такими словами:

*«Танцуй, Равель, свой исполинский танец.
Танцуй, Равель! Не унывай, испанец!
Вращай, История, литые жернова,
Будь мельничихой в грозный час прибоя!
О, болеро, священный танец боя!»*

У Никоновой звучит именно это: созвучие Истории и души художника, «посетившего сей мир в его минуты роковые» (А. Блок).

Она пишет стихотворение «Мусоргский», в котором не просто поразительно коротко и сильно сказала о кровной связи творчества

композитора со «смутной» русской историей, но и нашла слова, которые, на мой взгляд, гениально передали суть его личной и общественной трагедии:

**...Россию и сердцем, и духом
То гневно, то скорбно любя.
О, удаль! О, горечь! О, жалость!
Сожги, изведи, сокруши!
И тело его разрушалось,
Уже не вмещающая души. (! – А. С.)**

Есть в этом разделе и великолепное стихотворение «Берлиоз. Сцена охоты», в котором она коротко и точно, а оттого и красиво выражает воздействие музыки на душу:

**...Охотничий рог, затруби!
Звук долгий, морозный и чистый
прожжёт нас до самой крови
своей чистотой серебряной.**

.....
**Но слышишь, как звук роговой
в крови всё ещё догорает?**

Но даже когда и не звучит мелодия, душа поэта причастна и музыке бытия, она способна уловить её в шуме ветра, рокоте волн, завывании бури и просто в молчании.

Считаю в этом смысле маленьким шедевром стихотворение «Горящая музыка», по названию которого назван и весь раздел.

**Сгорает лес, мелодий полный,
цветных, как радужный туман.
Гудит огонь в печи покорной,
огонь, похожий на орган.
До корня музыка сгорает,
до угля чёрного, дотла.
А всё играет, всё играет...
И в поддувале дотлевают
ещё звучащая зола...
И вот – шепот немного пепла.
Ты как до этого дошла,
мелодия небес и пекла,
а может, и сама душа?**

Когда же звучит обыкновенный романс, давно уже у всех на слу-

ху, никаких открытий и новизны в себе не содержащий, чуткая душа поэта слышит за этим текстом старую, но вечную для каждого новую историю любви и страдания и откликается на неё... Как это, например, в стихотворении «Жалобно стонет...» (первые слова известного сентиментального романса).

Финал стихотворения:

**Так дайте же мне
посидеть у огня без движенья,
опять пережить красоту
этой острой разлуки,
опять осознать, помертвев,
глубину поражения –
и с жалобным стоном
уткнуться лицом в свои руки.**

Ещё один мотив, вовсе не странный у русской поэтессы и очень характерный, значимый для Любови Алексеевны, зазвучал в этом разделе. Целая группа стихотворений объединена общим названием – «Цыганские напевы». Если мы вспомним, какое место занимала цыганская тематика в творчестве А. С. Пушкина, Аполлона Григорьева, Сергея Есенина, Александра Блока и других русских писателей и поэтов, то согласимся, что дело вовсе не только в экзотике цыганских странствий, быта, обрядов и очень самобытной культуры, хотя и это тоже имеет значение.

Для Любови Никоновой, женщины и поэта абсолютно русского без всякой цыганщины в судьбе, цыганская тема – это символ воли, удали, широты души – всего того, что так характерно для русской души и русских просторов.

В стихотворении «В самарской степи...» она скажет:

**Одною рождённые общою далью
цыганские песни и русские слёзы.**

Совершенно поразительно её провидческое проникновение в поэтическую душу Пушкина, а через неё и в русскую душу в стихотворении «Пушкин у цыган».

Вот его заключительная строфа:

**В ней (в песне цыганки – А. С.) зов свободы и плененье,
покой – и тонкое волнение,
живой огонь – и ветер снежный,
и край земли – и мир безбрежный...**

**Цыганка, вопреки столетьям,
распоряжается всем этим...
И, восхищенья не тая,
он крикнет: «Радость ты моя!»
Ах, эта радость, прелесть эта –
вот утешение поэта.
Цыганки пенье,
свист метели...
Шесть лет осталось до дуэли.**

V

Пятый раздел сборника озаглавлен «Не споря с силой притяжения». Он вобрал в себя стихотворения, развивающие и углубляющие начатую во втором разделе тему любви как главного, универсального жизненного начала. Там же, во втором разделе, появились и стихи, выражающие чувство одиночества, горькие сами по себе и требующие углублённой душевной проработки. Здесь, в пятом разделе, не просто идёт эта глубокая проработка, а настоящий спор лирической героини с самой собой и с общепринятой, преимущественной трактовкой темы любви.

Не наше дело, да и вообще недопустимо лезть в обстоятельства личной жизни, судьбы поэта, как сейчас это стало модно, мы должны только поглубже всмотреться в творческий феномен раскрытия этой темы.

Во втором разделе преобладало всё-таки переживание любви как страсти. Здесь зазвучали строки, выражающие всю глубину, даже трагизм нелюбви, «не-встречи», как говорила Цветаева, обречённости на одиночество.

Вот заключительные строфы стихотворения «Любовь странника»:

**Душа уже встречалась с тьмой –
и видит тьму на расстоянии.
Никто не станет жить со мной.
И я – ни с кем не в состоянии.
Но «каплю жалости храня»,
явитесь на пути мучительном –
и заступитесь за меня
пред всемогущим Вседержителем.**

Стихотворение «Не нравьтесь мне. Я вас люблю» завершается такими строками:

**И там, где явится она, (любовь блистающая – А. С.)
в раю, в глубинах милосердия,
одна, как скрытая струна,
звучит звенящая трагедия.**

В этом плане очень интересно, как Любовь Алексеевна переосмысливает известнейший романс, ставший буквально народной песней, «Когда б имел золотые горы». Отталкиваясь от канонической строки «...с пустой котомкой за плечами стучится странник у окна», она начинает стихотворение строкой: «Я всё с той же сумою стою под окном». Только «с пустой котомкой», «с сумой» стоит не отомщённый «злой изменник», а сама отвергнутая героиня «полжизни в опорках отмерив пешком», возвратилась под заветное окно бывшего возлюбленного и умоляет хотя бы на минуту дать посмотреть на счастье тех двоих, кого должна ненавидеть, но она их любит: «пусть прольётся ко мне вашей жизни вино».

**И стояла я сутки, и месяц, и век,
Мне терпение было любовью дано.
И раскрылось окно – и сказал человек:
В церкви надо стоять – и захлопнул окно.**

Стихотворение вызывает на непростые размышления, и размышления авторские идут в стихотворениях всего этого раздела. Центральное из них – это, без сомнения, стихотворение «Особая форма жизни». И название не поэтическое, и написано оно в прозе. Это совсем не случайно. Плотность мысли в высказывании может быть так велика, что стихотворная форма сковывает её выражение мерной стихотворной строкой с необходимым количеством ударений, пауз, соблюдения ритма, рифмы и т. п. Отсюда допустимость и необходимость выражения сложной и насыщенной мысли более свободным языком прозы.

Объём стихотворения не позволяет цитировать его здесь полностью, но основные суждения таковы:

«Любовь – это какая-то особая форма жизни, нами совершенно не изученная. Она не любит шуму. С ней не надо своевольничать, но можно незаметно радовать её, помогать ей в трудные минуты. Она крепка и хрупка одновременно. Нужно научиться ощущать её присутствие – и не пугать её, не беспокоить, не навязывать ей своей воли,

не угнетать, не подстёгивать, не мучить... Она не задерживается долго с теми, кто не щадит её. Если бы в данный момент у меня спросили: «А где она сейчас?» – Я бы ответила: «Она недалеко. Она рядом. Она со мной».

Я не настаиваю на абсолютности своего объяснения причины обращения автора к стихотворению в прозе. Достаточно вспомнить слова великого Пушкина:

*«Из наслаждений жизни
Лишь любви музыка уступает.
Но и любовь – мелодия».*

Здесь же нет мелодии, волшебства, тайны в выражении чувства, есть глубокое, мудрое, но рациональное рассуждение о чувстве радостном и мучительном, есть попытка его преодоления при всём признании.

В стихах этого раздела мелодия любви будет звучать и дальше, очаровывая радостью, болью, великолепной самоиронией:

**Я легко возвращаюсь.
Сама не пойму,
Для чего, почему, интересно?
Если прямо сказать, если всё по уму,
Несвободно мне с Вами, мне тесно.
Но у Вас на ладони – скворец да снегирь...
Вы любовный романс мне поёте...
Подведёте меня!
Где же тот монастырь,
Под который меня подведёте?**

Так в этой диалектике, в единстве противоречий умной, страстной, чуткой женской души и будет звучать эта тема, «перепетая», по Маяковскому, «не раз и не пять», во всём творчестве Любови Алексеевны. Завершит она этот раздел стихотворением в высшей степени для неё знаменательным, знаковым.

**Прости, Владычица. Я виновата вновь.
Мне тяжело от грехов, от сложной боли.
Я чувствую, как потемнела кровь,
в чистейших жилах певшая дотолле.
Неправильно, чадаяще, тяжело
она горит, объятая страстями.
Я погасить в душе пытаюсь зло –**

и воду черпаю из родников горстями.

**Но всё-таки вернее путь простой:
начать элементарно возрожденье –
явиться в храм, упасть перед Тобой,
и плакать, и молить о снисхожденье.**

VI

Хочется обратить внимание ещё на одну особенность творческой манеры Л. А. Никоновой, проявляющуюся на протяжении её творческого пути всё более плодотворно. Это её склонность, потребность даже, прибегать к цитированию произведений великой русской классики, черпать из этого чистейшего неисчерпаемого источника мудрости и красоты.

Сошлюсь на мысль А. А. Ахматовой:

*«Но, может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата».*

Она имела в виду, конечно, что поэзия – это великолепная цитата из Книги Бытия.

У Никоновой, человека прекрасно образованного, цитирование, ссылки на русскую литературную классику – эффективнейший способ показать, круг каких культурных ассоциаций, какой сюжет, какой миф втягивается выбранной цитатой в стихи.

Самый распространённый способ обращения к классике в её стихах – это использование строк в эпиграфах. Наиболее приоритетны здесь строки из Достоевского, далее Гоголь, Пушкин, Блок, высказывания святых Отцов, строки из широко распространённых романсов и песен. Но об эпиграфах подробнее скажу чуть позже, сначала об использовании строк, которые создают огромное подтекстовое ассоциативное поле, таящее в себе очень глубокие смыслы, при невнимательном чтении могущие остаться вообще закрытыми.

Вот первый пример из стихотворения «Любовь странника». Оно в высшей степени драматично по переживанию чувства одиночества, неверия в любовь, какой-то обречённости.

Я уже приводил эти последние строки стихотворения:

**Душа уже встречалась с тьмой –
и видит тьму на расстоянии.**

**Никто не станет жить со мной.
И я – ни с кем не в состоянии.**

**Но, «каплю жалости храня»,
явитесь на пути мучительном –
и заступитесь за меня
пред всемогущим Вседержителем.**

Включение в него строчки из письма Татьяны к Онегину *«но вы к моей несчастной доле / Хоть каплю жалости храня / Вы не оставите меня»*, придаёт стихотворению огромный подтекстовый смысл. Татьяна, по Пушкину, – это не просто наивная сельская девочка, безответно влюбившаяся в столичного соблазнителя. Это цельный и самобытный характер женщины, которая потом скажет Онегину и «я вас люблю, к чему лукавить?», но скажет и другое: *«Зачем у вас я на примете? Не потому ль, что в высшем свете теперь являться я должна? Что я богата и знатна? ... не потому ль, что мой позор теперь бы всеми был замечен и мог бы в обществе принести вам соблазнительную честь? ... Как с вашим сердцем и умом быть чувства мелкого рабом?»*

Это не тривиальное «отмщение». Для Онегина это открывание ума и душевной глубины женщины и даже открывание себя самого. Недаром он стоит, «как будто громом поражён».

Вот этот подтекст образа лирической героини Любви Никоновой не может не крыться за этой строкой.

Вот ещё более характерный пример. Одно из стихотворений нашего автора напрямую навеяно известным пушкинским шедевром «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Первые две строки этого стихотворения она взяла эпиграфом к своему и своеобразным парафразом этих строк своё стихотворение открывает.

**Брожу ли я вдоль улиц шумных
и захожу нередко в храм –
и вижу отклик бурь безумных,
и слышу отголоски драм...**

У Пушкина, как известно, это стихотворение содержит великолепное художественное выражение одного из основных законов бытия: неизбежность гибели и разрушения всего живого и сущего и такую же неизбежность возрождения и торжества всего нового и молодого, торжества вечной жизни.

В стихотворении Никоновой духовный взор поэта направлен на схватки человеческих страстей и совести, греха и покаяния, на крушение человеческих надежд и тупики отчаяния, «приливы счастья и тоски», терзающие душу.

Сознать это и нести в душе, не надломившись, позволяет пушкинская поэзия.

**Горячим воском пол закапан.
И Пушкин в странной красоте
неузнаваемо-заплакан
и близок к огненной черте.**

В этом же ряду и великолепное стихотворение «Мусоргский», в котором трагедия русского музыкального гения порождена «затмением душ и ума» в окружающем мире и более всего в горячо любимой России.

В 90-х годах, когда в стране фактически произошла криминальная революция, приведшая к власти чиновную и финансовую верхушку, поэт, не владея, как все мы, конкретными фактами и цифрами, чуткой душой улавливает воздух эпохи и тревогу свою выражает в бессмертных гоголевских образах. В стихотворении «Мне говорят, что это верный признак»... воскресает образ-символ угнетения и страдания бедного человека гоголевский Акакий Акакиевич Башмачкин.

**... тот, кого звали канцелярской молью,
кто жался с краю со своею болью,
вдруг вымахнул из мысленной могилы
с сознанием правоты своей и силы –
и показал особое величие
в ином метафизическом обличье.**

И с ним рядом встаёт другой символ – поправки достоинства человеческого, ведущего в полную тьму души и рассудка и взывающего к человеческому состраданию.

**Какая тень... Какая птица мрачная.
Вглядитесь: это же шинель!
Шинель Акакия Башмачкина,
душ оскорблённых колыбель.**

**Меж тем, дорога их прочищена.
Расписан каждый шаг и миг.**

**Да это же дневник Поприщина,
сверхчеловеческий дневник!**

О, Мир! Скрывать не стоит истину.

Её бесправные найдут.

И от Башмачкина к Поприщину

Они идут, идут, идут.

Но более всего в стихотворениях Любови Никоновой обращений к памяти Фёдора Михайловича Достоевского. Думаю, что это связано не только с фактом кратковременного пребывания ссыльного гения у нас в Кузнецке и судьбоносным для него событием – венчанием с Марией Дмитриевной Исаевой. Полагаю, что это сопряжено ещё с чувствованием какой-то близости, родственности мятущейся, вечно беспокойной, страдающей души писателя, нашедшей отклик в душе поэта через столько лет.

Наиболее полным выражением этой духовной связи и близости является, конечно, широко известное стихотворение «Достоевский и Исаева в Кузнецке. 1857 год». Известно, сколько душевных мук и страданий стоило писателю и обрётённой им жене впоследствии это радостное событие, о котором он так мечтал и к которому так стремился. Драматический, провиденциальный смысл этого события, содержащий в себе, как в зародыше, будущие испытания и свершения, замечательно передан в этом стихотворении. Твёрдое сознание Любовью Алексеевной, какой дорогой цены **стоит** творчество, и рождает эту внутреннюю близость.

В этой связи я вообще должен сказать, что творчество Л. А. Никоновой относится к малому числу тех поэтов, в чьих стихах преобладает острая конфликтность бытия, идёт ли речь о социальных, творческих или чисто личных проблемах. У большинства же, к сожалению, – описательность, мелкотемье, бытовщина, копание в личных переживаниях или надуманный пафос. Это касается не только местных поэтов, но и претендующих на российскую известность типа Л. Рубальской, И. Резника или О. Атаманова, именующего себя не иначе как «Баяном всяя Руси».

Столкновение чувств, суждений, точек зрения в стихе рождает его внутреннюю энергию и выводит из инерции гладких общих слов, тысячу раз уже слышанных.

VII

Седьмой раздел сборника, названный автором «Дыхание смутных времён», открывает такую сторону духовного и творческого облика Л. А. Никоновой, которая, конечно же, предполагалась и предчувствовалась, но не казалась очевидной в творчестве этой предельно скромной женщины. Я имею в виду философскую глубину и силу постановки острых и вечных вопросов именно русской, российской социальной общественной жизни. И вовсе не в форме острых критических инвектив с называемыми или угадываемыми адресами и проявлениями, а в форме художественно опосредованной через образы, как я уже говорил, русского искусства, литературы, и через образы, отсылающие нас к божественным заповедям.

Одним из ярчайших проявлений такой глубины и силы является стихотворение, которое я бы соотнёс с шекспировским монологом Гамлета, ставящим вопрос «Быть или не быть?» У него нет названия, но ему предпосланы два эпиграфа из пушкинского «Бориса Годунова»: «Народ безмолвствует» и «Народ завыл». Эпиграфы эти и обозначают два полюса бытия, между которыми, по сути, и протекает историческое существование русского народа.

Первая фраза, как хорошо помнят многие читатели, завершает пушкинскую трагедию и выражает собою абсолютное неприятие народом попытки подменить убиенного царём Борисом царевича Дмитрия и возвести на русский престол польского ставленника Лжедмитрия. «Народ безмолвствует» в ответ на требование, как бы сейчас сказали, «властей» кричать здравицу ставленнику царя Бориса.

Второй эпиграф – «народ завыл» – это пушкинская ремарка из середины трагедии, она подытоживает то состояние бесправной угнетённости, что испытывает простой люд не только в то смутное время. Трудно назвать такую эпоху нашей истории, в которую, как выразится позже другой великий поэт, «где бы русский мужик не стонал». Будь то революции, войны, хоть Гражданская, хоть Отечественная, хоть перестройки и реформы, до которых так охочи радители о народном благе. А народное безмолвствование так заманчиво толковать как одобрение, а ещё лучше – не придавать ему никакого значения.

Открывает стихотворение вопрос, который затем рефреном – трижды – прозвучит в стихотворении:

**Между «безмолвствовать» и «выть»
как жить, родимые, как быть?**

Два события-символа, воплощающих народную судьбу, встают в стихотворении. Первое – взрыв Чернобыльской АЭС.

**Щепоть землицы разорённой,
к небытию приговорённой,
легко ли на груди носить?**

.....

**Дешёвою давиться жвачкой,
мирится с лучевой болячкой,
не зная даже, болен чем?**

А может, и не жить совсем?

Второе событие – символ физического и духовного попрания народа – это явление нашей истории, отражённое в повести выдающегося русского писателя-провидца Андрея Платонова «Котлован».

Отсылка к нему выражена в стихотворении прямым словом:

**Иль среди леса, среди гор
искать сокрытый там собор,
хранящий в заповедных дебрях
обличия аскетов древних, –
но обнаружить котлован
со множеством крестов нательных
с костями русских христиан
и их младенчиков недельных.**

Герои повести, преодолевая нечеловеческие трудности и лишения, роют котлован под будущее светлое здание добра, справедливости и счастья и, ослеплённые этой идеей, не замечают даже гибели детей, во имя счастья которых они это делают. Это порочный замкнутый круг, дурная бесконечность, за которую и спросить не с кого.

Кого винить? С кого спросить?

**И узнавать на гребне бедствий
стыда не ведающих бестий,
что топят в лаве речевой
звон колокольный вечевой.**

Безысходность и побуждает автора стихотворения ставить вопрос перед Вседержителем, творцом всего сущего:

**Ты на кого оставил нас,
Небесный царь, пресветлый Спас?**

**Взывая к высшей правоте,
сто лет мы плачем в темноте...**

Любовь Алексеевна была человеком, глубоко и искренно верующим. Вопросом этим она выражает не ропот против Божьей воли. Мысль ее гораздо глубже. В бесконечной цепи времени, в Бытии, каждому поколению выпадает свой миг «на то, чтоб жить, на то, чтоб быть». И чем этот миг бытия наполнить – это вечная задача, стоящая перед сменяющимися друг друга поколениями.

Большинство стихотворений этого раздела полны точными наблюдениями над жизнью и окружающими людьми, горькими раздумьями, глубокими обобщениями. Таково стихотворение «Общий вагон», сразу рождающее ассоциацию с великолепным рассказом В. Г. Распутина «Не могу-у-у!» Только в стихотворении обобщающий смысл его полнее выражен, как и положено поэтическому произведению.

Это конечно поэтическая метафора нашего простонародного, т.е. преобладающего, бытия и быта, в котором трудно найти ответы на вопросы:

**... чем приймёт компанию прожжённую
высокое, как небо, божество?**

**Зачем на землю, смрадом заражённую,
нести ему святое торжество?**

Только и надежды на то, что

**... едут среди шулеров и нехристей
ещё и те, кто не туда попал.**

Очень острое и печальное обобщение звучит и в стихотворении, отражающем и общие духовные черты времени, и отдельные характерные детали:

Ниоткуда – ни вздоха, ни ропота.

Не пройдёт ветерок по траве.

**Равнодушная речь биоробота
днём и ночью звучит по ТВ.**

Мир надёжно свободен от рыцарей.

Решка выглядит сущим орлом.

**Зомбинёнок, не помня родителей,
пьёт из горлышка яд за углом.**

**Здесь не видят цветущей черёмухи.
Не востребуют светлой красы.
Не заметят, как в наши Чернобыли
входит Спас Золотые Власы.**

Авторское неприятие распространённых типов современников, утративших в себе всякое божественное начало, до потери себя увлечённых всяческими псевдоинновациями, экуменическими теориями и модными зазеркальями находит выражение даже в такой вот, непривычной для автора, остро гротескной форме:

**Член некой секты зазеркальной –
дитя причуды интегральной,
прошедшей путь от коммунизма
до развитого плюрализма.
Из зазеркалья человечек
Имеет несколько сердечек,
Три глаза, полтора желудка,
Два разномыслящих рассудка,
Тринадцать психик со смещеньем,
Привыкших к перевоплощеньям...
А что ещё многообразно –
О том и молвить неприлично.**

Высочайшей степени обобщения, глубины поэтические оценки и характеристики современной жизни достигаются у Никоновой и путём использования прототипов и параллелей из русской классики, как, например, в стихотворениях о Башмачкине и Поприщине из этого же раздела, о которых я уже упоминал. Горькие впечатления от жизни, горькие раздумья не оставляют душу в покое, ищут и находят излияние в стихотворениях этого раздела.

**Здесь и спорить как будто бы не о чем.
Пошлость, пошлость – наверно, навек.
Но за шторами тусклыми вечером
Где-то плачет ещё человек.**

.....
**Жизнь почти безвозвратно утоплена
В пьянь, и брань, и повальную грязь...
Что ж ты, в белых одеждах утопия,
Не меняешься, тонко светясь?**

Совершенно закономерно, что в полном соответствии с русской

духовной и литературной традицией, в творчестве поэта не может не встать вопрос о его предназначении, о его месте и миссии в сложной, полной противоречий реальности. Не стану приводить, в общем-то, всем известные суждения на эту тему титанов русской поэзии. Хочу только подчеркнуть, что и здесь она, оставаясь собой, духовно близка великому Пушкину. «Веленью божьему, о Муза, будь послушна!» – призывал поэт. Любовь Алексеевна этой же высшей мерой судит о своём поэтическом призвании.

**Я бы хотела всего лишь весны,
чтобы черёмуха, ветви, волненье...
Господи! Райские, райские сны...
Что Ты взвалил на меня? Для чего?
С крестною ношей я не справляюсь...**

.....
**Будто сквозь чёрную вижу слюду
зелень, черёмуху в нежных соцветьях,
всю дорожную живую среду,
ту, что прозрачно слагалась в столетьях...
Мне ли из этого рая идти
в «социум», в пекло – с чернеющим прахом?
В этот котёл, начинённый раздором?
Господи...
Ты подтверждаешь: «Иди».**

VIII

Последний, 8-й раздел сборника, как явствует из его названия «Сокровенное России свечение», выражает всё более крепнувшую в душе поэта уверенность, что Божья милость довлеет над людьми, несмотря на жизненные трудности и невзгоды. И основой этой уверенности стала всё более крепнущая в душах людей Вера, всё более прорывающаяся сквозь наслоения бытовой нечистоты, равнодушия, тщеславия – всего, что в поэтической системе Л. А. Никоновой получает ёмкое название «смог». Этим словом она обозначает и неотъемлемую часть нашей городской атмосферы, и тот морок душевный, который присущ внутреннему миру людей, лишённых света Веры.

На эту тему у неё в 6-м разделе было уже очень хлёсткое стихотворение «Из признаний знахарки» в адрес всяких антихристианских сект. В предыдущем, 7-м разделе, было уже упомянутое очень жёст-

кое в адрес человеческой порочности стихотворение «Общий вагон», непривычно для неё язвительное стихотворение «Победитель».

В этом разделе она, как это уже стало её творческим принципом, сталкивает в остром нравственном конфликте жизнь без Бога, без Веры, и поиск человеческой душой духовной опоры и спасения. Поиск трудный, через преодоление слабостей, соблазнов и тины повседневности. Очень дорогого стоит то мастерство, с каким она выстраивает этот конфликт.

Вот стихотворение, первая строчка которого звучит так:

«Шумел камыш. Шумит и ныне».

Эта полустрочка «шумел камыш» – не просто начало известнейшей песни, которую непременно, рано или поздно, запоёт любая пьяная компания и исполнит, пожалуй, не раз. Эти два слова ассоциируются с таким количеством пьяного веселья, слёз, драк, что рассказывать об этом в русском простонародном, и не только, быту можно очень долго. Это не песня, это символ.

Вторая полустрочка – «шумит и ныне» – картину завершает. Всего одна строчка – и теза уже готова. Антитеза – всё остальное стихотворение, где речь идёт о душах чистых и преданных Богу. Нравственный конфликт, которым живо стихотворение, разрешается, как и положено, в финале:

Их грубый шум не поколеблет.

Ничто не помешает им

безмолвно преклонить колени

пред чистым Образом Твоим.

Теза может быть задана и эпиграфом стихотворения, взятом, как правило, из произведений русской классики. А в самом стихотворении разворачивается нравственный конфликт, который, кстати, может и не содержать однозначного вывода, а толкать к размышлению. Так построен лирический сюжет, например, в стихотворении «Расстаньтесь с подвигами, доблестями, славой...» (эпиграф: «О доблестях, о подвигах, о славе»... А. А. Блок) или в стихотворении «Неужели наше сердце остыло?..» (эпиграф: «Красота спасёт мир...» Ф. М. Достоевский) и в целом ряде других.

Важно то, что в стихотворениях этого раздела на первый план выдвигается мысль, что в жизненных бурях и конфликтах решающее значение приобретают не только и не столько конфликты между людьми и схватки людей с обстоятельствами. Не менее значима и ду-

ховная жизнь, внутренние борения в человеке, не столь очевидно влияющие на его судьбу внешне, но ведущие непременно к нашему главному покровителю и единственному защитнику.

В этом было главное, выстраданное убеждение русского поэта Любви Алексеевны Никоновой. Если попытаться коротко выразить динамику её творчества – это будет путь к Богу.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ

**Суета, отголоски ненужных речей –
Всё осталось за неким порогом.**

**Погружается сердце в море свечей,
Расцветающих ночью пред Богом.**

Храм, охваченный славой, поёт.

Он объят ликованием великим.

Здесь стоит небезгрешный народ

С удивительно праведным ликом.

Всё отпало, чем был обольщён,

Чем пленялся он снова и снова...

Нет ни лучших, ни худших времён –

Есть одно Воскресенье Христово.

Стихотворением, выразившим сущность её поэтической души, своеобразным завещанием считаю это, открывающее последний раздел сборника:

**Была бы цыганкой, когда б не Россия,
ей Богу.**

Легко находить наугад в бесконечность дорогу...

**Легко без пожитков, без шмуток слоняться
по шару,**

по шару земному, готовому вечно к пожару.

**Легко проходить под изменчивым сводом небесным,
земель не считая,**

по странам просторным и тесным,

**не ждать ни приветов, ни писем, ни бедной открытки –
и так умереть на ходу иль в убогой кибитке.**

Но где зимовать мне, кочевнице?

Ясно, в России,

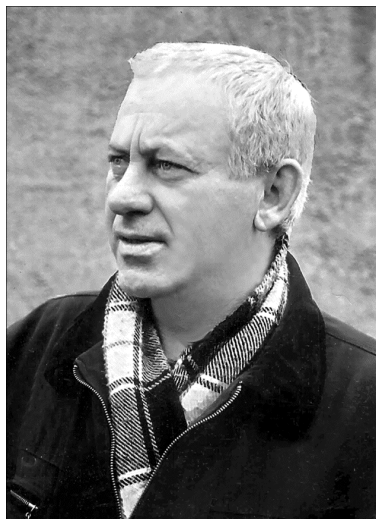
в которой сугробы огромны,
огромны и сини.
Но где проводить мне, кочевнице, жаркое лето?
В России оттаявшей, полной прозрачного света.
Что класть в изголовье мне
ночью прохладной и тусклой? –
Должно быть, поляны
с цветами земли этой русской.
Где сном засыпать мне
последним, глухим, незнакомым?
В земле этой русской,
на кладбище русском зелёном.

Творчество Любови Алексеевны Никоновой – это явление не только, как говорится, региональной литературы, не кузбасской только и уж тем более не нашего только города. Это достояние всей литературы российской, русской. И слава Богу, что она своей поэзией осветила и освятила наш сумрачный город, весь угольный Кузбасс. Она жила с нами, она радовала и будет радовать наш край, «где сугробы огромны и сини», «с цветами земли этой русской».

---

3. АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ РАЕВСКИЙ

О сборнике стихотворений А. Раевского «Стеклянная лестница в небо»¹

*«Лучшие стихи Александра Раевского,
написанные за сорок лет, останутся в силе и правде».*

**А. Г. Балакай,
доктор филологических наук,
профессор**

Сборник стихотворений Александра Раевского «Стеклянная лестница в небо», изданный в Кемерове в 2011 году, объединил как его лучшие стихотворения, изданные в предыдущих сборниках, так и стихотворения, написанные уже в первое десятилетие нового, XXI века.

Сборник составили три раздела: «Ласковая высь», «В краю, простуженном насквозь» и «Надежды крестик золотой». Первый раздел вобрал в себя стихотворения конца 60-х, 70-х и начала 80-х годов, второй – конца 80-х и 90-х, третий – уже 2000-х. Своего рода три

---

¹ Первая публикация статьи: «Кузнецкий рабочий». 4 августа 2015 г.

эпохи в жизни и истории страны, как они отразились в сердце, сознании и творчестве поэта.

Доминирующая черта стихотворений поэта конца 60-70-х годов – это их народно-песенная основа. Естественно и закономерно для уроженца сибирского села, что «любовь к родному краю его томила, мучила и жгла», как и его литературного пращура Сергея Есенина. Странно было бы, если бы начинающий сельский поэт избежал есенинского влияния.

В чём-то, конечно, и подражание Есенину, но даже и в ранних стихах уже вполне ощутимо своё, самостоятельное начало как в деталях, так и в сущностном видении и понимании мира. Такая вот зрительная деталь в стихотворении «-51 градус Цельсия»:

...Сосед

За овинами трактор

Заводит,

А тот – ни гу-гу,

Оскалены светлые траки,

Как зубы на сизом снегу.

И такой вот многозначный собирательный образ поздних стариковских дум, когда на вопрос лирического героя, что это за красивые ягоды, которые никому не нужны и даже опасны, старики отвечают: «Наши думы – эти ягоды» (стихотворение «Волчьи ягоды»).

В полном соответствии с русской классической традицией развитие художественной мысли у Александра Раевского идёт именно в этом направлении – установлении глубокой психологической параллели между состоянием природы и состоянием души. Одно выражается через другое, и происходит это необычайно полно и гармонично, естественно. Вроде бы простой закон поэтического творчества, но как он эффективен в руках мастера, тонко чувствующего единство окружающего мира. Замечательный пример тому в целом ряде других произведений.

Вот стихотворение «Девичий куст», вобравшее в себя и простое творение природы, и очень непростое состояние души поэта:

Он снится: то шальной, то молчаливый,

А все тропинки вечность замела...

Не модница черёмуха, а ива

Его на божий свет произвела.

Бесхитростная жирица глухомани,

Простая баба, знала бы она,
Как сын её таинственно туманен!
Какая сила первенцу дана!
Его листва – для всех вода живая,
Но только те к нему находят путь,
Кто, с детством и мечтой не расставаясь,
Через забвеньё смог перешагнуть.
Он знает всё: куда уходит ветер,
О чём молчат полночные цветы,
И кто есть мы на этом самом свете,
И в чём секрет добра и красоты.
Философ юный! В долгий час заката
Стоит себе в сиреновом дыму.
По тихим росам, по траве немятой
Придёт однажды девушка к нему.
Она придёт, она придёт, я знаю
И верю, потому что сам люблю.
Веди, судьба, веди меня до края,
А за черту я сам
Переступлю.

При этом в стихотворениях поэта, опять-таки в соответствии с русской классической традицией, приоритет отдан выражению внутреннего, душевного состояния лирического героя: духовное преобладает над телесным и физическим, не говоря уже о меркантильном.

Совершенно закономерно появление в сборнике стихотворения «Слепой человек» как выражения крайней степени трагизма человеческого бытия, максимально мобилизующего все внутренние, духовные силы человека и позволяющего утверждать превосходство внутреннего над внешним не в бытовом, конечно, плане, а в философском, экзистенциальном. За этим образом стоит мощнейшая традиция и мировой, и русской литературы, ближайшая ассоциация – это стихотворение Н. А. Заболоцкого «Слепой». И это ни в коем случае не подражание, а включение в важнейший нравственный принцип бытия, выраженный в заключительной строфе стихотворения нашего автора:

Когда загрохочет проснувшийся город
И ринутся толпы удачу искать,
Он мимо идёт –

**напряжённый и гордый –
Небесную чашу боясь расплескать.**

Отсюда у поэта такая высокая требовательность к себе внутреннему, к своей душе. Она звучит в абсолютном большинстве стихотворений сборника, об этом ещё будет возможность упомянуть, а в этом первом разделе сборника очень хорошо выражена в стихотворении «В мартовском лесу».

И снова: нелицеприятный смотр душе, своей жизни, как она сложилась, происходит у поэта не где-нибудь, а в мартовском лесу, в преддверии вечного пробуждения природы, ненарушимой жизненной цепи:

**Я этот март запомню непременно,
Я этот миг у сердца сберегу:
И шар Луны, огромный непомерно,
И снег в лесу, и пятна на снегу...**
Это зачин стихотворения. И вот его концовка:
**И круг Луны,
И холодок бессмертья.
И я в лесу...
Задумчивый такой.**

Обратите внимание на последнюю строчку, на её скрытую самоиронию в общем контексте стихотворения. Она очень характерна для творческой манеры Раевского, она никогда не даёт ему впасть в пафос и вставать на ходули поучительства.

В этой связи заслуживает внимания и такая очень значимая особенность творческой манеры поэта, как чувствование и сознание жизненной диалектики, единства противоположностей. Это хорошо заметно при обращении его ко всем темам: личным ли, общежизненным, остро социальным, как во втором разделе сборника. И очень характерно при обращении и к такой вот, сугубо личной, вечной и всеобщей.

Но сначала короткая ссылка на то, как она трактовалась уже не одно тысячелетие назад. Гай Валерий Катулл, древнеримский поэт III века до нашей эры:

*«Ненавижу – и всё же люблю.
Спросишь меня: почему?
Объяснить не умею,
Но так чувствую, смертно томясь».*

А. Раевский, «Зодиакальная несовместимость»:
Если чем я обидел, то лишь тем, что тебя
Люблю ненавдя. Ненавижу любя.
То судьбе благодарен, то готов её клясть,
То охота ударить, то к коленям припасть.
Рвать готов твои платья, чтобы новые шить,
В иступлённых объятых, как змею, задушить.
Ты когда залетела и с какой высоты
В это хищное тело неземной красоты?!
Как проклятье какое, ты кружишь надо мной,
Дай простого покоя, я земной, я земной!
Но расстаться случится, злой стакан пригубя,
До последней ресницы воскрешаю тебя.
И – то сладко, то гадко. Сам с собой не в ладу.
Видно, с этой загадкой так и в землю уйду.

Какое созвучие и с Некрасовым и Тютчевым, и с Блоком и Есениным, и с Полем Верленом и с Генрихом Гейне – и своё.

Что касается стиливых доминант лирики Раевского, то важная из них – это краткость, сжатость выражения переживаемого чувства и экономность использования выразительных средств. Это характерно для большинства стихотворений сборника, и в этом свойстве его лирики есть самые настоящие удачи.

Вот, например, одно из таких стихотворений – «Две луны». Со всем не случайно не один местный композитор положил это стихотворение на музыку и с удовольствием исполняет.

ДВЕ ЛУНЫ

Взойдя над пастбищами низко,
Стыдливо прячась в пелену,
Луна посмотрит на киргизку,
Ну а киргизка – на луну.

Пасутся кони где-то близко,
Проёмы юрт освещены...
Луна скучает без киргизки,
Ну а киргизка – без луны.

**Дымит кизяк. С пахучей миской
Возникнет чудо предо мной.
Луна прелестна над киргизкой,
Ну а киргизка – под луной!**

**Блокнот царапаешь огрызком,
Нерусской тайною томясь.
Вдали – луна, вблизи – киргизка,
Какая здесь взаимосвязь?**

Стихотворение пронизано живым и вполне понятным человеческим чувством. Притяжение двойное – и легендарное лунное, и живое притяжение молодой красивой девушки. А в стихотворении – ни одного эмоционально окрашенного эпитета. Имеющиеся на всё стихотворение два прилагательных сугубо функциональны, а единственное эмоционально окрашенное определение «прелестна» отнесено и к луне, и к девушке. Внутреннее движение чувства напряжено, а ни одного глагола, обозначающего движение, нет, а те, что есть, выражают только состояние (особенно в строке «блокнот царапаешь огрызком»). Эмоционально окрашенное наречие «стыдливо» определяет состояние, конечно, не луны, а лирического героя, девушки и вообще всей создавшейся ситуации. Ритмическая мелодия создана чётким, без нарушения, размером (трёхстопным ямбом) и чётким чередованием мужских и женских ударных окончаний в каждой строфе, а отсутствие монотонности в звучании достигнуто наличием в каждой строчке одного-двух пиррихий (пропусков ударений, положенных по схеме), что придаёт стихотворению свободное, естественное звучание.

И наконец, в стиле Раевского, эта спасительная самоирония, придающая стихотворению особенный шарм. Вот такой, не побоюсь сказать, микрошедевр.

Буквально просится для анализа стихотворение «Казашке», столь же живое, непосредственное и в то же время не о пустячке житейском, а об интересном и значимом явлении бытия. Возникающая сразу ассоциация с пушкинским стихотворением «Калмычка» совершенно оправданна и закономерна.

Кстати, ещё один повод вспомнить о «всемирной отзывчивости» и Пушкина, и всей русской классики, традиции которой Александр

Раевский удачно воплощает. Жаль, такому анализу препятствует объём статьи.

КАЗАШКЕ

Как ты гонишь коня по беспутью?
Ведь угробишь его до поры...
Видишь, степь затуманена ртутью
Сатанеющей с мая жары.

Ах, казашка, цветочек раскосый!
На неделю забыв институт,
Амазонкою сорокакосой
Ворвалась ты в родительский кут.
И пред тем, как скакать оголтело,
Перед тем, как взметнуться в седло,
Ты фамильную кофту надела –
Ту, что тёмным звенит серебром.
...До луны по чабанным угожьям,
Выстилаясь, носил тебя конь.
Накаталась. Бросаешь поводья
И бежишь на негромкий огонь.
Мать от радости чашки роняет...
Ты ж, смеясь, упрекаешь её,
Что кумысом и дымом воняют
И она, и отец, и жильё.
И, тряхнув перламутровой сумкой,
Принялась, мельтеша, как лиса,
По углам, по ковровым рисункам
Дорогие духи растряхать.

Сиротели лепёшки на блюде,
Чай лениво дымился, как ночь...
И смотрели притихшие люди
На свою незнакомую дочь.

Нельзя не согласиться с таким суждением профессора-филолога
А. Г. Балакая: «Александр Раевский – русский поэт. Этими двумя

словами, по сути, всё сказано». Хочется и присоединиться к этому мнению, высказанному ещё до издания рецензируемого сборника, и по мере возможности продолжить наблюдения, сделанные Анатолием Георгиевичем в его очень содержательной статье («Огни Кузбасса», № 3, 2006 г.).

Название, данное автором сборнику – «Стеклянная лестница в небо», – это заключительная строчка из стихотворения «Бабушкины слова». Тоска по идеалу (подчеркну: не по материальному благополучию, а по духовному, по высшей божьей справедливости) – одна из основных черт русского национального менталитета. Она оплодотворила сюжеты русских сказок, в которых высшая справедливость всегда в мечтах и в стремлении к ним. В стихотворении автор вспоминает детство – сакральную пору в жизни каждого человека – и бабушкину сказку о волшебной стеклянной лестнице в небо, по которой можно забраться в гости к Богу.

Вот срединная строфа этого стихотворения.

**Я к берёзе не раз приходил,
Никакой там стремянки. И всё же
Не стихала надежда в груди –
Взмыть к тебе, о, неведомый Боже!
Не затем, чтоб просить о судьбе,
Только взрослые верят в такое,
Просто облако выбрать себе,
Лечь на пузо и плыть над землёю...
Это ж чудо! – легко пролетать,
Голубой высоты не бояться,
От восторга ногами болтать
И от радости звонко смеяться!..
Я все речки внизу разгляжу,
Все леса, города, огороды,
С неба пашням рукой помашу,
Крикну: «Здравствуйте!» мирным народам...**

Это и есть то, что Есенин назвал «мечтать по-мальчишески в дым» и что закладывает краеугольный камень души. Счастливо найден автором этот образ и многое в стихотворениях сборника определяет.

Без этой светлой веры в душе, без этого столь отчётливо выраженного национального начала не было бы и столь острого, драма-

тичного переживания тех перемен в жизни страны, которые найдут своё поэтическое отражение в стихотворениях второго и третьего разделов сборника, написанных во второй половине восьмидесятых, в девяностых и в 2000-х годах.

Давно было сказано, что, когда рушится мир, трещина проходит через сердце поэта. Мир рухнул: развал страны, неслыханное не только в русской, но и в мировой истории ограбление народа под видом приватизации и ваучеризации, крушение и извращение нравственных ориентиров под прикрытием «свободы, сколько унесёте», а сколько людей потеряли не просто работу и сбережения, – потеряли себя...

Как тут не вспомнить есенинский русский вопрос:

«Ну кто ж из нас на палубе большой

Не падал, не блевал и не ругался?»

С какой новой силой снова загорелись вечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

Для русского поэта – как то уже не раз было – непереносимое чувство вины и ответственности.

Вот из стихотворения «В глухое время непогоды»:

...В избе тепло не сберегалось,

Сквозило вечностью извне.

Занудно женщина ругалась.

В ответ ей – волны перегара

И бормотание во сне.

Мирок замызганный и нищий,

И сколько их, таких семей,

Где лень сплелась со скукотищей,

Где все ответы в брани ищут,

А на плите бурлит и свищет

Ведро с картошкой для свиней.

Неистребимый запах смрада,

Стаканы, мутные слова,

Нет ни просвета, ни отрады...

Да на хрена всё это надо,

Чтоб я за них переживал!

Ругайся, баба! Рушьтесь, своды!

Лежи ты, пьяница, пластом!

Тут сам закис от несвободы

**И средь кусков пустой породы
В глухую пору непогоды
В грязи валяешься
Листом.**

Да, грубо. Да, непоэтично. Но вспомним опять русского классика, уже Некрасова:

*«Нерусский взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнотом иссеченную музу»...*

Тем более что, отрякаясь «за них переживать», поэт именно за них, больше чем за себя, переживает. Реакция поэта на происходящие судьбоносные события – в его слове. В стихотворениях Александра Раевского меняется лексика, меняется интонация, меняется сама жанровая природа, когда вторгается в стихи острое публицистическое начало, когда впору вслед за противниками Маяковского вопрошать: «Поэзия где ж? Одна публицистика!».

Фантазмагория происходящих событий, неслыханный грабёж, ложь, произвол властей и новых хозяев жизни может быть отражён только в произведениях со смещённой или вовсе фантастической, сказочной основой. Отсюда появляются такие произведения, как «Нехороший сон», «Охотничья история» (разговор охотника с волком), «Сказка про Степана-молчальника и большого начальника», «Сказка про белого бычка и невезучего мужика», «Скоробогач и кот». Они, конечно, остры, они выношены и выстраданы, они полны «мнением, да, мнением народным» (*Пушкин*), но к лирической поэзии их трудно отнести.

Но и в этом жанре есть свой шедевр! Это последняя из сказок «О таинственном незнакомце, Бабе Яге, паяльной лампе и чёрт его знает о чём». Это настоящий образец юмора, острейшей сатиры, пародийного мастерства и вообще блестящего владения языком. К ней примыкает ещё и пародия на газетные репортажи об Агафье Лыковой, затворнице сибирской тайги, особенно в трактовке газеты «Комсомольская правда». Сказка эта – убедительнейшее подтверждение языкового мастерства Александра Раевского, его несомненного роста.

Казалось бы, живёт русский человек, русский поэт «во глубине сибирских руд», в Кузбассе, и в решении судеб страны его не только никто не спрашивает, но и вообще не замечает, а у него глубокая и острая тревога и печаль за общую судьбу развалившейся страны.

ПЕРЕД КОНЦОМ СВЕТА

Глянет синими в небо тусклое,
Грусть-печали долив стакан,
На земле своей горькой, русской
Он последний из могижан.
Жили плохо, за всех платили.
То беда, то опять война...
И победы, увы, не сплотили –
Подколотных пришли времена.
Русь народам не стала светочем,
Ни спасибо тебе, ни прощай –
Каждый сам по себе. Больше незачем,
Некем, некого ей защищать.

И какой ёмкий и точный образ находит поэт в четырёхстрочной миниатюре «Судьба России»:

**Вчера, сегодня и всегда:
Делясь на тесные колонны,
Текут в историю года,
И все – штрафные батальоны.**

Столь же краток и глубок и столь же насыщен мощным историческим и литературным смыслом образ, взятый у бессмертного Гоголя:

**Русь-тройка полями летела, неслась,
А в бричке холёная тушка тряслась
И круглое личико – Чичиков.
Русь-тройка поныне по свету летит,
А кто в ней, друг дружку пихая, сидит?
Побей их родимцем!
Всё те ж проходимцы...**

Какая народность оценки и какая народность отношения к ним: всего лишь «побей их родимцем!».

Вспоминается ещё и рассказ Шукшина, герой которого вдруг задумывается, а кого же везёт легендарная Русь-тройка.

Ещё об одной стороне творческого облика Раевского как русско-го поэта задумываешься, дочитывая сборник.

Глядя в наше центральное телевидение, отчётливо понимаешь, что в московских либеральных верхах и у многих членов правительства понятия «народ», «родина», «патриотизм» стали в лучшем слу-

чае чисто номинативными, формальными, а в худшем – ругательными, наравне с «быдло», «совки» и «ватники». И если, пользуясь словом Некрасова, «в столицах шум, гремят витии, кипит словесная война», то «здесь, во глубине России», не просто «вековая тишина», а подлинная глубинная народная жизнь. И русский поэт Раевский её выражает в строках часто точных, метких, кратких и содержательных.

Во многих стихотворениях, написанных в «лихие 90-е» и в начале 2000-х встают образы и ситуации конкретные, но пройдя через сознание и сердце поэта, они приобретают обобщённый, собирательный смысл.

В стихотворении «Начало тревоги» это:

...Снова вороны сидят, терпеливо ждут;

это не страна – противень горячий,

В том конце скулит нужда, в том – поют, жуют...

До беды, как до воды – как бы не опиться! –

Смотрят мутные глаза долго и в упор,

Худо, если жёлтый дым из зрачков сочится,

Худо, если под скамью снова лёг топор.

Образ топора, один из знаковых в русской литературе, появляется и в стихотворении «Мужик-91», хотя и в другой уже огласовке:

То ли в партию, товарищи, вступить?

То ль обрез за чёрной баней откопать?

Глубокий подтекстовый смысл приобретает и образ голубей в одноимённом стихотворении. Во время пожара в сельском клубе они падают, обгорелые, на головы пожарных. Затекустовые ассоциации, связанные с образом этой птицы, очень обширные: это и голубь мира, и посланник Бога, и образ детства («Прощайте, голуби!»), и символ мира и кротости. Лирический герой пытается спасти хотя бы одного из них, и закономерен его вопрос к России:

Что ж так, матушка, часто пылаешь,

Не жалеешь своих голубей?

Пейзажи и состояния природы чаще всего таковы:

Гнилое, гибельное лето,

В лесу, как в стойле, неуют;

Дорог расхристанные ленты

Славянской скукой отдают...

Или:

**...А небо всё тащит и тащит
Серый шинельный хлам.**

В этой обстановке даже у поэта

Рифмы гаснут мотыльками...

Белым саваном листок.

Интересным, при всей непритязательности и грубоватости, представляется стихотворение «В пивной» 2005 года. Оговорюсь только, что слово это, как и слово-синоним «кабак», является очень ёмким образом – хронотопом в русской литературе. Начиная от лермонтовского:

*«И в праздник, вечером росистым
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков».*

А дальше будет и кабачок Притынный в рассказе Тургенева «Певцы» из цикла «Записки охотника», там изливают душу в пении русские мужики. И кабак у Достоевского в «Преступлении и наказании», где исповедуется Мармеладов Раскольникову. И кабак в «Братьях Карамазовых», где Митя рвёт и чистит душу свою. И лирический герой Есенина «идёт, головою свесясь, переулком в знакомый кабак». И Маяковский в обращении к погибшему Есенину напишет: «Ни тебе аванса, ни пивной – трезвость». И Высоцкий, тоскуя, скажет:

*«...И ни церковь, ни кабак –
Ничего не свято...
Нет, ребята, всё не так».*

То есть это место, где русские люди не столько пьют и едят, сколько по-своему ищут истину. Именно в этом контексте стихотворение Раевского.

В ПИВНОЙ

Ну чего вы, дурни? Ну чего вы, братцы?

Я спросил лишь только, от какой тоски

Беспробудно пьёте, ходите в засранцах,

Где же ваша гордость, честь и кулаки?

Я хотел лишь малость в жизни разобраться,

А вы сразу матом, а вы сразу драться!..

Чем вас так обидел, мужики?!

Отличное стихотворение. В подтексте ещё ведь и мысль, что для простого русского человека, не искажённого тяготением к «европейским ценностям», вопрос о национальном достоинстве, как и о личном, – это вопрос больной и острый.

Вообще я должен сказать, что лирические миниатюры у Александра – это чаще всего его творческие удачи. Они, как правило, хорошо вызрели, отстоялись в слове и смысл имеют более широкий, чем сказано в тексте. Это и уже процитированное «В пивной», и упомянутое «Русь-тройка летела», и «Преданный», и «Шла дорога – от села», и «Судьба России» и другие.

Остановлюсь ещё на миниатюре «1812-й год».

Среднерусские равнины –

Вены рек, холмы, поля.

Тучи. Избы да овины.

Шлем былинный в ковылях.

Звякнет дальняя церквушка,

Тонко тронет слух Христа,

И – покой, лесной кукушки

Сонный счёт... А где-то там –

...Разноцветным ручейком,

Дать отпор Наполеону

Шли походные колонны,

Шли Знамёна и иконы

Мимо пушкинских окон.

Во-первых, в стихотворении очень органично выразились и соединились художественное пространство и художественное время. То и другое составилось из слияния прошлого и настоящего, современности и истории. Во-вторых, отбор примет того и другого, осуществлён автором строго, чётко и естественно, без натуги. И в-третьих, даже ненавязчивая звукопись стиха работает на его смысл.

И, наконец, было бы странно, если бы в стихотворениях нашего автора не нашёл воплощения мотив исповедальности, покаяния и раскаяния, без чего трудно представить вообще жизнь русского человека. По крайней мере, если судить об этом по произведениям русской классики.

Наиболее полно выразилось это в стихотворении, обращённом к другу-поэту, рано ушедшему из жизни, Николаю Николаевскому «Молчаливый разговор». И в стихотворении «Позднее прозрение»,

посвящённом памяти, пожалуй, лучшего русского поэта конца XX – начала XXI века Юрия Кузнецова.

В обращении к собрату по перу Раевский высказывает суждения горькие и предельно искренние о сложной судьбе обоих, о распаде творческих иллюзий, не перекадывая вину на обстоятельства, не обеляя себя. Тональность стихотворения беспощадная и лексика весьма нецеремонная. А в «Позднем прозрении», обращаясь к памяти большого мастера, автор суровый суд над собой соотносит с судьбой страны, со своей ответственностью перед «шестой частью суши», с надеждой хоть чем-то малым быть ей полезным.

Вот концовка стихотворения:

**...О, шестая, седая часть суши,
На коленях прошу и молюсь:
Не откидывай грешную душу,
Может, в чём-то ещё пригожусь.
Жил погано, не думал о смерти,
Уж прости, если можешь, за всё,
Вдруг ещё окажусь тем, последним,
Кто в ладонях воды поднесёт...
Вот пробило! В больное родное
Впился думами – не оторвать,
Так своей захлебнулся виною,
Так смертельно боюсь умирать.**

Много горьких слов и мыслей в последних стихотворениях сборника «Стеклянная лестница в небо», и их ничем не перечеркнёшь, если только, как раньше говорили, «не отступать от правды жизни».

Но я хотел бы закончить свой очерк о сборнике мыслью о том, что основной, ведущий пафос стихотворений Александра Раевского не выразить каким-то однозначным определением. Многогранна и тематика, и стилевая манера, сложно авторское отношение к окружающему миру, к происходившим и происходящим в стране событиям, разнообразны суждения о себе и людях и о своём призвании как человека и как поэта.

Можно всё-таки попытаться выделить какую-то равнодействующую.

Это утверждение сложности, радости и горечи жизни. Это приоритет духовности над меркантилизмом. Это приоритет народных начал и принципов в понимании и осуществлении жизни.

Это добрая ирония в отношении к себе самому и своему лирическому герою.

Это уверенность в торжестве жизни.

«Небесную чашу боясь расплескать». О сборнике избранных стихотворений А. Раевского «Ласковая высь»

Сборник стихотворений известного новокузнецкого поэта Александра Раевского, который он определяет как «Избранное» (Издательство «Союз писателей». Новокузнецк. 2016 г.), подобрал в себя стихотворения, уже опубликованные в предыдущих сборниках, в журналах «Наш современник», «Огни Кузбасса», в центральных и региональных литературных изданиях, а также написанные в самое последнее время.

Автор не делит содержание книги на тематические разделы и не выстраивает их по хронологическому принципу. Из содержания очевидно, что автора привлекает задача отобрать в сборник наиболее значимые для него стихотворения, которые выражают его духовное, гражданское и творческое развитие на протяжении всего жизненного пути до сегодняшнего дня. Меняется время, меняется поэт, возникают новые темы и рождаются новые стихи, но самые основы его видения и понимания жизни, его творческой манеры остаются. И возникает интересная возможность видеть, как меняется, растёт поэт, оставаясь собой.

Уже не один раз и разными авторами утверждалось, что основой творческого облика Александра Раевского является тот факт, что он – сугубо русский поэт. Не по национальности только, а по самой своей духовной сущности. Отсюда в его творчестве – благоговение перед красотой родной природы, глубокое осознание единства жизни природы и человеческой души, не проходящая тревога и боль за жизнь и историю своего народа, абсолютный приоритет духовных начал и ценностей перед материальными, опора на неиссякаемые родники народного творчества.

В абсолютном большинстве его очень личностных стихотворений отчётливо просматривается русская классическая литературная традиция, заставляющая вспомнить и Пушкина, и Гоголя, и Лермонтова, Некрасова, Есенина, Рубцова и не потому, что он склонен подражать кому-то, а потому, что как последователь отчётливо осознаёт своё

нравственно-эстетическое единство с предшественниками, приемлет его, гордится и его развивает.

Хочется выделить некоторые особенности тематики данного сборника, отличительные черты творческой манеры автора, индивидуальные приметы его стиля и языка.

При всей зоркости его наблюдений над миром природы, конкретными жизненными обстоятельствами, самым важным для него является всё-таки отражение внутреннего мира человека, духовная жизнь лирического героя. Очень многие стихотворения содержат в себе напряжённые и глубокие раздумья автора над личной судьбой в тесной связи с судьбой страны, со своей эпохой. Выделяются здесь такие стихотворения, как «В мартовском лесу», «Лесосплав», «Слепой человек» и многие другие.

Значима тема поиска идеала, столь характерная по большому счёту для русской литературы вообще, начиная от народных сказок до произведений классиков. Интересно в этом плане стихотворение «Бабушкины слова», образный строй которого вбирает в себя и детские сны и мечтания, и народные предания, и заветы старины.

Напряженным нервом, горькими, подчас мучительными раздумьями полны стихи, написанные в переломное время, в конце 80-х – в 90-е годы и в начале нового века. С новой силой встанут в произведениях поэта извечные русские вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?», и проблема вины и ответственности в стихотворениях «В глухое время непогоды», «Мужик – 91», «Огляделся – иная среда!» и в целом ряде других.

Естественно, не сможет автор оставить без поэтического отклика и ту непосредственную среду, в которой живёт большую часть своей жизни, ставшую судьбой для нас всех, живущих в Новокузнецке, в Кузбассе. Стихотворения «Вещий сон», «Промзона» и другие далеки и от комплиментарности, и от очернительства, они просто констатируют суровую реальность в восприятии поэта.

Очень интересным представляется тематический аспект, отражающий традиционнейшую для русской поэзии тему народа. Сам выходец из сельской среды и до сих пор кровно с ней связанный, он ещё в начале творческого пути писал: «Город славить не умею // Жить в деревне не могу». Далеко не новая проблема, столь родная для русской поэзии. Куда же деться от своих корней поэту, который вовсе не перекати-поле? Тёплые, искренние, за душу трогающие стихи о матери,

об отце, о бабушке, о милых деталях деревенского быта («Гость» и др.), взгляд на мир сквозь призму народного понимания жизни – всё это есть. Нет сусальности и идеализации. Есть трезвые и точные наблюдения и суждения, как в стихотворениях «В глухое время непогоды» и «Старуха в бога верит слепо». Именно в стихотворениях этой тематики автор восходит к глубоким философским истинам, только не через абстрактное умствование, а через понимание и переживание явлений обыденной жизни, как это звучит в произведениях «Встреча», «Родник» и целом ряде других.

Не минует Александр Раевский и такой традиционной темы, как тема предназначения поэта и сущности поэтического творчества. Он ищет и находит слова для выражения личного своего понимания феномена поэтического творчества в стихотворениях «Поэт» и «На юбилей поэта». В дополнение к этому он создаёт ещё две чрезвычайно интересных поэтических исповеди, посвящённых одна памяти друга-поэта Николая Николаевского, другая, «Позднее прозрение», посвящена памяти одного из великих русских поэтов XX века Юрия Кузнецова.

Хочу выделить ещё одну жанровую разновидность творчества Александра Раевского. Это его поэтические миниатюры. По тематике они самые разнообразные. Объединяет их выношенность, даже я бы сказал, выстраданность в душе и в сознании поэта. Ни одну из них нельзя назвать случайно возникшей, проходной. Все тяготеют к афористичности, кратки и глубоки. Это «Судьба России», «1812-й год», «Преданный», «Шла дорога – от села», «Русь-тройка», «Лесосплав» и другие.

Что касается стиливых доминант творчества автора сборника, то важнейшая из них – это краткость, сжатость выражения переживаемого чувства и экономность использования выразительных средств. Он не страдает вычурностью языка, чужд экспериментаторству в построении строфы и стиха, полностью лишён желания удивить новизной лексики или речевых оборотов. Его главная забота – полнота и точность выражения мысли.

При всей узнаваемости стихи ценны тем, что несут в себе выражение той напряжённой внутренней жизни, которой живёт русская провинция, та глубина, в которой, по слову Некрасова, «вековая тишина». Это не тишина рабского безмолвия и безмыслия, это выраженные глубинной, корневой, подлинной народной жизни.

**Открытое сердце:
о сборнике стихотворений А. Раевского «Судьба России»**

Сборник стихотворений новокузнецкого поэта, члена Союза писателей России, лауреата журнала «Наш современник» А. Д. Раевского подготовлен им к 400-летию нашего города. Автор не сочинял чего-то к юбилею города, а просто включил в этот сборник те, которые считает наиболее характерными для его творческой манеры, которые полнее всего выражают его стиль и тематику.

Ещё в одном из самых первых отзывов на стихотворения Александра Раевского профессор А. Г. Балакай отметил, что важнейшая отличительная черта стихотворений этого автора – их русская корневая система, основанная на фольклоре, традиция русской литературной классики и пронизанность русским национальным началом. И во всём его дальнейшем творчестве, о некоторых сторонах которого мне уже приходилось писать, ведущими являются такие мотивы: прекрасное чувство родной природы и связи её с внутренним миром человека; глубокие, подчас тревожные и горькие раздумья о нашей Родине – России, и её судьбе; о предназначении и ответственности поэта; и, естественно, о любви как основе человеческих взаимоотношений, самом радостном и ярком чувстве, переживаемом человеком. Естественно, что это мотивы и настоящего сборника.

Сама по себе тема живой природы очень традиционна для русской литературы, как органично и традиционно для русской души стремление постигать и выражать себя через параллелизм состояний души и природы. Александр Раевский в этой теме, не гонясь за оригинальностью, стремится к точности выражения внутреннего чувства и его насыщенности.

Одно из таких стихотворений хотя и названо «Фотограф июня», но это не фотография, это живая картина:

**В цветном объективе лукавого лета
Так много вмещается звуков и света:
Кукушкина роща,
Просёлок, прохлада,
Ленивая россыпь далёкого стада...
...Ромашки навстречу, как царские деньги,
И ласточки воздух собой засорили,**

**И звону бездонному рады-раденьки
Антенны мелькнувшей вдали деревеньки...**

Простой куст ивы в стихотворении «Девичий куст»

...знает всё: куда уходит ветер,

О чём молчат полночные цветы,

И кто есть мы на этом свете,

И в чём секрет добра и красоты...

Пронизана непосредственным живым и тёплым чувством картина летнего дня в стихотворении «На родине»:

...проносятся птицы,

Купается день в лебеде,

И снова мальчонка в цветастой рубахе

Бежит к недалёкой воде...

А стихотворение «Встреча» вообще перерастает в философское раздумье-переживание самой типичной жизненной ситуации: самоуверенная красивая молодость в единении с цветущей природой и женственностью и знать не хочет закона бытия, а он есть:

...Молодость былая

седенькой старушкой,

Сидя у дороги, девку поджидала.

Совершенно очевидно, что основной темой сборника станут раздумья о судьбе России, нашей великой и суровой Родины. И раздумья эти едва ли могли быть безоблачно-радостными, парадными, как и стихи о нашей малой родине, родном городе Новокузнецке.

Автор этого сборника, конечно, участвовал в конкурсе стихотворений, претендовавших на гимн города, и занял в нём достойное место. Но гимн – это совсем иной жанр, а в данном сборнике перед нами поэтические раздумья, порождённые повседневностью.

Вопреки моде, установившейся в либеральных верхах в столице и поближе к ней на сплошное очернение нашей истории и даже иногда на желание её по-своему переписать, здесь, «во глубине России», местный автор говорит о своём чувстве и к Родине, и к родному городу по-своему: без ложного пафоса и без очернительства.

И к голосу его, во всяком случае, нам, землякам, стоит прислушаться.

Стихотворения, выражающие эту тему, разноплановые: и с определённым лирическим сюжетом, как «Голуби», «Металлургический завод», «Удушье» и другие; и тяготеющие к социально-

нравственному обобщению и оценке, как «Перед концом света», «Огляделся – иная среда», «Одиночество», «Тихо от мороза. И душа глуха»; и откровенно сатирические, как «Видел я, как в моём захолустье» и др.

Общественная позиция автора в стихотворениях сборника выражена совершенно определённо: в ней и тревога, и боль, и надежда на вечные устои народной жизни, и готовность их защищать.

С одной стороны –

Взбизнесился несчастный народ! –

Не до скрипок да литературы...

С потепленьем глобальным грядёт

Ледниковый период культуры...

...Мир потонет в деньгах и во лжи...

А с другой – обращение в стихотворении «Дорогие поэты, витии» к собратьям по перу и вообще к людям любить жизнь, любить свою страну:

...Вы прислушайтесь: музыка льётся,

Из глубинных высот нисходя;

И в два зубика звонко смеётся

На руках материнских дитя!..

Мы приходим лишь раз, вы поймите,

Никого не виню, не учу,

Просто жизнь – это жизнь, а не митинг,

Просто сам я такого хочу!

В поднебесье окно растворите,

В грозовых облаков кутерьму...

Удивляйтесь. Любите. Творите!

...А Россию не дам. Никому.

Ещё хочется обозначить две темы, пусть не главные, но интересные и значимые для содержания сборника. Первая – без которой лирики вообще не бывает. Это любовь. Стихотворений этих не много. Но они и откровенно чувственны, эротичны и в то же время очень целомудренны, без натурализма и пошлятины, что в наше время редкость. Но удавалось же это Пушкину, Есенину, Пастернаку, а почему не должно удаваться Раевскому? Это стихотворения «Храм любви», «Во ржи» и «Молодые».

И ещё тема традиционная для русской литературы с её всемирной отзывчивостью. Это три стихотворения о совсем иной, нерусской

среде и ментальности. Шутливое «Две луны», орнаментальное «Азия» с тихой замечательной красочностью и жизнелюбием и психологически очень точное и интересное стихотворение о приезде юной студентки из большого города в родную юрту («Казашке»).

Предлагаемый читателю сборник стихотворений без сомнения интересен, содержателен, написан хорошим русским языком. Он нам ещё раз напоминает, что «во глубине России» не просто «вековая тишина», а вполне интенсивная культурная жизнь.

*А. Д. Раевский у Литературно-мемориального музея
Ф. М. Достоевского в Новокузнецке*

---

4. ТАЙАНА ВАСИЛЬЕВНА ТУДЕГЕШЕВА

Глоток свежего воздуха. О сборнике Т. В. Тудегешевой «Небесный полёт девятиглазых стрел»¹

Поэзия Татьяны Тудегешевой, как совершенно справедливо отметил во вступительной статье к сборнику её стихотворений «Небесный полёт девятиглазых стрел» секретарь правления Союза писателей России Николай Переяслов, «это шествие по тропе исторической и генетической памяти в глубины забытых веков, к истокам народной культуры».

Идёт по этой тропе лирическая героиня поэта, живущего сегодня, сейчас, и это придаёт её стихам, при всей их мощной исторической, народной первооснове, такие индивидуальные черты, которые хочется выделить и осмыслить.

В стихотворениях Тайаны Тудегешевой отчетливо звучит голос истории, но не в её конкретных – узнаваемых или называемых – событиях, а в её вечном дыхании, которое так чутко и индивидуально воспринимает душа поэта. Отсюда осязаемое преобладание в стихо-

---

¹ Первые публикации статьи: Журнал «Сибирские огни». Январь 2014 г.; Альманах «Кузнецкая крепость». 2017 г.

творениях сборника общего, родового, иногда даже вселенского – над личным, повседневным, бытовым. Дыхание прошлого воспринимается поэтом трагически, в стихотворениях отражена трагедия малого ныне, но некогда сильного и славного народа, верной дочерью которого чувствует себя и является лирическая героиня. Этим создано несколько необычное для лирики соединение остроты, обнажённости личного переживания с судьбой своего народа в общем ходе истории.

Как подчеркивает исследователь шорской литературы Г. В. Косточаков, по представлению и ощущению Т. В. Тудегешевой, древнетюркская эпоха – «это эпоха высшей доблести древних тюрков, их всемирной власти (походы Чингисхана), общего единства и семейной тёплой спаянности, пика культуры и обычаев». Для автора эти понятия не столько исторические и этнические, сколько эстетические: они олицетворяют самые лучшие людские качества воинов, мужчин, отцов, братьев. Современный шорский народ мыслится прямым потомком тех древних тюрков.

Г. В. Косточаков считает, что в стихотворениях Тайаны Тудегешевой сливаются два типа поэтической интонации: тональность одическая, прославляющая прошлые героические века тюркских народов, и тональность элегическая, выражающая горькое сожаление о прошедших эпохах.

Сборник стихотворений «Небесный полёт девятиглазых стрел» (Кемерово, 2007 г.) содержит следующие разделы: «Сквозь столетий туман», «Думы-караваны», «Листва времён», «Нежность ветвей», раздел стихотворений на шорском языке и два небольших добавления: «Из шорского фольклора» и «Песни».

Первый раздел содержит стихотворения, более всего отражающие национально-историческую тематику. Одним из самых ярких, самым концентрированным выражением авторского чувства, является стихотворение «Род Аба». Это короткое звучное слово, многократно повторённое в стихотворении, звучит как колокол памяти о былой славе предков и вечной печали. Энергия этого стихотворения достигнута высочайшим напряжением авторского чувства: гордостью, силой и славой далёких предков и горьким чувством сожаления об их гибели.

Сплав пафоса героики и трагизма передан чётким ритмом. Стихотворение наполнено краткими двустушиями (только предпоследняя строфа, содержащая наибольшее эмоциональное напряжение, увели-

чена до четырёх строк). Чётко выдержан размер – четырёхстопный ямб, только в отличие от обычного для этого размера чередования мужских окончаний с женскими здесь все окончания стихотворных строк – мужские (кроме первого и последнего двустипий), что придаёт всему стихотворению мужественное, суровое звучание.

Естественно, что свою роль в стихотворении играет его лексика, ключевые слова которой – «пыль», «стрела», «конь», «алып» (богатырь), «кровь» и т. п. Особенно выразительна предпоследняя четырёхстрочная строфа стихотворения, в которой троекратным ударом колокола звучит слово «Аба», и за каждым ударом ассоциативный ряд – высокий и светлый полдень, холодное дуло у виска, стихшая песня. А первое и последнее двустипия предельно коротки и афористично передают сущность авторского «я».

Я – дочь, я ветвь абинского народа...

Я – песня-плач абинского народа.

В этом фольклорном образе «песни-плача» – вся суть авторской позиции в сборнике. Суждение о слиянии трагической и элегической тональности абсолютно справедливо по отношению к первому разделу сборника «Сквозь столетий туман».

Название второго раздела сборника «Думы-караваны», конечно же, сразу рождает ассоциацию с бесконечным неторопливым движением верблюжьих караванов, чей путь пролегал когда-то, согласно легенде, и у подножия горы Мустаг. Основное содержание этого раздела – авторские раздумья о природе, о родных местах, о времени и человеческих судьбах, о родных людях. Автор мысленно обращается к бабушке, деду, отцу, матери, дяде, сыновьям, таёжным кедром, горам Мустаг и Айган, – и в этих раздумьях (думах-караванах) выходит к осмыслению законов бытия, таких простых и таких непостижимых.

При широте тематики стихотворений этого раздела доминирует, конечно, тема природы. Природа – насквозь живая, вечная, меняющаяся, она своего рода «кладёзь памяти, какое-то глобальное сознание, которое хранит в себе человеческое прошлое».

В стихотворениях, раскрывающих преимущественно тему природы, возникает органичное соединение двух контекстов: легенд и преданий шорского народа и русской натурфилософской поэзии. Очень хорошо видим мы это, например, в одном из стихотворений раздела «Думы-караваны» – «Пытайся – и поймёшь».

**Пытайся – и поймёшь.
На переходе между жизнью и смертью,
Застыв в хаосе грёз и образов,
Преодолев Время, Пространство,
Молчаливо стоит пустота, –
Это и есть мир в своём начале!
Пытайся постичь смысл Пустоты,
Чтобы знать больше, чем говорить.
Не думай о просветлении,
Тем самым просветляя сознание.
Слившись с духовной гармонией,
Победив материальный дух –
Добродетель должна родиться.
Обретёшь золотые чётки!
Поняв великую Пустоту,
Разомкнёшь вечный круг жизни,
Поймёшь необъятность сознания,
Космическую необъятность творения.**

«Пустота» здесь – это метафора той вечной тайны природного бытия, «застывшей в хаосе грёз и образов», что стоит в глубинах Пространства и Времени. Постигнуть её можно лишь «слившись с духовной гармонией, победив материальный дух». Только тогда ты «поймёшь необъятность сознания, космическую необъятность творения».

Прикосновение к этой тайне возможно лишь через поэзию. Лирика Тайаны Тудегешевой – это лирика состояния души, и природа сощетаётся у неё с природностью человека. Всмотритесь, например, в такую миниатюру.

ТЁМНАЯ ВОДА

**Озеро лесное, тёмная молва.
Плавает по озеру жёлтая листва.
Солнце не гостит здесь – сумрачно всегда,
И луны не знает тёмная вода.
Тёмная пучина, тёмные года...
Сломанную ветку приюти, вода.**

Как органично соединились здесь тайна скрытого уголка природы, озера лесного, и какая-то смутная тайна души. Первая строка, в которой неожиданно соединились слова из разных сфер бытия, природной и человеческой, «озеро» и «молва», перекликается с пятой, где «пучина» относится уже меньше к воде, а больше к «тёмным годам», и тогда уже «сломанная ветка» – метафора судьбы. И строка «солнце не гостит здесь – сумрачно всегда» в равной мере характеризует и озеро, и сломанную тёмной молвой судьбу.

Или ещё такая миниатюра, проще и логичнее первой, но также выражающая единство природного и человеческого:

Ты ушёл. Всё так же пели птицы.

Сквозь листву весёлый свет струился.

Ничего не изменилось в мире...

Жизнь моя травинкой надломилась.

Лирическая героиня Тудегешевой слышит эти голоса природы и воспринимает их в соответствии с духовной традицией своего народа, его вековой историей и законами природного бытия. Эти незыблемые законы пронизывают и определяют быт, человеческие отношения, моральные нормы, весь жизненный уклад. Конечно, душа лирической героини полна горькими сожалениями, вызванными разрушением этих вековых норм и ценностей. Но она отнюдь не намерена оставлять их – эти нормы и ценности – только далёкому прошлому; она утверждает их как ценности вечные, непреходящие, незыблемые для человеческой души.

Ценнейшим качеством лирики Тайаны Тудегешевой и поэзии вообще, основой поэтической образности является метафоризм поэтического мышления. В поэтической метафоре явления жизни, на первый взгляд вроде бы далёкие друг от друга, не только сближаются, но даже приравниваются одно к другому, образуя, по мысли Е. Эткинда, как бы систему зеркал, позволяющую видеть скрытые стороны этих явлений. Сопрягаемые явления, отражаясь друг в друге разными гранями своими, объясняют друг друга. Происходит это в творческом сознании поэта и становится главнейшим способом выражения его мировидения.

Особенностью поэтического мышления Тудегешевой как раз и является её сосредоточенность на мире природы, что и позволяет ей душевное состояние человека передать через поэтические метафоры, связанные с природой.

Очень показательно в этом отношении одно из стихотворений раздела «Думы-караваны» – «Бабушка в лучах июня».

Беседую с теньми

Давно ушедших солнечных дней,

Когда бабушка ходила

В зимний амбар за июнем.

В углу

Туеса с вином цветущего лета стояли,

Настоянные на горной воде

Родников таёжных,

Стекающих из сладостных рос

Трав, из долин душистых,

Ввысь возносящихся по утрам

К небесам восхода,

В высотах прохладных гроздьями

Чистыми собираясь,

Вбирая в себя силу небес,

Опадая дождями,

В час дивный священнодействия

Становясь вином терпким.

Бабушкино вино –

В нём аромат ячменных пашен,

Дышит

Пойманное в берестяные туеса лето,

Мерцает,

Как раскрывающиеся цветы рассвета,

И сквозь тонкий луч

В нём поблескивает солнце июня.

Смотрю сквозь вино

На невозвратные летние годы,

В таинственном единении

Со своим сокровенным,

В то прошлое,

Где осталась бабушка в лучах июня!

Ключевой образ стихотворения – вино – прост, неоригинален и кем только не воспет. Но вбирает в себя столько чудес природы – «в час дивный священнодействия», такую высоту и чистоту неба, трав, солнца, таёжных родников, душистых рос.

Секрет-то ещё в том, что метафоры эти органичны, природны, рождены больше сердцем, чем умом. Они и воспринимаются даже не как метафоры, не поражают оригинальностью, но влекут за собой шлейф жизненных ассоциаций, связанных с миром природы и души. Да ещё и соединено это состояние души с памятью о давно ушедших годах детства и святым для всякого ребёнка человеком – бабушкой.

Невольно возникает ассоциация с так называемым примитивизмом в живописи, когда на картинах видишь самые обыденные предметы, существа и явления, но генетическая память наполняет их вечным смыслом. Выражение души в этих стихотворениях далеко от примитивности – это душа, прикоснувшаяся к вековой мудрости природы и человека, «воспитанного природой суровой» (Н. Заболоцкий).

Суждение Геннадия Косточакова о двух интонациях совершенно справедливо по отношению к двум первым разделам этого сборника. Тональность элегическая окрашивает многие лучшие стихотворения раздела «Думы-караваны»: «От священной земли», «Письмо в мир закатов», «Только здесь», «Кедры мои печальные», «Ветер Мустага», «Когда-то» и другие. Но уже в рамках этого раздела начинает складываться иной тон, который по мере дальнейшего развития авторской мысли в сборнике будет становиться всё более для него характерным, – тон эпический, гораздо более плодотворный творчески. Основные признаки его – это, во-первых, приятие жизни во всех её противоречиях и сложности, и, во-вторых, выдвижение на первый план не собственно авторского лирического «я», но сознания всё более общего, соборного, когда частное, даже повседневно-бытовое, обретает внутренний бытийный смысл.

Примеры этого тона видимы и в уже рассмотренном стихотворении «Бабушка в лучах июля», и в таком очень значительном стихотворении этого раздела, как «Предчувствие».

**Мы в сытости и лени равнодушной
Порой не помним Божьего лица,
Но сквозь провалы лет и мрак бездушный
Идёт к нам Дух небесного отца.
Являясь через дымку сновидений
И зыбких миражей туман седой,
К нам вестником слетают зыбко тени,
Приходят и уходят чередой.**

Любой внимательный читатель заметит, что в стихотворениях Т. В. Тудегешевой нет ни слова о современности, её проблемах и суете. Но это вовсе не потому, что она живёт в общественном вакууме и реальная жизнь её не задевает, а потому, что окружающая повседневность не рождает в её душе поэтического отклика и творчески ей не интересна.

Но вот вопрос веры, бога в душе человека, который всегда был вечным, а нынче невероятно обострился вследствие скатывания современного мира в бездну потребительства, наслажденчества и корыстного расчёта, полной бездуховности, не может не находить отклика в её творческом сознании. Это стихотворение – «Предчувствие», не заостряя никакой полемики, зовёт к внутреннему духовному самоуглублению и утверждает вечную вневременную истину: «Бог никого в любви не отодвинет, / Коль в душах вера есть и чистота». Это естественный закон народного бытия, порождённый и природой, и историей человеческого развития.

Столь же естественным проявлением законов бытия является в творчестве поэта тема земной любви, раскрываемая в третьем разделе сборника «Листва времён».

Центральными стихотворениями этого раздела являются «Весенняя песня», «Летний урожай», «Осенние раздумья», «Зимняя ночь». В соответствии с жизненной философией шорского народа, а по большому счёту и с философией любого народа, жившего и живущего трудом на земле, в единении с природой, основные циклы природного бытия и основные периоды жизни человека абсолютно совпадают. В природе это: весна – лето – осень – зима. В жизни человека: молодость – зрелость – старость, подведение итогов – и окончательное увядание. Вот этот универсальный закон природного и человеческого бытия, основы которого – труд и любовь, лирически осмыслен и выражен в этом тетраптихе.

Объединяют эти четыре стихотворения образ возлюбленного (эркем – *шор.* – милый, дорогой, возлюбленный) и образ поцелуя как высшего проявления любви. Они композиционно закольцовывают каждое стихотворение. А содержание каждого из них – это раздумье о торжестве природы, любви и труда.

В каждом стихотворении развёртываются метафорические ряды, создающие психологические параллели между повседневными событиями жизни природы и человека и состояниями души и природы.

Эти метафоры и сравнения, как всегда у Тудегешевой, только из мира природы, они предельно просты и органичны.

Весна – время расцвета сил природы и души, время любви и цветения.

**Посмотри: в платья свадеб опять облеклись
Цветы, как невесты в день судьбоносный.
Хмель проснулся, стебли его переплелись,
Обнялись тесно, словно пары влюблённых.
Между скал побежали вприпрыжку ручьи
С гор небесных, песням любви звонко вторя...
...Мы с тобой выпьем остатки слёз дождевых
Из пиалок цветов-медуниц пьянящих,
И наполним души пением солнечных птиц,
И пойдём, вдыхая ароматы ветра,
К реке жизни... О, как тороплива она!..**

Затем – лето:

**...вот и лето пришло,
Наступили дни сбора жатвы – итогов.
Наш весенний посев завершил свою жизнь,
Созрев от жара любви солнца к природе...
...Так же зёрна счастья собирает душа
Из семян твёрдых верности бескорыстной –
Те, которые всласть посеяла любовь
В сокровенной глубине двух сердец пылких...**

«Осенние раздумья» сопряжены с горечью от осознания неизбежности увядания сил души и природы, когда «слёзы радости давно уже высохли до дна» и «с гор дышит холод, идёт в низину, / где впервые мы поцеловались с тобой». Но душа, подобно «соку спелых ягод, скрытому от глаз в берестяных туесах», «золотых веков мудрость прячет, / превращая память былого в мечты».

Последняя ступень – зимняя ночь – полна глубоким трагизмом:

**Эркем! Будь со мной рядом, всегда будь рядом.
Не давай дыханию ветров ледяных
Разлучить утомлённые сердца наши...
...Подбрось же в огонь дров, друг жизни моей.
Ведь он скоро погаснет в ночи беззвёздной...
...Вижу: соки годов глаза отягчили,
Потому тихий мрак хочет нас победить.**

**Огонь гаснет, скоро скроет пепел...
Меркнет жизни светильник, навек уходя.
Обними меня жарко, прежде чем сон обнимет,
Поцелуй жарко... Снег уже победил
Всё вокруг... кроме твоего поцелуя.**

Вот такая лирическая повесть в четырёх стихотворениях о красоте жизни и труда, о неизбежности смерти и бессмертии любви. Авторская позиция в ней глубоко народна, фольклорна, стиховая интонация раздумчивая, говорная, изливается как единый свободный поток, не делимый на строфы. Говорная интонация стихотворений достигнута тем, что стихотворный размер в них преимущественно трёхсложный, позволяющий передать неторопливость развития мысли, отсутствие экспрессии. Концевые ударения в строках – это обычная каталектика, т. е. ненарушаемые чередования мужских и женских ударных окончаний. Отсутствие рифмовки вызвано тем, что автор предпочитает не внешнюю зарифмованность строк, а их внутреннюю смысловую сочетаемость. Всё это и создаёт неторопливый разговорный ритм стихов, что, кстати, очень характерно и для многих других стихотворений Тайаны Тудегешевой.

Раздел «Нежность ветвей» раскрывает совершенно удивительный по чистоте и органичности образ лирической героини. Сочетается это очарование с внутренним благородством, преданностью, готовностью на полное самоотвержение ради любимого человека.

**Для тебя, Эркем, я опорой буду,
В грозный час тебе я стрелюю буду,
А в лихом бою я колчаном буду;
Если ранит враг, я бальзамом буду,
В час веселья, в той, я комузом буду.
Станешь нищим ты – я сумою буду.
Если ты умрёшь – я землёю буду.**

Но это отнюдь не рабская покорность и безгласная преданность. Они сопряжены с сознанием роковой силы своего внутреннего обаяния.

**Не смотри на меня, глаз моих не ищи:
Взгляд мой – омут в тиши иль луна, что в ночи.
Заглядишься – утонешь, иль уйдешь, как шальной,
Заплутаешь в тайге, сбитый думой хмельной.**

.....

**Ох, боюсь я разжечь пламя в сердце твоём.
Ведь мы можем сгореть в том пожаре вдвоём.
И в то же время она по-женски слаба, хрупка и нежна:
Ты ушёл. Всё так же пели птицы,
Сквозь листву весёлый свет струился.
Ничего не изменилось в мире:
Не обрушился ни град, ни ливень...
Жизнь моя травинкой надломилась.**

Расставание с любимым – это, конечно, драма. Но это не драма, вызванная личной обидой или уязвлённым самолюбием, а драма нарушения общего неписаного закона природы.

**Как странно: без тебя, а жизнь не умерла.
И даже реки вспять, спеша, не развернулись.
Всё так же день сменить спешит ночная мгла,
Всё так же о любви поют перепела,
А мы с тобой... Зачем же мы простились?
Как странно: ясный день, а в душу грянул гром,
И в сердце сотни молний иглами вонзились.
Смотри: две птицы прочертили небосклон,
Ликуя, растворились в небе голубом,
А мы с тобой... Зачем же мы простились?**

В наше время, по слову Н. Рубцова, «среди тревог великих и разбоя», когда так оголтело девальвируются ценности любви, семьи, труда, естественных радостей и ценностей жизни, поэзия Татьяны Тудегешевой – это глоток чистой родниковой воды, таёжного воздуха, духовной красоты, это соединение чувства и мысли, это голос высокого таланта человечности.

Пятый раздел сборника – «Откровения шаманки» – более всего пронизан национальным колоритом. Большая часть его стихотворений – это поэтические переработки шорских национальных преданий, легенд; не напрасно автор ведёт в них повествование как бы от лица главного хранителя природных и человеческих тайн. Для автора шаманка – это, конечно, реальный персонаж шорского быта и истории, но самое главное всё-таки – это поэтический образ – символ духовного всеведения и всевидения, духовной власти над силами и добра, и зла, и этим очень близкий, даже тождественный поэту-пророку (если опять вспомнить русскую поэтическую традицию).

В одноименном стихотворении, открывающем этот раздел, мысль

эта выражена очень отчетливо и ярко:

**Сердцем чую, что ветра рисуют
На страницах вод, в тиши уснувших;
По лицу небес – что тучки пишут;
Тёмных рун читаю откровенья.
Соловьиных трелей сладкозвучных
Смысл божественный, дивясь, постигла;
Суть цветов понятна, их дыханье –
Добрый дух живёт в них вездесущий.**

.....
**...Ночь. Костёр. И я с шаманским бубном
Вызов силам аспидным бросаю.**

Антропоморфизм природных явлений свойствен вообще любому фольклору. Поэт из этих бездонных источников народных преданий черпает не только красоту и поэтичность художественных образов, но и, конечно же, прикасается к таким тайнам бытия, над которыми по самонадеянности и слепоте душевной можно сколько угодно иронизировать, но волновать человеческое воображение которые никогда не перестанут.

Вот такая, например, природная зарисовка с несомненным философским и нравственным подтекстом в стихотворении «Человек! Не тревожь...»:

**В горах над тайгой –
Клочья тумана бродящие:
Это мёртвые души, места не находящие.
Привидениями молча передвигаются,
В нелюдимых чашоблах
Безутешно слоняются.
Не прошённые, отцом не благословлённые,
Материнской прощальной слезой
Не окропленные,
Души павших в тайге от жестокого холода,
Души в чашах заблудших и погибших от голода,
Диким зверем сражённых
И угасших от раны,
Очага не нашедших, погребённых бураном...**

Человек!

Не тревожь

Бесприютные души тумана.

Строки о душах, «павших в тайге от жестокого холода», душах, «в чашах заблудших и погибших от голода, диким зверем сражённых и угасших от раны, очага не нашедших, погребенных бураном», помимо прямого смысла имеют ещё и несомненный метафорический смысл, даже если их воспринимать вне контекста нашей не такой уж давней истории. А если ещё и в этом контексте, связанном с ГУЛагом, то это вообще реквием.

И снова обратим внимание на поэтическое мастерство в этом стихотворении. Формально оно на строфы не разбито, отделены лишь последние строки, обращённые к человеку. Но синтаксически и по смыслу в нём три строфы: две коротких, называющих клочья тумана над тайгой душами умерших, и третья, многострочная, раскрывающая глубинный трагический смысл этого образа. Зато строфы эти разбиты на отдельные самостоятельные строки, тем самым они выделены в самостоятельные смысловые, значимые единицы. Эти строки и слова становятся ударно выделенными и делают ритм стихотворения соответствующим теме: не напевным, не маршевым, а замедленно-сосредоточенным, чему способствует и чередование ударных окончаний не мужских с женскими, а в основном дактилических с женскими и, реже, с мужскими. Мужественное и траурное звучание, подчеркивающее тему.

Столь же метафоричен смысл и стихотворения «Сухостой». В мире природы – это безжизненные пустоши, возникающие в живом океане тайги по каким-то неведомым причинам, своего рода проклятые места.

Это образ – символ вселенского экзистенциального зла, которое отторгается природой, но приемлется и даже используется человеком:

Нет и птиц, и зверь, таясь во мгле тумана,

Не проложит след в лесу гнилом.

Волк, в глухую ночь застигнутый бураном,

Обойдёт петлёй зловещий сухостой.

Содрогаясь, месяц взглядом опустелым

Спешно поутру проложит тайный путь.

**И мгновенно Некто в чаще помертвелой
Всё вокруг замкнёт капканом в мрачный круг.**

В русской поэзии изображено такое создание природы, к которому «и птица не летит, и тигр нейдёт, лишь вихорь чёрный на дерево смерти налетит и мчится прочь, уже тлетворный» – в «Анчаре» великого Пушкина. Подчеркну: это не подражание Пушкину и не под влиянием Пушкина. Это совсем другой образ из другой национальной традиции. Сближает их лишь глубочайшее, интуитивное, в этом случае «шаманское», чувство присутствия в мире зла и смерти.

Но и в ощущении полноты жизни, её тепла, красоты и очарования Т. В. Тудегешева находят образы, рождённые глубочайшим родством с природой и народной поэтической традицией. Образы эти не поражают оригинальностью и особой вычурностью, зато наполнены глубиной и силой поэтического обобщения, как, например, в стихотворении «Цветок».

**Цветок – это слово живое,
Язык говорящей природы.**

.....

Лелея, его породили

Четыре всеильные стихии:

Носила зима в чреве крепком,

Весна родила молодая,

Взрастило богатое лето,

Баюкала тихая осень.

Расцвёл он на радость влюблённым –

Венец ликованья на свадьбе!

И дар человека живого

Покойному – перед уходом.

Эта устремленность в глубину бытия вообще характерна для стихотворений Тайаны Тудегешевой.

Есть, конечно, в сборнике и стихотворения достаточно «проходные». Но не они определяют основной пафос её творчества. Он в утверждении красоты и полноты жизни при всей её сложности, драматизме и даже трагизме. И в утверждении бессмертия культурного наследия каждого народа.

Пока жива культура – жив народ.

Методические рекомендации к уроку по изучению поэтического мастерства Т. В. Тудегешевой

Предлагаемая разработка урока (или 2–3 уроков) по изучению поэтического мастерства Т. В. Тудегешевой имеет целью развитие и углубление знаний и умений учащихся по анализу лирических произведений.

Предпочтительная форма таких занятий – это беседа или лекция учителя с элементами беседы. Необходимость именно беседы диктуется тем, что активность и действенность ученического восприятия падает очень быстро, и на занятии должны постоянно ставиться вопросы, выдвигаться посильные задания, может быть, даже в ущерб глубине постижения.

Широта охвата текстового материала невелика. Предлагается строить беседу на базе использования четырёх стихотворений сборника «Небесный полёт девятиглазых стрел»: «Род Аба», «Лунными ночами», «Зачем?» и «Откровения шаманки» (возможно сужение до трёх). Главная задача учителя – не теряя содержательности трактовки стихотворений, «не засушить» занятие излишним теоретизированием. Раздаточный материал – отпечатанные тексты этих стихотворений – желателен на каждом столе; разговор должен основываться на конкретном стиховом материале. Мы не ставим задачу дать учащимся глубокие теоретические знания поэзии, но, опираясь на имеющийся у них запас знаний, расширить и углубить их представление о лирике. В частности, предполагается расширить их представление о стихе, о понятии «художественный образ» в лирике и основных средствах их создания (эпитет, сравнение, метафора, олицетворение), о ритмообразующих элементах (стихотворный размер, виды рифмовки, концовка ударения), об элементах композиции стиха.

Прежде всего, учителю нужно напомнить о том, что многие взрослые грамотные люди не ясно себе представляют: стих – это не сообщение о ком-либо или о чём-то, это выражение авторского чувства, душевного состояния, переживания, связанного с очень широким кругом жизненных явлений: с человеком, с событиями истории или личной жизни, явлениями или состояниями природы, с воспоминаниями и т. д. и т. п. Не надо искать в стихах и ждать от них какой-то конкретики или, как сегодня говорят, информации. Стих говорит о том внутреннем, душевном или духовном, скрытом, часто смутном и

трудно выразимом. И еще: в стихе важно, что сказано, но куда важнее **как** сказано, т. е. художественные способы и средства выражения чувства или состояния выходят на первый план. И первый из них – это образ или система образов, содержащаяся в стихе. Невозможно на школьном уроке углубляться в сложнейшую сущность понятия «художественный образ», но очень важно попытаться подчеркнуть, что значимо не столько слово или приём, выражающий образ, сколько тот комплекс чувств, переживаний, ассоциаций, связанных для автора (и читателя) с этим образом.

Ставим вопрос:

Какое чувство рождает у автора главное слово стихотворения «Род Аба», вынесенное даже в его название?

Выявляем и подчёркиваем сложность этого чувства: это любовь к своему древнему роду, гордость за свою принадлежность к нему, и горькая печаль в связи с его неизбежным угасанием.

Следующий вопрос:

Этот образ является неизменяемым, застывшим на протяжении стихотворения или он как-то движется, меняется?

Поможем ответить, добавив ещё вопрос:

Какие дополнительные образы, сопутствующие развитию главного, появляются ещё в стихотворении?

Утвердим образы свиста стрел, лихого коня и напряжённой схватки, закончившейся гибелью коня и богатыря.

И ещё один важный вопрос:

В каких строках выражена полная сопричастность лирической героини к героической и трагической судьбе своего рода? Как они выделены?

В данном случае это, конечно, первая и последняя строки стихотворения, этим они и особо выделены. Они образуют своеобразное композиционное «кольцо», чётко замыкающее границы стихотворения, придавая ему целостность и завершённость.

Непрерывно напомним, что лирический герой или героиня – это, конечно же, автор, но не только. Это люди в прошлом, настоящем и будущем, которые разделяют его убеждения, занимают сходную нравственную позицию, которую он хочет передать своим читателям.

Очень хорошую возможность для формирования у учеников представления об ассоциативном поле или фонде, бесконечно углубляющем смысловое содержание образа, даёт второе из избранных

нами стихотворений «Лунными ночами». Его ключевой образ также совершенно очевиден – «шорская волчица». Прямая ассоциация, связанная с этим образом, известна каждому: волк – хищник.

Но поставим вопрос:

Как и за счёт чего расширяется смысл этого образа в авторском сознании и чувстве, связанном с этим образом?

Проследим тот уж действительно шлейф ассоциаций, возникших в стихотворении, в основных его проявлениях. «Мать-волчица с мудрыми глазами» – воплощение связи с «мглою веков» и с «днём грядущим»; окружающая природа, «горы и отроги», содержат для неё уроки жизни; в пыли степной дороги она читает «летописи строки», она помнит «быль и небыль», она «в сговоре с веками». Она – поэтический символ мудрости и памяти природы, её всеведения.

Не упустим возможность расширить представление школьников о психологическом параллелизме состояний природы и души лирической героини, так характерном для творчества Т. В. Тудегешевой.

Как выражена в стихотворении высочайшая степень этой внутренней связи?

Лирическая героиня зачарована этим образом, слово «снится» («снешься») звучит в стихотворении семь (!) раз. Для лирической героини она «энемай» (по-шорски «мать моя») – волчица. Вот почему так поэтически оправдана строка «Сгинешь – я завою». Гипербола, конечно, но так она уместна в этом контексте на языке поэзии.

Можем и ещё дополнить ассоциативный шлейф, назвав и порекомендовав ученикам роман выдающегося киргизского писателя Чингиза Айтматова «Плаха», где волчица Акбара – символ мудрости, отваги и гонимости сил природы, уничтожаемой неразумным и хищным человеком.

Вывод этой части беседы: художественный образ в стихотворении движется, развивается, живёт по законам поэтического творчества, образуя лирическую тему.

В стихотворениях Тайаны Васильевны наиболее частый путь развития лирической темы – это градация, т.е. постепенное нарастание эмоционального чувства с его разрешением в финале стихотворения (эмфаза).

Далее перейдём к разговору о таком важнейшем компоненте стиха, как его ритмическая организация.

Определённому ритму подчинены все виды движения жизни: и

состояние природы, и движение времени, и движение человека при ходьбе и беге. Ритмическая организация в стихе – это попытка поэта как-то упорядочить хаос жизни. Образуется ритм в стихотворении путём чередования определённых единиц стиха. Выделим некоторые, наиболее ощутимые: чередование количества ударений внутри строк, чередование конечных ударений в строках, чередование созвучий на концах строк, чередование внутристрочных пауз.

Почему автор строит стихотворение «Род Аба» в форме двустихия?

Они позволяют наиболее динамично передать ход времени, насыщенного героическими и трагическими событиями.

Что даёт для стройности звучания стиха постоянное чередование ударных слогов в каждой строке? Сколько их?

Их пять. Они образуют стихотворный размер – пятистопный ямб. Возникают достаточно длинные, но чётко организованные строки на протяжении всего стихотворения.

Почему последняя строка четырёхстрочная?

Наиболее частый путь раскрытия лирической темы в стихотворениях нашего автора – градация, когда развитие темы (образа) идёт по нарастающему от начала к концу стихотворения. Нарастание чувства в стихотворении достигается использованием повторов, при этом каждый последующий повтор эмоционально богаче, напряжённее предыдущего. В данном стихотворении это повтор краткого звучного слова «Аба», заряженного большим смыслом и звучащего, как удар колокола. К предпоследней строфе накал чувства достигает апогея, слово «Аба» повторяется трижды, оно обросло ассоциациями и в две строки это чувство уже не уместается.

Какое значение приобретает тот факт, что на конце каждой строки ударение падает на последний слог, т.е. все ударения мужские?

Можно напомнить мысль Белинского, что в поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» все конечные ударения мужские, и они «падают, как удары меча», выражая характер и героя, и автора поэмы.

Обращаем внимание на ненарушаемую чёткость рифмовки параллельной, когда рифмуются рядом расположенные строки.

И, наконец, чередуются цезуры (внутривстрочные паузы) почти в каждой строке после слова «Аба», получающего особую выделенность в стихотворении. Таким образом, стихотворение очень цельно

по чувству и очень крепко «сбито», выражая героику и трагизм прошедших веков.

Иное дело стихотворение «Зачем»? В нем нет ключевого образа, а лирическая тема образована авторским переживанием очень сложного чувства, вызванного расставанием двух любящих друг друга людей.

Всмотримся в построение этого стихотворения.

Почему автор строит стихотворение из пятистрочных строф?

Видимо, потому, что сложность, неоднозначность расставания любящих не позволяет говорить об этом на меньшем стиховом пространстве.

Обращаем внимание на построение каждой строфы. Во всех повторяется их начало и окончание: «как странно» и «зачем же мы простились»? Это то, что называется единоначатие и единоокончание – анафора и эпифора. Они выражают главное авторское и вообще человеческое чувство, их неоднократный повтор и концентрирует на них наше внимание.

Наш главный вопрос:

А что же кажется автору странным и почему? Какой закон жизни нарушен этим расставанием?

Читаем внимательно и обнаруживаем, что это природный закон парности, гармонии и единства двух начал, образующих жизнь. Без этого – «холод пустоты».

Как сложности выражаемого чувства соответствует сложность способа рифмовки в каждой строфе?

Оказывается, способ рифмовки сложный, использованы все три её вида: первая строка рифмуется с третьей (смежная), третья с четвёртой (параллельная) и вторая с пятой (опоясывающая). Стихотворный размер – четырёхстопный ямб, но с очень большим количеством слогов, на которых пропущены положенные по схеме ударения (пиррихии), что придаёт стихам большую свободу, позволяющую передать именно раздумье о сложном явлении жизни. Внутрострочная пауза – цезура – только в последней строке каждой строфы тоже подчёркивает раздумчивый характер интонации стихотворения.

Таким образом, перед нами снова соответствие идеи стихотворения и основных элементов его формы – показатель мастерства.

И всмотримся в четвёртое из отобранных стихотворений – «Откровения шаманки».

Шаманка здесь – это не реальный конкретный женский образ, нет ни одной черты, делающей этот образ индивидуальным. Это образ-символ, пришедший из национальных легенд и преданий, символ всеведения и всевидения, духовного общения с далёким, даже потусторонним миром, стояния на «страже между тьмой и светом». Главное средство авторского изображения героини – это повышенный метафоризм и гиперболизм, отрешённость от бытового, земного. Предлагаем ученикам выделить эти строки и образы в стихотворении: «В невидимый мир открываю двери», «... мчусь стрелой девятиглазой в небо...», «... чую, что ветра рисуют на страницах вод», «...что тучки пишут», «суть цветов понятна, их дыханье...».

Стихотворение своего рода программа всего, что прозвучит в этом разделе. А речь в нём пойдёт о неразгаданных тайнах души и природы. Отсюда такая интересная особенность: по чёткости ритма, по строго соблюдаемому стихотворному размеру это очень чёткое стихотворение, но ни одна строчка во всех пяти строфах не рифмуется с другой, рифмовки нет, т.е. каждое высказывание в нём законченная фраза и существует отдельно, не связано с другими. Не возникает законченной гармонической картины, только цепь отдельных высказываний.

Обращает на себя внимание и то, что все концевые ударения в строках – женские, это тайны, собранные в женском образе природы и бытия. Его вариант в стихотворениях этого раздела сборника – «шаманка-метель». По шорским народным преданиям, метель – это бесплотный дух женщины (не могу не вспомнить М. Ю. Лермонтова: «Душа человеческая – потёмки, а женская – в особенности»).

Отметим особую значимость и воспитательный потенциал раздела сборника стихотворений Т. В. Тудегешевой «Таёжные друзья». Раздел содержит поэтическое изображение зверей и птиц шорской тайги. Всех их числом девятнадцать: медведь, волк, лисица, россомаха, рысь, бурундук, марал, сова, филин, кедровка, стрекоза, священная берёза, кедр и мать-Лосиха. Совсем не случайно в этом перечне зверей и птиц, друзей, значатся и два дерева – берёза и кедр.

Берёза и в русской поэзии и быте является символом многих духовных явлений: и чистоты, и свежести, и красоты, и печали. В стихах С. Есенина «зеленокошая, в юбочке белой стоит берёзка над прудом», лирический герой «берёзке каждой ножку рад поцеловать».

В шорских народных поверьях и преданиях её символический

смысл ещё глубже и серьёзнее – и вся многогранность и широта этого образа легко, красиво, доступно для детского восприятия и полно переданы в стихотворении «Священная берёза».

Таков и кедр-кормилец. Защитник, твёрдая опора в суровой сибирской тайге и в суровой народной судьбе.

Ценнейшее качество и достоинство поэтического изображения в стихотворениях перечисленных зверей и птиц состоит в том, что написаны они человеком, знающим этот таёжный мир не понаслышке и не по книжкам.

Поэт выросла в этом мире, впитала его всеми клеточками своего естества, поэтому для неё медведь, волк, рысь, ночной филин, орёл – это не «страшилки» для детей и не дикая экзотика, это живые существа, в союзе и в общении с которыми жили поколения её предков, выросла она сама. Она хорошо знает и опасности, исходящие от них, и красоту, которую они дарят, и то место в жизненной системе матери-природы, которое они занимают.

Отсюда и та преобладающая тональность, с которой изображён в стихотворениях этот мир таёжных друзей – это любование, доброта, понимание и воздаяние должного.

Они все олицетворены и наделены природным разумом.

Медведь – умён и властен, «нет умней его нигде», «вся тайга – очаг и дом».

Волк – «зверь расчётливый и умный... Он поджар, красив и статен».

Лиса – «до чего же она красива, так изящна – просто диво! Правда, любит воровать и хвостом след замечать».

Бурундук «все запасы по рядкам расположит, по сортам. В норке чисто и уютно».

Вот птица счастья – глухарь. «Величавый, краснобровый, он токует, парень бравый, плавно кружится по кругу и зовёт, зовёт подружку... Воспевает жизнь он, дети!»

Дятел: «В звуке «тук» – его привет, им встречает он рассвет. Тревожит стуком ночь. «Тук!» – мрак уходит прочь».

И, наконец, мать-Лосиха, «ростом с гору древний лось шерстью, мхами весь оброс... Мать-Лосиха есть природа, мать всего людского рода».

Детское сознание и воображение вообще конкретно и склонно к сказке и получает в стихотворениях этого сборника мощнейшую базу

для своего развития в этих живых образах, точных и зорко увиденных деталях жизни природы, окрашенных очень тёплым, приятным авторским чувством.

Все звери и птицы названы и по-шорски, все удивительно зримо и достоверно в каждой детали облика и поведения, и в то же время опозитизированы.

Стихотворения этого раздела являются очень значительным и эффективным средством патриотического, эстетического и нравственного воспитания детей.

В заключение необходимо подчеркнуть, что универсальной «отмычки» для анализа всех стихотворений просто не существует. Каждое стихотворение – это отдельный замкнутый в себе мир, и ключ к его анализу – в нём самом. Его просто нужно внимательно искать.

---

5. ЛЮБОВЬ НИКИТОВНА АРБАЧАКОВА

Литературный портрет шорянки¹

Вспоминаю весенний день апреля 1994 года. На Сыркашинской горе под Междуреченском на шорском национальном кладбище хоронили Андрея Ильича Чудоякова. Заведующего кафедрой шорского языка и литературы Новокузнецкого пединститута, учёного, человека, сделавшего очень много для возрождения национальной культуры и сохранения своего народа.

Среди провожающих была и группа студентов пятого курса – студентов, которых набирал для обучения сам Андрей Ильич, с которыми связывал свои надежды. Среди студенток обращает на себя внимание худенькая, стройная девушка с большими внимательными глазами.

Это и есть Люба, Любовь Никитовна Арбачакова, сегодня – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, член Союза художников и Союза писателей России, героиня моего небольшого очерка.

---

¹ Первые публикации статьи: *Журнал «Сибирские огни». Февраль 2014 г.; Альманах «Кузнецкая крепость». 2019 г.*

Не берусь судить о Л. Н. Арбачаковой как о художнике, хотя с огромным удовольствием смотрю её картины, а вот как о поэте позволю себе немного сказать. В основном буду цитировать стихотворения из достаточно известной книги «Песни шориянки» (2011). Сборник составлен из коротких стихотворений, самое большое – из десяти строк, самые маленькие – из двух-трёх, в большинстве своём напоминающих японские хокку. Япония здесь, возможно, кстати; как замечает в предисловии к сборнику новосибирский поэт Владимир Брызев, «представляется очевидно правдивой легенда японцев о том, что их предки когда-то вышли из пределов Алтая».

Какого-то отчётливого принципа расположения стихотворений в сборнике нет, писались, видимо, как вырывались из души, поэтому я позволю себе сгруппировать их по некоторым основным темам: автобиографические, лично-философские, природно-философские, фольклорные, художнические, навеянные современностью и – самая большая группа – рисующие внутренний мир лирической героини, автора-женщины.

Подчеркну, что деление это чисто условное, т. к. сборник очень цельный, яркий, непринуждённо-личный и открытый, искренний. Кошунство это я себе позволил только с целью установления какой-то последовательности в рассказе.

В своё время В. Маяковский правильно утверждал: «Поэзия вся – езда в незнаемое». Это «незнаемое» – всё вокруг нас и в нас – от космоса до внутреннего мира человека. «Я знаю всё – но только не себя», – утверждает другой великий поэт. Устремленность к духовному познанию мира и себя в мире, без сомнения, определяет пафос лирики Л. Арбачаковой.

Для выражения этой устремленности бог дал ей редкое двойное дарование – талант художника и талант поэта. Талант художника в ней, очевидно, сильнее. Сама она об этом говорит так:

Нежданно навалилась тоска.

Мысли горькие одолели...

.....

Давно бы тоска скрутила меня,

Когда б не моя живопись.

Говорит она и о приходе поэтического вдохновения:

Сердце моё встrepенулось:

Причитания народа послышались.

**Это значит,
что время стихов наступило.**

Первооснова её поэтического творчества – это глубоко диалектическое восприятие жизни. Оно идёт от веры предков в существование двух миров – мира Ульгена и мира Эрлика, или, по-христиански, Бога и дьявола, – в нерасторжимую слитность этих миров.

**Не торопись уходить
Туда, откуда возврата нет.
Ведь между «здесь» и «там»
Нет никаких границ.**

Отсюда убеждённость в том, что жизнь складывается из единства противоречий, она не однобока и не однолинейна, она не сводится к страданиям и боли, и уж тем более к бездумному потребительству и наслажденчеству. Главная её ценность – это душа, это то внутреннее, живое и сложное, чем должен жить человек.

Главное средство выражения этого сложного внутреннего мира человека, сложного вечно живого мира природы в лирике Л. Н. Арбачаковой – это метафоризм её поэтического мышления.

Б. Пастернак называл метафору «скорописью человеческого духа». Белинский говорил о «неуследимой глубине художественного образа». Без метафоризма поэтического мышления и образ бы не состоялся. Но метафора метафоре рознь. Есть такие, в которых автор «вокруг смысла оригинальности пушей для даёт гигантского кругаля», а есть – рождённые жизнью и органичные, как дыхание.

Метафоры в большинстве стихотворений Л. Арбачаковой мгновенны, интуитивны и тем самым оставляют читателю просторное поле для домысливания и дочувствования, стимулируя сотворчество.

Оцените, как много сказано на языке души:

**По земле родного аала
Босиком пробежалась.
Теперь и душа, и ноги в занозах...
Или ещё:
Ты ушёл, хлопнув дверью,
Как всегда, меня не дослушал.
Мне вспомнилось наше детство...
Ах, с каким удовольствием
Одна старуха-шаманка
Трубкой своей дымила.**

**Каким же маняще-сладостным
Был запах дымившей трубки
У старой соседки-шаманки
В нашем далёком детстве!**

А вот стихотворение о погибшей сестре:

**Избыть беду
По улице бреду.
Спина напряжена,
И сердце никнет:
Вдруг кто-то
Именем твоим
Меня окликнет?**

Какая экономность в словах, но как полно передана трагедия! И эта деталь внешнего облика («спина напряжена») в сочетании с метафорическим выражением душевного состояния («сердце никнет»). Не упустим и звуковую организацию первого двуступия – с преобладанием звонких взрывных согласных «зб... бд... брд...», оглушённого сознания. Своего рода лирический микрошедевр. Мы не только почувствовали горе этой женщины, мы её ещё и увидели.

Вот ещё две словесные зарисовки, которые может сделать только художник:

**Случайно
В горной речке
Поймала
Я солнца взгляд.
Взгляда не отведу,
Даже если ослепну:
Миг счастья!
И:
Я камушек бросила солнцу
В гладь речную.
Солнце встревоженное
Долго не могло успокоиться.**

Стихотворения могут быть буквально пронизаны светом, цветом, и через эту гамму меняющихся красок возможно передать состояние души:

**С восходом жёлтого солнца,
Светлое платье надев,**

Жду твоего письма!

Красный вечер вручил мне записку...

Уставшее солнце за гору село,

И яркое платье моё померкло.

В краткой, но очень насыщенной мыслью, высокопрофессиональной статье «Живопись Любви Арбачаковой» Лариса Ларина, директор Новокузнецкого художественного музея, говорит о синкретизме фольклора как вида искусства. Помимо такой его составляющей, как искусство слова, существует ещё и пластический фольклор. «Связь этих видов народного творчества очевидна, она имеет глубокие корни в народном мировоззрении, мировосприятии и мироощущении, – пишет исследовательница. – Поэтому вполне логично и естественно было обращение Арбачаковой от вербального фольклора к пластическому... Различие этих пространственных и временных искусств не допускает полного перевода смысла, но он и не нужен, наличие непереводаемого становится смыслообразующим фактором».

Концептуальная мысль как для понимания живописи Л. Н. Арбачаковой, так и её поэзии.

Всмотритесь и вслушайтесь в такие, например, пятистишия:

Осенним холодным утром всегда

Сквозь туман на реке Мрассу

Конь белогривый

Всё мчится куда-то –

Но доскакать не может.

И ещё:

Лодка любви

Тихо плывет по Мрассу...

Лишь где-то крылатая рыба,

К небу рванувшись,

Исчезает снова в синей бездне.

Всегда остаётся недоговорённость, за которой нечто скрытое, тайное, недосказанное.

Уместно будет сказать, кстати, как сам автор картин и стихов отзываясь о себе. Вот две самооценки:

Я – художница,

Я – поэтесса.

Но... во всём –

Дилетантка.

И:

Многое мне сегодня дано.

Есть компьютер, чтоб стихи набирать,

Разные краски, чтоб картины писать.

Но...

шедевры не получаются.

Заверим, это не кокетство. Это и есть тот святой огонь недовольства собой, который делает художника художником.

Есть и такое стихотворение, выражающее авторское кредо:

Я художник, поэт,

Почти взнуздала коня-облако!

Пусть кто-то на этой земле

Крепко держит мой повод.

Этот «кто-то» – и есть тот высокий нравственно-художественный критерий, который не позволяет терять чувство реальности ни в творчестве, ни в жизни.

Выше уже говорилось о диалектике и многогранности восприятия жизни в стихотворениях Л. Н. Арбачаковой. Интересно понаблюдать, как эта важнейшая особенность её лирики диктует композицию её лирических миниатюр.

В своё время ещё Л. С. Выготский уподоблял стихотворения летательным аппаратам легче или тяжелее воздуха. Одни, подобно надувным шарикам, существуют только за счёт своей «поэтической» темы. Другие, подобно самолётам, преодолевают энтропию отражаемой в них житейской прозы внутренней энергией стиха. Энергия эта и рождается из столкновения в стихе двух противоположных смыслов. Столкновение это создаёт живой и сложный итоговый смысл стихотворения.

В большинстве лирических миниатюр Арбачаковой, даже на минимальном словесном пространстве, происходит это столкновение, рождающее авторское видение, часто очень своеобразное и всегда очень многомерное.

Стихотворение может быть, на первый взгляд, чисто бытовой сценкой:

Мне свекровь моя с радостью

Показала свою обнову.

Между делом сказала:

**«Это чтобы ты знала,
В чём меня хоронить!»**

Может быть жизненным раздумьем:

Я в мае родилась.

По-шорски – кандыкам цвести.

По-русски – вечно маяться.

**По жизни – беды и цветы
переплетаются.**

Может таить много невысказанного в однообразных буднях:

Сижу одиноко в многоэтажке.

За окном – грохот машин.

Ты вернулся с работы,

Молча включил телевизор...

Ещё один день пропал!

Может содержать своеобразно переосмысленный, сниженный традиционный фольклорный мотив:

По лунной Мрассу

Твоя лодка летит ко мне.

Навстречу рванувшись,

Угодила я в грязную лужу!

Может касаться и сложных вопросов веры и притягивания/непритягивания жизни:

Шаман камляет неистово,

Пытаясь излечить мою душу...

А в переднем углу его дома

Лучится

Печальный лик божьей матери.

И:

В мире ином я согласна на рай,

И даже на ад...

Лишь бы не снова на землю!

Чаще всего, как видим, концовка стихотворения может вступать в противоречие со всем стихом или бросать на него неожиданный свет, углубляя тем самым всё суждение.

Интересен ещё один штрих к творческому портрету. Поэтического отклика на темы и проблемы современности в сборнике практически нет, как и в живописи Арбачаковой. А те единичные, что в сборнике встретились, выдержаны в очень сдержанном ироническом тоне.

**Издалеку ко мне
Долгожданная подруга приехала!
При всех не рискнула
Расцеловаться –
Нынче ведь всё переиначено...**

И такая вот замечательная психологическая миниатюра:

**Ты знаешь,
Он так наивен!
Позвонил
И в кино пригласил...**

Замечателен и образ лирической героини, вобравший в себя и черты личности автора, и черты вообще женские. Образ этот динамичный, живой, полный противоречий и очень по-женски логичный. В основе его, конечно, сознание своего очарования, но и оно чуть-чуть иронично:

**Мои подруги, суетясь,
К конкурсу Кен-Кыс готовятся,
Мечтают о короне красы Шории.
Я не готовлюсь к конкурсу,
Мне быть там не обязательно,
Ведь и без того я – красавица.**

Любовь для такой натуры – главное условие жизненной гармонии и счастья.

**Позволь полюбить тебя.
Не дай разочароваться!
Когда я с тобой –
Земля роднее становится.
И продлевается жизнь моя.**

И снова поражает изобразительная сила:

**Милого ожидая,
На стук дверей
Всю ночь выбегала –
Лишь грубый ветер
В объятия меня принимал.**

Героиня отличается трепетностью, чувственностью, горячим желанием быть с любимым человеком. Но тут же – высокое чувство собственного достоинства, природный ум, трезвость суждений и о себе, и о возлюбленном, большая внутренняя сила и эта спасительная

ирония в оценке себя, своих чувств, других людей, любимых, любивших и просто чем-то интересных.

Ночью мне не спалось.

Я вспоминала тех,

Кто хоть однажды в меня влюблялся...

Никого не припомнила.

И снова поражает изобразительная сила слова, данная поэту-художнику и художнику-поэту:

Вспорхнула красавица юная,

Только косы взметнулись крыльями!

...Прежних своих волос больше не отращу,

Как осенняя трава, они хрупки.

Когда она изредка касается интимных сторон любви, как касались их народные сказители-кайчи, она и тут остаётся верна своей манере – соединять высокое и низкое, духовное и материальное, повседневное и праздничное.

Любовь Арбачакова – двуязычный поэт, она прекрасно владеет и шорским, и русским словом и тем самым выводит культуру своего малого народа в широкое русло культуры России.

---

6. ТАТЬЯНА ЛЕОНИДОВНА БЕЛОКУРОВА

«На душе моей крестик лежит...». О сборнике стихотворений «Ах, вода – вода васильковая»¹

Сборник стихотворений Татьяны Белокуровой «Ах, вода – вода васильковая» – первый. Пока ещё. Уже написаны стихи, которые составят и второй.

Писать для неё – внутренняя потребность. Как сказал в своё время Булат Окуджава, «каждый пишет, как он слышит... как он дышит, так и пишет, не стараясь угодить... Так природа захотела»...

Среди множества сегодня пишущих у неё свой тихий, но собственный голос. Естественно, что главный объект выражения в лирике – это душа. И потому выразить душу своими незаёмными словами – очень трудно. Особенно если эта душа живая, движущаяся, меняющаяся.

У Тани она такая. И Бог или природа наделили её редкой способностью находить для выражения душевных состояний художественные поэтические образы, не повторяющиеся в её стихах, не застывшие, но всякий раз передающие неповторимость момента.

---

¹ Первая публикация статьи: «Кузнецкий рабочий». 14 февраля 2013 г.

Я считаю центральным среди этих образов такой:

Мне лет десять.

Деревня. Колодец.

И сразу

Эта женщина в синем.

Я к ней подхожу,

Эта русская неторопь,

полные ведра,

Коромысло, коса

и кресты на воде.

И – ни капли – на землю –

плавно и бодро,

Я такую не видела

больше нигде.

На душе моей крестик лежит

деревянный

Материнства, любви и долга.

Совсем простые незамысловатые строки, прозрачный образ, но какой глубокий подтекстовый смысл!

«Эта женщина в синем» – конечно, крестьянка, но она уже и символ – Богородица. «Кресты на ведре» – это деревянные крестики, которые кладутся в ведро, чтобы не расплескивалась вода; но крест – это и символ святости, и символ судьбы, от которой не уйдёшь (*как пишет Некрасов: «И буду свой крест до могилы нести...»*). И этот символ святости душевного труда на душе лирической героини – крест «материнства, любви и долга».

Заметьте ещё и такую, как сегодня говорят, «информацию», вы-раженную интонационно:

Эта русская неторопь, полные вёдра...

И – ни капли – на землю – плавно и бодро...

То есть легко, уверенно, энергично, но без суеты и спешки – и при этом, кстати, ни одного глагола! Такая смысловая насыщенность образа дорогого стоит.

И дальше и в сборнике, и в стихах, которые ещё сборника не составили, душевные состояния лирической героини будут находить выражение в образах простых, но вовсе не шаблонных и не надуманных, а органичных для переживаемого состояния и момента.

То это камни судьбы, которые «бьют по живому» и «всё больше

их день ото дня». В конце концов они составили «портрет из камешков» («Всю жизнь я собираю камни»).

То это поезд жизни:

**Поезд мчится. Вереницей –
то ль берёзы, то ли вёрсты –
день ко дню в судьбе ложится,
неприкаянной и пёстрой.
Словно летнюю поляну,
наблюдаю жизнь свою...**

(«Грустный-грустный день рождения»)

То душа поставлена перед выбором букета «из лилий, царственных особ, благоухавших тонко, нарочито, в хрустальной вазе... на белой скатерти» и «цветка укромного... в гранёной рюмке грубого стекла» и выбирает именно этот скромный цветок – «и этому вовек нет объяснения» («Букет из лилий, царственных особ»).

Тематический образ, избранный автором, обычно и составляет весь лирический сюжет стихотворения, но он всегда движется, развивается, и движение это завершается по своей внутренней логике, иногда совсем неожиданно:

**Свою любовь вы строили
как дом:
не на века, но просто и надёжно.
Теперь окольным узнаю путём:
вы расстаётесь.
Как же это можно?
Не греют стены. Холоден очаг.
И лучше разобрать по кирпичу.
И зажжена последняя свеча.
А он – живой, и шепчет: «Не хочу!»**

В полном соответствии с русской литературной традицией, в стихотворениях Татьяны Белокуровой душевное состояние лирической героини часто передаётся через психологический параллелизм состояния души и природы. Это традиционнейший приём, использования которого не избегает ни один лирик, и здесь особенно важно остаться органичным и верным своей стиливой манере.

В стихотворениях Тани выражение состояния души и состояния природы чаще всего не сопоставляются одно с другим, а взаимно

проникаемы, составляют единое целое, как в такой вот осенней акварели:

**Солнце на асфальте
нарисует нас.
У меня не будет
ни лица, ни глаз.
У тебя не будет
нежных-нежных губ.
Оттого решу я,
что рисунок груб:
Сложно, обнажённо,
трепетно, стыдливо
На душу ложатся
охры переливы.
Облака сквозь ветки,
Руки на коре.
Тёплая шершавость
в октябре.**

А вообще главная тема стихотворений сборника – это работа души, порождённая любовью, расставанием, радостью и горем, состраданием, переживанием одиночества – жизнью, одним словом.

Как очень точно подметила поэт Татьяна Николаева при обсуждении сборника, состояние души лирической героини Тани Белокуровой невероятно хрупкое, дышащее, всё сопротивление обстоятельствам идёт изнутри.

Вопросы типа: «Душа моя, где ты была, кому ты пела?» Утверждения: «Не забывай, я твой сосуд, живой и ломкий» и «А без тебя, душа, я тень, и пыль я» вне контекста могут показаться рисовкой, но подкупает какая-то запредельная, очень несовременная чистота и искренность, исповедальность стихов.

Излишнего пафоса, опасности появления налёта мученичества помогает избежать заметная в стихах лёгкая, но осязаемая самоирония.

**Над головой звезда
всю ночь дрожала.
Но удержалась.
До света на неё смотрела,
дышать не смела.**

**Что, если бы она упала?
Кого б не стало?
Душа на боль отозвалась
и из меня всю ночь рвалась...
А что Вселенная смеялась,
так это – малость.**

Или в таком вот стихотворении, выражающем совершенно драматическую жизненную и душевную ситуацию:

**В комочек, в позу эмбриона...
Я спрячусь в уголке дивана.
Беззвучно и без света.
Белая ворона.
Не изгнана, но и не звана.
Ты не войдёшь, не угадаешь: где я?
Тихонько не усадишь на колени,
не успокоишь, но всего большее,
что оправданье ищешь
своей душевной лени.
Всё старо как мир,
Не жди звонка
с моей очередной уловкой.
Где это видано, чтоб сыр
Бежал вприпрыжку вслед
за мышеловкой.**

Естественно, что душе, пребывающей в постоянном поиске, труде и сомнениях, нужна нравственная опора. И эта опора – Бог. Присутствие Бога в душе выражено не частым упоминанием имени Его, а общим гуманистическим звучанием стихов, чувствованием красоты мира, желанием верить в добро.

Стихотворения сборника вовсе не благостны, в них выразилась душа современной женщины, пережившей и любовь, и горечь утраты, её всяческие тяготы и заботы. Но душа, если по Заболоцкому, «работница и дочь», способная переболеть все свои боли и перетопить самые тяжкие камни, жива и полна веры в добро.

В заключение приведу одно из её лучших стихотворений – «Ангелу». Обратите ещё раз внимание на еле уловимую, но такую спасительную самоиронию.

Ты мой Светлый, мой Любимый.
Мой Хранитель светлокосый,
неотступный и незримый...
Крылья белы, ноги босы.
Ты во мне... я это знаю...
Очень редко – просто рядом.
Одинёшенька – одна я,
но ты светишься во взгляде.
И подходят... люди-люди...
Ждут, зовут, глядят – ласкают:
пред тобою, замирая,
очи долу опускают.
И смущаюсь, и стыжусь:
я такая же, земная,
грешница – мой Ангел знает
(Господи, на что гожусь?).
Светозарный... Свет... Светает.
Луг, Роса, Туман. И ты.
Снится мне, что я – летаю.
Ты – срываешь мне цветы.

**«Другая тишина». Предисловие ко второму сборнику
стихотворений Татьяны Белокуровой**

(Издательство «Серебро слов». г. Коломна, 2019 год)

Татьяна Белокурова подготовила к изданию второй сборник своих стихотворений. Первый – «Ах, вода-вода, васильковая» – вышел восемь лет назад, в 2011 году. Такой относительно большой промежуток между сборниками непрофессионального поэта, каким является Татьяна, говорит и о достаточной требовательности её к своим поэтическим исканиям, и об их неторопливости. Но непрофессиональный характер и неторопливость её творчества вовсе не говорят о том, что стихи её «не пишутся – случаются». Над стихотворениями она работает вдумчиво и сосредоточенно, поиск слова для неё – постоянный процесс, да и тематику абсолютного большинства её стихотворений случайной не назовёшь.

Общая и основная тема её стихотворений – жизнь человеческой души, и в особенности – души женской. В пределах этой общей темы внутренние лирические конфликты в стихотворениях – разные. Они порождены душевными состояниями и переживаниями, с любовным разочарованием, тоской, радостью и грустью от общения с природой, радостями и заботами уже даже не матери, а бабушки, сознанием присутствия божественного начала в жизни человека.

Широк разброс отражения душевных состояний лирической героини в стихотворениях сборника, а общая тема, как я уже сказал, – жизнь женской души. Мне уже приходилось говорить в краткой рецензии на первый сборник стихотворений Татьяны Белокуровой об удачно найденном ею ключевом образе, характеризующем её творчество: деревенская русская женщина несёт на коромысле полные вёдра с водой, прикрытые деревянными крестиками. Так и на душе её героини «крестик лежит деревянный материнства, любви и долга». Такова лирическая героиня стихотворения, да и всего творчества Татьяны.

Хотя сама поэтесса в этом сборнике какого-то тематического принципа в расположении стихотворений и не наметила, тематика эта при внимательном чтении просматривается. И первой видится тема судьбы, выпадающей на долю всякого человека, а отправным в ней – стихотворение «Всю жизнь я собираю камни» (по первой строке). Здесь встаёт образ Человеческого облика, слагающегося из камней судьбы, «бьющих по живому». И закономерно, что из глубин этого обречённого на страдания создания, «как волны, накатила нежность, портрет из камешков омыв». Нечто подобное по сути своей происходит в судьбе героини и в стихотворениях «Путь», «Есть эхо у судьбы», «Глоток воздуха» и других.

Другая тематическая линия, которая вполне может считаться и первой, – центральная для всякой женщины тема любви. Любовь для лирической героини, в полном соответствии с традицией русской классики, подразумевает слияние духовного и телесного начал. Утверждение этого, как появилось у автора ещё в лучшем из ранних стихотворений «Пигмалиону», опубликованном в первом её сборнике, проходит и в стихотворениях этого сборника.

Что ещё очень важно в стихотворениях данной линии – утверждение внутренней диалектики этого чувства. Оно ведёт и к одиночеству, потерянности, строгому суду над собой, и к познанию себя и любимого человека, к познанию законов, которыми живёт любящая

душа. Знаменательно, что душевные искания для героини находятся на абсолютно первом месте («Ах, кабы дело было в мужике!»).

Очень значимым представляется мотив соединённости души и мира, Божественного и земного в жизни. Особенно легко и изящно этот мотив выразился в стихотворении «Ангелу». Он звучит и в стихотворениях «Сон», «Эдем», «Первое воскресение» и других.

СОН

А я плыву на белом дирижабле...

**Сияют купола со мною вровень,
но это мне как будто бы не внове.**

Объята тишиной –

меня не провожали...

**Не это странно, и вопрос не в этом,
что зависаю между тьмой и светом,
и купола, лишь руку протяни,
и крест, как перст, и колокол звенит,
и я, земная... Хрупкая опора –
и разум, и уставшая душа.**

Судьба опять показывает норов.

**И часто-часто хочется дышать,
и отрешенно диву дивоваться.**

Пусть колокол неистово гудит.

Дай, Боже, крылья! Некуда деваться!

Глаза в глаза вселенная глядит.

Важна и тема поэтического самоопределения, которую автор сборника чувствует и выражает как непрерывное противоборство в душе суетного, преходящего, материального – и высокого. Завершается это противоборство победой высокого: «Нет женщины, но жив поэт». (Стихотворения «Преодоление», «Неизданная книга», «Живая иллюзия», «Свободна!»)

Знаком возросшей духовной зрелости автора является и появление в сборнике стихотворений, в которых она отходит от выражения только состояний собственной души, а обращается к темам уже философского характера. Таковы, например, стихотворения «Букет из лилий...», «Окно», в которых вечное противоречие видимости и сущности выражено и в явлениях жизни, и в людях. А такие стихотворе-

ния, как «Синусоида», «Персидский ковёр», – это уже образцы настоящей философской лирики.

ПЕРСИДСКИЙ КОВЁР¹

**Я с душой о душе расскажу –
может, реквием ей закажу –
не позволю ни слова худого,
хоть мерещатся всюду подковы
златогривых, но диких коней,
бьющих дружно по ней. По ней.
Словно брошенный в пыль ковёр,
чтоб споткнулся и ноги отёр
всяк. Богаты ли, или бедны –
перед Богом мы все равны.
И судьба – лоскуток прекрасный,
где до времени стёрты краски,
где прилипчива будней грязь,
дорогую скрывает вязь,
оттого что неисповедимы
все земные пути и едины.
Свой у каждого горный ручей
леденящих иль мудрых речей,
потрясающих до основы:
вот преддверие жизни новой.
Доверяя божественной сути,
укрепись. И в душевной смуте,
постигая законы вечности,
не забудь о простой человечности.**

В сборнике нет стихотворений социальной тематики. Но это не упрёк автору. То, о чём она говорит и размышляет, – неисчерпаемо само по себе. А вот то, чего, слава Богу, нет, – это совсем нет описательности, избытка слов, лишённых подтекста. Нет монотонности в

---

¹ Мастер, завершив изготовление ковра, несёт его на дорогу и бросает в людном месте в пыль, чтобы ковёр топтало как можно более ног: людей, животных. После такой «обработки» ковёр отмывают в горном ручье. И тогда он готов.

звучании стихов, нет однообразия ритмического рисунка, и – самое главное – нет примитивизма, легковесности в содержании.

Хочу выразить уверенность, что стихотворения Татьяны Белокуровой найдут своего читателя.

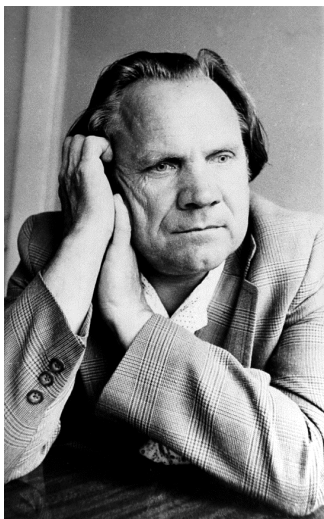

*А. С. Сазыкин и Т. Л. Белокурова
(14 февраля 2013 г.)*

---

7. АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ЯБРОВ

«Виновата ли я?..»

Роман Анатолия Яброва «Паду к ногам твоим»

Это роман о женщине, женской судьбе. Время его действия – от начала 30-х до начала 60-х годов прошедшего XX века. Место главного действия – Кузнецкстрой, строительство будущего металлургического гиганта, трижды орденосного Кузнецкого металлургического комбината и города Новокузнецка, тогда Сталинска. Время и место напряжённого, тяжкого, героического труда, неоднократно изображённого и воспетого. И всё-таки главная героиня в романе – простая женщина. Смело со стороны автора, рискованно и очень интересно.

Женщина она далеко не совсем обыкновенная. Молодая, обольстительная – с прекрасными пышными волосами, пахнущими липовым цветом, с ясными тёмными глазами, с чарующим волшебным сильным голосом. Такие рождаются для счастья и радости, для большой любви, которая, как в сказке, заставляет забыть всё на свете и идти за этими глазами, за этим голосом, за любовью на край света. А она, чаровница, знает свою силу и неодолимую привлекательность и оттого так уверенно и победительно смотрит на жизнь, на людей: ну, можно ли не любить её, вот такую, можно ли ею не восхищаться...

К тому же и звать её Ева (Евлания, Евланыюшка, как она себя называет), и главный герой, Рафаэль Хазаров, думая о ней, вспоминает строчку из стихотворения великого Гёте: «Опять со мной! Со мной! О, боги! Чем заслужил я рай земной...» А ведь именно Гёте ввёл в обиход мировой литературы это понятие: «Das Ewig-Weibliche» – «Вечная женственность». Иначе говоря, перед нами не просто единичный женский характер и судьба, а образ, претендующий на высокую степень обобщения.

Необычен не только характер и судьба героини, но и принцип построения этого романа. Автор на полную силу использует категорию свободного художественного времени в романе. Это художественное время, с одной стороны, подобно свёртывающейся спирали: героиня в первых главах представлена в последнем периоде своей жизни, хотя это ещё не итог её судьбы, а потом автор обращается к началу её пути и проходит его весь последовательно до конца. Но это не линейный путь, а в соответствии с законом свободы и прерывности художественного времени, героиня предстаёт в отдельные, наиболее знаковые моменты своей жизни, как это нужно автору для полного раскрытия её личности. Такой принцип построения, конечно, требует внимательного чтения, но зато эффективен и динамичен.

Нельзя не сказать добрых слов и о языке романа. Это язык очень живой, органичный для времени и героев, непринуждённый, лишённый всяких канцеляризмов и репортажности. Поговорки и присказки, казалось бы, совершенно бытовые и непритязательные, окрашивают и авторскую речь, и речь персонажей, в нужной мере её индивидуализируя. «Мы не под дождём – подождём»; «Уплыли годушки, как подушки»; «Грехи – не пироги, пережевав, не проглотишь»; «Вот и взяли Фоку и сзади, и сбоку»; «На этом свете не устанешь, дак на том не отдохнёшь»; «Почиваешь в тосках на голых досках»; «Женский норов и на свинье не объедешь»; «Умирать – не в помирашки играть» и т.п.

Также полна подтекстового смысла и система художественных образов романа. Составлена она, естественно, более всего из мужчин, влюблённых в Евланию, или так или иначе связанных с её жизнью.

Сквозной образ, через весь роман проходящий, – это образ сына её, ребёнка, подростка, взрослого человека. Волей автора он представит и как родной её сын Сёмушка, и как приёмный, не узнавший ею, Сенечка, и как наконец-то узнавший отец её внучат, судья всей её жизни.

Главный мужчина её жизни – Рафаэль Хазаров (Раф, дядя Форель). Широко образованный молодой коммунист, интернационалист, работавший по заданию партии в Берлине, в союзе немецкой молодёжи до прихода к власти Гитлера. Потом возвращается в Союз и получает назначение парторгом ЦК партии на Кузнецкстрой. *(Несомненный прототип первого парторга ЦК на Кузнецкстрое Хитарова, чьим именем сейчас названа улица в Новокузнецке. Был репрессирован, как и начальник стройки Франкфурт.)*

Хазаров – красавец, умница, пламенный коммунист, человек высокой идеи и морали. Раф и Ева влюблены друг в друга, но пока он где-то в Германии борется за счастье человечества, как она знает, тётя (мать оставила семью ещё в её детстве) советует ей не ждать журавля в небе, а брать в руки синицу – выходить замуж за начинающего поэта Григория Пыжова. Что она и делает, и рождает сына Сёмушку.

Григорий – молодой человек с только что становящимся характером, не уверенный ни в себе, ни в творчестве, не знающий людей и жизнь, но бесконечно, до полного самозабвения влюблённый в Еву. Она всю жизнь будет относиться к нему свысока и даже презрительно.

Другим мужем станет сводный брат Григория – Алексей Копытов, в молодости атлетически сложенный парень, с открытой, доброй и благородной душой, тоже искренно и горячо полюбивший Евланию. Во время войны он станет настоящим героем-шахтёром, награждённым тремя орденами Ленина и двумя – Трудового Красного знамени. Бригадир, бесконечно уважаемый шахтёрами, соседями, вообще людьми. Именно он найдёт Сёмушку, оставленного Евой на попечение деда, отца Григория, и оказавшегося в колонии для малолетних преступников. Алексей приведёт его домой под именем приёмного сына Сенечки.

Ева за Алексеем – как за каменной стеной. Но он подорвёт своё здоровье в шахте, и она полна лицемерно скрываемого презрения к нему, хорошо видимого сыном.

Очень интересен образ кума Андреича, соседа по дому, где они живут с Алексеем и Сенечкой. По роду занятий он кладовщик на каком-то из подразделений комбината. Внешне вполне добропорядочный сосед, доброжелательный и внимательный. Семья – дети, жена, хотя скандальная и ревнивая, но вполне по нему. А по сути характера, сосед – полная пара Еве – лицемерный, жадный, подловатый, до последней степени эгоистичный. На неё он смотрит с нескрываемым

плотским вожделением, чем и вызвана ревность жены. Самое мощное проявление его характера у автора – это мир вещей, которые его окружают. Всю жизнь он тащит из склада, которым заведует, и прячет в своих схронах. И вдруг пожар – верное средство в жизни и в литературе сделать тайное явным. (Одну из своих повестей Валентин Распутин так и назвал.)

Кум Андреич много наворовал бензину, и тот рванул. Кум сбегает от ответа на вокзал, чтобы уехать куда-то, где его не знают и не найдут. И на вокзале встречает Евланию, которая собирается ехать туда, где, ей сказали, живёт теперь Сенечка, ставший уже не просто директором шахты, а главным инженером угольного главка.

Кум Андреич, видя её отчаяние и сознавая своё, говорит ей, что они же по сути характеров и жизненным идеалам совершенная родня, он её любит, припрятал денег, они уедут в Якутию... «Мы же сольёмся в единый узел!»

Но она прекрасно понимает его эгоистическую хищную натуру, сама такая, и отвергает его предложение: «Крот ты земляной. Тебе б нору, да подлинней, да потемней. Ни удали в тебе, ни стати. А я света хочу».

После гибели Алексея к ней, как мухи на мёд, начнут слетаться всякие «сваты». Евланыюшка цинично, открыто и расчётливо торгуется с ними за своё тело и красоту и никак достойного не обнаруживает. Она пока ещё вполне уверена в себе; и выбирает между ними, и играет в хозяйку, в царицу: «Захочу – и ножки мыть будут».

А найдутся и такие, что берут её силой и наглостью. Таким она и сопротивляться не в силах, и капризничать и лицемерить не может. Таков Егор Садинкин, притворяющийся «героем войны», а ещё хлыщ Гнат Васюк – отсидевший в лагере бандеровец. Гнат просто внесёт её на руках в избу и «...на постель, умело надавит на какую-то жилку на шее», а потом просто скажет: «Жить будемо»... И шесть лет она будет ублажать его и работать по дому, не смея ни на что возразить.

А ещё до этого, после Кузнецкстроя, будет и сожитель, потом муж, американский переводчик Фильдинг. Его она покорит, когда будет по его приглашению петь в клубе для иностранных специалистов (было такое привилегированное заведение на Верхней колонии, за комбинатом, – не только в романе, а и в реальности Кузнецкстроя). Это он в драке с Григорием из-за Евлании невзначай убьёт деда, отца Григория, на попечении которого и жил Сёмушка...

Сёмушка – Сенечка – сквозной персонаж в системе образов мужчин. Он и ребёнком живой свидетель жизни матери. Что ответит он на её вопрос: «Кого ты больше любишь – папу или дядю Фореля?» (так зовёт он Рафа)... Ребёнок и то почувствует всю бестактность такого вопроса и скажет: «Ты нас не любишь, а любишь чужих дяденьков»... И потом, когда будет подростком жить у неё как приёмный сын Сенечка, он сбежит от неё, потрясённый открывшейся подлостью и её жестокостью после гибели Алексея. Закончит ФЗУ, станет шахтёром, получит высшее образование, станет директором шахты, главным инженером угольного главка... Он будет завершать её романную судьбу.

Обратимся к главной героине романа. Характер её, конечно, раскрывается в поступках, в действиях. Но и ещё один способ, очень интересный и эффективный, употребляет автор. Это на протяжении всего романа её внутренние монологи в форме причитаний. Такие всегда искренние и непритязательные, импульсивные, неподготовленные и правдивые, жалобные... Но вся мера фальши и притворства как главного качества её характера – в них.

Вот один из первых:

«Злые люди... Колючие... Какие у Евланышки претензии? Птичка я бессловесная, бескрылая. Отсияли, отпали мои крылышки. Не вспорхну, не взмою я в голубое небушко. Не прилечу я к дружку милому. Не услышу я ласки искренней. Ни утром на заре, ни вечером. Закатывается солнышко. Едят меня комары лютые»...

Очень интересный приём. Вроде бы по форме – народное причитание, искренний голос души. А по сути – изощрённая попытка обмана и себя, и других, сокрытие своей лживой, эгоистичной и подлой сущности. Весь роман этим пронизан.

Композиционный и смысловой центр романа – это, без сомнения, главы, содержащие изображение строительства комбината и города. Рафаэль Хазаров едет на место своего нового назначения и берёт с собой Григория, Еву, Сёмушку. Он увлечён ею, но твёрдо знает, что никакого адюльтера не будет. Он так же твёрдо уверен, что ей будет только полезно «повариться в рабочем котле», она там найдёт себя, как и Григорий.

Сцена прибытия поезда на вокзал в Кузнецк – одна из самых ярких в романе. Правдиво и точно нарисованная панорама стройки, вдали ещё ничем не прикрытая Томь, старинная крепость на другом берегу,

многолюдство, возгласы, призывающие в одном месте собираться каменщикам, в другом плотникам, в третьем землекопам. Волнение Хазарова, призванного не просто влиться в этот муравейник, а стать тут одним из самых нужных звеньев. И Ева с её уверенностью, что здесь-то она станет ему нужной, просто необходимой: она завоюет его, чего бы это ни стоило. Она готова и переодеться в грубую рабочую одежду, и стать комсоргом на одном из участков стройки, и ставить на этом участке рекорды выработки, проводя на участке дни и ночи... Она будет петь для людей, вызывая к себе искреннюю симпатию и доверие...

Какие открываются возможности для её духовного перерождения, в чём уверен был Хазаров! И дело даже не в том, что она его по-прежнему и даже больше любит – караулит каждую минуту встречи с ним, старается попасться ему на глаза. Она не один раз прямо говорит ему о желании быть с ним и только с ним. Но при этом, в отличие от него, она ещё не любит ни этих людей, ни стройку, ни эти планы и цели, ни эти идеи. По видимости – она в одном строю с теми, ради кого и ради чего живёт Рафаэль Хазаров, а по сути, как и всегда была и будет – самовлюблённый эгоцентрик. И её причитания, и поступки явственно об этом говорят.

Она и потом будет ненавидеть шахту, трудовые подвиги Алексея, будет клясть его за то, что он, даже как герой-шахтёр оставшись в тылу, не захочет тихо «пристроиться» в укромном местечке, подобно куму Андреичу, а будет много и тяжело работать, да ещё и людей будет любить, спасать их, заботиться, забывая о себе.

Она никогда не любила никого. Даже ребёнок станет помехой в погоне за Хазаровым, а как приёмный сын, ставши бесплатным работником, будет доставлять только хлопоты и неудобства. Даже Алексей, горячо её любящий, будет нужен ей более всего как источник высокой зарплаты, защиты от невзгод и бедствий и во время войны, и вообще в трудной жизни, вплоть до того, что когда ей лень что-то делать и она прикидывается больной, он делает всё.

Когда Алексей, смертельно травмированный перегруженной тележкой, которую не смог удержать из-за больной ноги, будет принесён домой, она даже на кровать его не положит.

Кстати, описание её кровати – это ещё один авторский художественный приём, заставляющий вспомнить Гоголя с его миром вещей, характеризующих героев «Мёртвых душ».

Вот оно:

«Спаленку занимала кровать. У Евланыюшки она была убрана постарому. Кровать – барыня. Пышная, разряженная. Гобеленовое покрывало и подзор с затейливой кружевной поднизью. Подушки в изголовье, подушки в подножье. На их околах, пухлых, словно налитых соком, полыхали алые маки, вышитые крестом. Казалось, Евланыюшка убрала кровать ещё в девичестве. Но так никто и не пришёл, не помял, не сорвал жаркие цветы... И томилось всё в ожидании».

Ну, чем не портрет – характеристика хозяйки и её души, хотя и косвенный.

Да, любит она Хазарова... Как свою желанную, мечтаемую собственность, которая подтвердит её исключительность, превосходство над другими. Этот её эгоцентризм, конечно, будет замечен на стройке и Хазаровым, и людьми, проявит себя, породит конфликты, приведёт к отъезду оттуда. Когда же она однажды на южном курорте, куда отправит её Алексей, увидит Хазарова с женщиной, которую она ревновала ещё на стройке, она, желая отомстить, напишет на него клеветнический политический донос в НКВД.

Ещё раз подчеркну, что всё это под аккомпанемент причитаний, произносимых про себя и о себе по любому поводу, где только нужно себя оправдать, обелить, сослаться на человеческое равнодушие, жестокость, подлость и т.п.

Завершая свёртывающуюся спираль времени, основной композиционный приём в романе, автор снова приведёт её в романский Святогорск (Сталинск), в дом, где живёт Григорий, полковник в отставке, в разговоре с ним выяснится, что многое она поймёт, но далеко не всё.

Замечательно завершает её судьбу состоявшаяся наконец-то встреча с сыном.

Почти полромана она, страдающая, ищет его, расспрашивает о нём, встречи хочет и боится, стыдится и на что-то надеется.

Несколько вечеров сидит на скамейке у его дома, видит проходящего с портфелем усталого человека, сына. Он заметил её давно, и как-то скажет: «Что, мать? В гости решила? Проходи». И при входе в квартиру: «Встречайте, дети, бабушку».

И нечего ей сказать ни сыну, ни внукам.

Одно из последних её причитаний не выявит в ней ни покаяния, ни прозрения, ни жалости к людям, даже к тем, чьей прямой или косвенной виновницей гибели она станет.

«Я жива-то живёхонька, – ликовала душа. – Да никакой дальней дороженьки-и-и! Никто меня не убил, не порани-ил! Вот я, галочка воронёная! И вот моя дороженька да в свой закуток... Ой ты, белый свет! С солнцем жарки-им, и ветром струйны-им... Необъятный свет, неизбывны-ий. Я иного света не хочу, ты мне родны-ий. Я и ветер, я и солнышко. Вместе радости-и, вместе злобушка. Приласкай же меня, белый свет родной...»

В самом начале романа тётя Уля, обряжая её на замужество, скажет: «Ты – актёрка, а суженый, тебе богом данный, – зритель».

И когда она в каком-то внутреннем смятении «не в силах ничего сказать» выбегает на улицу, припадает к подножию памятника Хазарову – на том и завершается её путь.

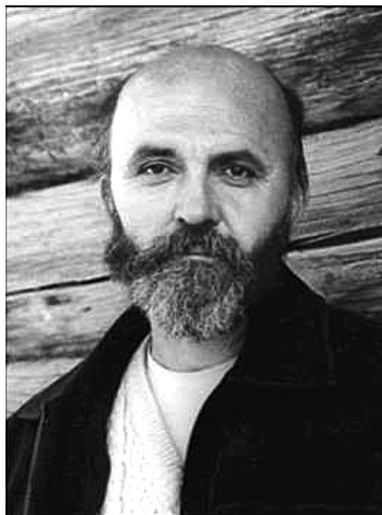
К носилкам, на которые её положили, подходит девушка и говорит: «Ой, какая благородица! Актриса, да?». Григорий заключает: «Актриса, каких мало. Редкого таланта».

В романе есть кое-какие натянутости и недостатки, рождённые тем, что написан он был в эпоху диктата принципов соцреализма. К тому же, тогда это был первый роман молодого автора. Но роман живой, динамичный, очень искренний по чувству, для своего времени даже вызывающий. Проблема в нём поставлена и социальная, и философская одновременно – проблема разрушения личности, эгоизмом и себялюбием отделившейся от людей. Она актуальна в любые времена, а сейчас – в эпоху разобщения людей, растущего потребительства и себялюбия, превосходства телесного над духовным, неуёмной погони за деньгами – в особенности.

---

8. НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЗИНОВЬЕВ

«...И Бог заплакал вместе с ним». Современная Россия в поэзии Николая Зиновьева¹

**В степи, покрытой пылью брэнной,
Сидел и плакал человек,
А мимо шёл Творец Вселенной.
Остановившись, он изрек:
«Я друг униженных и бедных,
Я всех убогих берегу.
Я знаю много слов заветных.
Я есмь твой Бог. Я всё могу.
Меня печалит вид твой грустный –
Какой нуждою ты тесним?
И человек сказал: «Я русский».
И Бог заплакал вместе с ним.**

---

¹ Первая публикация статьи: «Кузнецкий рабочий». 14 августа 2020 г.

Согласитесь, какой мощный подтекст встаёт за этим поворотом лирического сюжета: «Я – русский». – И Бог заплакал вместе с ним»...

Подтекст исторический, социальный, экономический, нравственный – сугубо современный геополитический, наконец. Как много есть что сказать любому думающему, чувствующему русскому человеку, чем томима его душа при мысли о Родине, России.

Один такой человек уже 30 лет пишет стихи о Родине, русском человеке. В 2020 году ему исполнилось 60 лет, он издал уже 19 сборников своих стихотворений, ни один из которых не залежался на полках книжных магазинов, их там вообще нет. Но об его юбилее ни радио, ни телевидение не произнесли ни слова. В самом деле, с чего бы это вдруг телевизионный канал Константина Львовича Эрнста с его самым популярным вещателем Максимом Галкиным занялся пропагандой русской литературы? Дикость какая-то...

Поэт этот – Николай Александрович Зиновьев, 1960 года рождения, уроженец станицы Кореновской (сейчас – город Кореновск) Краснодарского края. Отец – рабочий, мать – учительница начальных классов. Учился в ПТУ, станкостроительном техникуме, окончил филологический факультет Кубанского государственного университета, работал грузчиком, бетонщиком, сварщиком.

Стихи писать начал с 1982 года.

В 1993 году был принят в Союз писателей России.

С 2009 г. – член правления Союза писателей России.

Обладатель целого ряда литературных премий, но большая часть его стихотворных сборников издана на средства поклонников его творчества.

Здесь стоит немного прояснить нашему читателю. Никаких запретов на литературное творчество и на издание написанного у нас в стране нет. Но и государственной поддержки тоже нет. Есть очень настойчивое и умело организованное блокирование литературы и вытеснение её из массового сознания и образования. Государство, вернее, либеральное правительство, демонстративно отряхнуло от ног своих всякую заботу и всякое внимание к литературе под предлогом якобы борьбы с идеологией. Хотя насаждаемая власть «рынка» и прибыль как высшая цель бытия – это ещё более наглая и назойливая идеология.

Информационное блокирование литературы осуществляется интернетовской «паутиной», или «сетью» (какие точные словечки!), ба-

зирующей в основном на Западе, а вытеснение пошло прямо из основного, первичного звена – из школы. Литература выведена из числа основных, обязательных предметов. «Освободили» школьников от чтения, т. е. от развития и от всякого труда и ума, и души.

Очень хитрый ход, позволяющий всю эксплуатацию человеческую лень и склонность к праздности, подсунув богатейшую теле-развлекаловку и пустословие. Пустоголовым народом гораздо легче манипулировать.

Возможность публиковать всякие низкопробные сочинения любому желающему в интернете и самиздате привела к общему снижению уровня литературы и дальнейшему падению интереса к ней. На конкурсах и презентациях побеждает чаще всего то, что лучше продаётся, это и определяет издательскую политику. Многие уже и руки потирают в предвкушении самоуничтожения литературы в век айфонов и гаджетов.

На этом фоне очень показателен и значим успех подлинной литературы и особенно поэзии, потому что человеческое стремление к познанию себя и мира, к самовыражению в художественном слове – неуничтожимы.

Читательский успех творчества Николая Зиновьева – тому подтверждение. Его издают и читают те, кто ценит внутреннюю жизнь человеческой души, кто выше всего ставит божеское, духовное начало в жизни и в человеке.

Сказать, что поэт – абсолютно верующий человек, будет правильно, но совсем не достаточно.

Сегодня ходить в церковь и стоять со свечкой в руках – вовсе не выражение искренней веры. Стоят чиновники всех рангов, стоят бизнесмены и прочие «энергичные люди». Стоят те, кто задумывал и осуществлял пенсионную и другие «реформы», кто проводит «оптимизацию» здравоохранения и образования, кто набрасывает удавку на шею русской деревне, кто распродаёт природные богатства России «распивочно и на вынос» и прячет деньги в оффшорах, кто держит одинаковый размер налогов для кучки миллиардеров и миллионов бедняков.

Стоят, потому что это модно.

Как и для многих пишущих, это тоже открывшаяся модная тема.

Поэт справедливо замечает:

Вот сменила эпоху эпоха.
Что же в этом печальней всего?
Раньше тайно мы верили в Бога.
Нынче тайно не верим в Него.

...Ужасная эпоха!
За храмом строим храм.
Твердим, что верим в Бога.
Но Он не верит нам.

Для поэта вера – это любовь, милосердие и сострадание к людям, особенно к бедным, простым и беззащитным, к жертвам тех самых «жестоких обстоятельств», за которыми все равно стоят люди.

Меня учили: «Люди – братья,
И ты им верь всегда, везде».
Я вскинул руки для объятия –
И оказался на кресте.
Но с этих пор об этом чуде
Стараюсь всё-таки забыть.
Ведь как ни злы, ни лживы люди,
Мне больше некого любить.

НА ВОКЗАЛЕ

«Будь хоть что,
а жизнь прекрасна!» –
(А вокруг шумел вокзал).
Эту фразу пьяный, грязный,
Засыпая, бомж сказал.
Я решил съязвить: «Неужто?»
Он откашлялся в кулак
И ответил: «Потому что
Богом задана, дурак».

* * *

Первые сединки в волосах.
Тонкие чулки в такую стужу.
Брови словно нитки. А в глазах –
Ничего, похожего на душу.
И стоит, румянами горя,

**«Сука привокзальная», «Катюха»,
«Катька-полстакана», «Катька-шлюха».**

Катя... Одноклассница моя.

Вот эти вызывающие строки – и ни сострадание, и ни циничную усмешку, и ни упрёк поэта в сумасшедшинке (в зависимости от присутствия или отсутствия Бога в душе) – выражают нравственную позицию поэта:

**Герой мой пахнет чесноком
И перегаром. О таком
Вы даже слышать не хотите?
Я не неволю вас. Идите...
Идите по своим делам.
Куда хотите. Но не в храм.
Не лицемерьте перед Богом.**

Читатель наверняка уже заметил, что стихи Николая Зиновьева исполнены мысли и нравственного чувства. Они очень остры, но не обличительны. Сегодня обличителей, якобы владеющих истиной в последней инстанции, много. Поэт в стихах размышляет. И ещё – они очень кратки.

По этому поводу Зиновьев пишет:

**Чем себя я обнаружу
Как поэта? Не таю:
Я за словом лезу в душу,
Но не в чью-то, а в свою.
Это больно, очень больно,
Как свои считать грехи.
И поэтому невольно
Коротки мои стихи.**

Именно в этом ключе, в этой тональности и звучат его стихотворения, обращённые к другим темам.

Интересна и плодотворна ещё одна особенность его творческой манеры: стихи его не назидательны и не декларативны, они диалектичны. Как жизнь, которая соединяет в себе высокое и низкое, прозу и поэзию бытия – самые, казалось бы, несовместимые начала. Поэзия, в частности творчество нашего автора, ей сродни.

Легко догадаться, что следующая тема и боль, пронизывающая его поэзию, – это тема Родины, России.

Тема эта, как никакая другая, восходит к традициям русской литературной классики и ими определяется. Сама любовь к родине идёт не от ума человека, не от каких-то объяснимых причин, а от необъяснимого душевного состояния:

**Я люблю эти старые хаты
С вечно ржавой пилой под стрехой,
Этот мох на крылечках горбатых...
Так и тянет прижаться щекой.
Этих старых церквей полукружья
И калеку на грязном снегу.
До рыданий люблю, до удушья.
А за что – объяснить не могу.**

Это же «но я люблю за что, не знаю сам» выражали и Лермонтов, и Некрасов, и Тютчев, и Блок – это отправная точка отношения к родной земле русского человека.

Как человек советский, Зиновьев привносит в это чувство и горькое сожаление об утрате той Родины, что успела сформироваться в сознании советских людей.

**У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.
Я глажу горы, глажу реки.
Касаюсь пальцами морей,
Как будто закрываю веки
Несчастной Родине моей.**

**...И сильнее, чем прадед и дед,
Я люблю свою малую Родину,
Потому что большой уже нет.**

Написано это было в годы и по следам так называемой «перестройки», но и все последующие события нашей новой истории вызывали в сознании и творчестве поэта не менее горькие чувства, так не вяжущиеся с официальной пропагандой и благостными телевизионными картинками. И потому совершенно органично в тему родины включается тема судьбы – и чьей-то личной, и общей русской.

Здесь можно бы возразить, что судьбы вообще у людей по-разному складываются, есть и совершенно благополучные, и можно бы так

горько и грустно не обобщать. Но душа поэта потрясена тем, о чём не надо молчать и что не надо сглаживать.

СУДЬБА

**Муж погиб в Афганистане.
Сын – в Чечне на поле брани.
И остался в этой мгле
Жутким, сумеречным светом,
Вместе с нею в мире этом
Внук, сидящий на игле.**

Зиновьев совершенно закономерно обращается мыслью к своим великим литературным предшественникам, жившим и мучившимся этим же чувством Родины: к Некрасову и Тютчеву, к Блоку и Есенину – включает в стих их строки, берёт как эпитафии, и полемически отталкивается от них, тем самым сохраняя цепь времени и внося в стих новые оттенки смысла.

«О, Русь, жена моя!»

А. Блок

**Я не скажу тебе: «Жена».
Я говорю: «Мне лик твой жуток,
Страна Рублёва, Шукшина
И восьмилетних проституток!»
Стакан прирос к твоей руке,
И лучшим чувствам нет работы.
И гаснет с зомом вдалеке
Вопрос: «Россия, кто ты? Кто ты?»**

Чувствует поэт и те силы, которые, живя вольготно в своей стране, полны к ней барского презрения, занимая нескрываемую русофобскую позицию:

**В окно кричит Ивану враг,
Посланник верный ада:
«Лежи, Иван, смотри в экран.
Ведь вы одно: ты и диван, –
Вставать тебе не надо»...**

**«Потом с дивана сразу в гроб –
Судьба, Иван, твоя», –
С экрана вторит русофоб,
Охрипший от вранья.**

Раздумья поэта о судьбе Родины и простого человека в ней горьки и выражены и остро, и глубоко, без публицистического (часто поверхностного) налёта. В самом деле, абсолютное большинство простых людей живут тяжело и в материальном, и в душевном плане. Если бы не реальная власть кучки миллиардеров и чиновной верхушки, была бы хоть какая-то надежда и перспектива. Однако поэт видит будущее не в бунтах и переворотах, он все равно верит в силу народного, христианского духа.

Вот два стихотворения, казалось бы, полярные по смыслу, но взятые вместе, они и выражают состояние души поэта.

РОССИЯ

**Я вижу женщину, на ней
Пылает платье на ветру.
Она бежит, бежит к пруду –
Вот образ Родины моей.
Боль передать нельзя словесно,
Кто чиркнул спичкой – не известно.
И мысль, сводящая с ума:
«А может быть, она сама?»**

И второе:

**А я на ум не претендую,
Когда гляжу, разинув рот,
Как и глухую, и слепую
Бабулю внук во храм ведёт.
Хоть каждый день я вижу это,
Но строчка русского поэта
Опять приходит, и опять:
«Умом Россию не понять».**

В свете сказанного очень интересным становится вопрос: «А как смотрит поэт на отношения народа и власти?». В тех немногих рецензиях на стихи поэта, что мне приходилось читать, их авторы не говорят

на эту тему. Между тем есть все основания считать, что Николай Зиновьев выражает в своих стихотворениях именно народное мнение. Оно может и очень неприятно, но не замечать его, уходить от него никак не следует.

Трудно не согласиться, например, с таким суждением поэта, выраженным, как всегда предельно кратко:

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЗАНАВЕС

Рухнул занавес. И что же?

И решили господа,

Пропадать ему негоже:

Эй, подать его сюда!

Протащили по болотам –

Тяжеленный паразит...

Между властью и народом

Он теперь у нас висит.

Нам, живущим в Кузбассе, за примерами далеко бежать не надо. Кипит схватка за избавление прекрасной природы нашей и людей, здесь живущих, от наглого произвола богатого жулья, губящего огромную территорию угольными разрезами. Волнуется и протестует народ – и кто это слышит и как реагирует?

Точен и поэтический отклик на событие, затронувшее уже миллионы людей – самый надёжный, золотой фонд «электората»:

О, эти нищенские пенсии

Старух и дряхлых стариков.

Их накормить стремятся песнями

Бесстыдных шоу-пошляков.

Какое подлое грабительство!

Что ни чиновник, то и плут.

Да русское ли ты, правительство?

Меня сомнения берут.

Что касается сомнения в «русскости» правительства, то оно совершенно обоснованно. Конечно, по паспортам все русские, но по духу и устремлениям своим, за исключением, может быть, двух-трёх министров, все одержимы западничеством.

О господах-бизнесменах и говорить не стоит – они русские только по месту обогащения и воровства.

Не зря же у поэта рождаются такие строки:

ОКНО В ЕВРОПУ

**Я жить так больше не хочу.
О, дайте мне топор, холопу,
И гвозди – я заколочу
Окно проклятое в Европу.
И ни к чему тут разговоры,
Ведь в окна лезят только воры.**

Горькая шутка, но в ней столь же горькая правда.

Что же касается «бесстыдных шоу-пошляков», то за этими словами стоит одно из самых гнусных явлений нашего телевидения. Ежедневно на центральных каналах в самое, как они выражаются «прайм-тайм», идёт полоскание грязного белья что в «Пусть говорят», что в «Сегодня вечером»... Сытые, наглые, самодовольные и бессовестные. Сколько тратится усилий и средств, чтобы увести людей вообще от размышлений и потрафлять самым низменным вкусам и их воспитывать! Не отстают от них и так называемые политические ток-шоу. Состязаются не те, кто кого переубедит силой мышления и аргументации, а кто кого перекричит.

О какой культуре мышления речь?

Есть у Зиновьева и на это шутовское стихотворение «Крест животворящий»:

**Спать ещё как будто рано.
Бабка смотрит в глубь экрана.
Там мужик ненастоящий
С грудью женскою – поёт.
Бабка крест животворящий
На него в сердцах кладёт.
Вспышка, визг, свиное рыло –
Тьмою всё на миг накрыло.
А когда зажётся свет –
Телевизора-то нет.
На подставке горстка пепла
Чуть дымится – ну, дела!
Бабка встала, чуть окрепла,
Пепел венником смела.**

Ну, а если не к шутке сводит разговор, то поэт в своей манере, коротко и поневоле жёстко, говорит, обращаясь к «собратьям по перу»:

**Пиши о поле и о лесе,
Где тени друг о друга трутся.
О демократии, прогрессе
Давно и всем пора заткнуться.**

Столь же краток и точен поэт, когда говорит о «мнении народном», которым, если помните, ещё великий Пушкин считал – «сильны мы мнением народным». У него в финале «Бориса Годунова» – «народ безмолвствует». У нас пока тоже.

Но поэт выражает это так:
**«Права человека! Свобода!» –
Ещё продолжают кричать
С экрана. Но мненье народа
Печатно нельзя передать.**

В заключение хочу подчеркнуть, что, видя трезвым взглядом, как мы живём, поэт не зовёт ни к смутам, ни к протестам, во что так охотно многие играют. Он взывает к человеческой совести, добру и состраданию, он надеется на верность божьей воле и милосердию:

**Отрыв от веры, верности и чести,
От света милосердья и любви
Всех приведёт к последнему из бедствий:
Мы просто перестанем быть людьми.**

Стихотворения Николая Зиновьева, вызвавшие написание этой статьи, были созданы им в основном в годы 2010 – 2012 и 2013 – 2015. Более поздних в сборниках поэта пока нет, но они написаны, и вот что их характеризует. Поэт почти полностью ушёл в них от раздумий об острых проблемах времени и неизбежных при этом публицистических мотивах. Он всё больше погружается в осмысление и выражение тайн бытия, в человеческий и природный космос, в себя.

Стихотворения несколько не теряют напряжение мысли, глубину погружения в жизнь, не теряют и своего художественного очарования, как в таком вот микрошедевре:

**Нагая женщина идёт,
На камни острые ступая.
А тропка рядом – вот же, вот!
И вдруг я понял, идиот:
Ведь это ж страсть. Она слепая.**

Или:

**Тихой ночью плыву по реке.
Светят звёзды на небе широком,
И никто не поёт вдалеке,
Словно умерли все ненароком.
Тихо выйду на берег пустой.
Вёсла в лодку свою покидаю,
И, упав на колени, босой
Непонятно с чего зарыдаю.
Я сжимаю песок в кулаке,
Светят звёзды на небе высоком,
И никто не поёт вдалеке,
За рекою, как в детстве далёком.**

Я хочу обратиться к читателям независимо от возраста и склонностей. Не давите в себе желания читать русскую прозу и поэзию, ссылаясь на отсутствие времени. Только так вы сможете через художественное слово познать себя и мир. В частности, стихи Николая Зиновьева.

Ещё раз о поэзии. Художественное время и пространство в стихотворениях Н. Рубцова и Н. Зиновьева

Художественная литература отражает объективную жизненную реальность, только не напрямую, не зеркально, а как бы воссоздаёт вторую, художественную, реальность – и не по законам жизни, а своими художественными средствами. Одним из важнейших, значимых средств является художественное время и пространство.

Как часть изображённого мира художественное время и пространство употребляемы во всех родах литературы: в эпосе, драматургии и лирике. Характеризуется это свойство изображённого мира предельной свободой употребления – прерывностью, возможностью мельчайшей детализации и в то же время максимальной степенью обобщения.

Так, например, видим мы это в начальных строках стихотворения Лермонтова «Выхожу один я на дорогу». Перед нами, прежде всего, каменистая земная дорога, охарактеризованная предельно сжато: *«сквозь туман кремнистый путь блестит»*.

В то же самое время это и небесный, Млечный Путь, мерцающий сквозь туман. К этому склоняют другие его детали: *«пустыня внемлет*

богу, и звезда с звездой говорит». Какая «пустыня»? Это, конечно, пустыня бытия, мирового пространства, о чём ясно говорит следующая строка: «В небесах торжественно и чудно, спит земля в сияньи голубом».

Что Земля – это голубой шарик, летящий в мировом пространстве, космонавты увидят собственными глазами, но лишь через столетие после того, как были написаны эти строки. Творческое воображение поэта видело это всегда.

Художественное время в этом стихотворении совершенно соответствует изображённому пространству. Оно вечно. Желание и мечта поэта – *«чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея, про любовь мне сладкий голос пел, надо мной, чтоб вечно зеленея, тёмный дуб склонялся и шумел»...*

Это, что называется, классический пример.

Интересно посмотреть, как реализуется этот закон художественного творчества у современных поэтов. Возьмём стихотворения двух совершенно русских и очень близких по духу и творческой манере поэтов – Николая Рубцова и Николая Зиновьева. Рубцова уже нет на земле, но он очень современный поэт, а Зиновьев, слава Богу, жив и плодотворно работает.

Характернейшей особенностью творческой манеры Николая Рубцова является тот факт, что в его стихотворениях нет места чертам и приметам реальной современности с её событиями, конфликтами, проблемами и именами. В его стихотворениях время больше предстаёт как историческая и философская категория, как неотъемлемое и вечное свойство жизни. И даже эта художественная и жизненная категория выходит иногда у него, как выразился Вадим Кожинов, «за пределы земного бытия».

Это, конечно, не от равнодушия поэта к реальной жизни и не от нежелания думать о ней, т. к. реальность жестоко билась поэта и уйти в мир поэзии очень часто не давала. Отсюда стремление поэта во многих стихотворениях погружаться в тайны бытия на самой грани жизни и смерти, почти выходя за эту грань. Это происходило от его стремления видеть общие законы бытия, живой жизни, и даже осознавать бытие и небытие в их единстве. Как вот в стихотворении «Над вечным покоем»:

**Рукой раздвинув тёмные кусты,
Я не нашёл и запаха малины.**

Зато нашёл могильные кресты,
Когда ушёл в малинник за овины.
Там фантастично тихо в темноте.
Там одиноко, боязно и сыро.
Там и ромашки будто бы не те –
Как существа уже иного мира.
И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.
И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая.
Пушкой меня за тысячу земель
Уносит жизнь! Пушкой меня пронесит
По всей земле надежда и метель,
Какую кто-то больше не выносит!
Когда ж почую близость похорон,
Приду сюда, где белые ромашки,
Где каждый смертный свято погребён
В такой же белой горестной рубашке.

Николай же Зиновьев в своих стихах гораздо более актуален и злободневен. В них современная жизнь представлена в её острых конфликтах и проблемах, в основном, социального и нравственного характера – и при этом без популизма, без дешёвого обличительного пафоса, но глубоко и серьёзно.

Глубине изображения очень способствует также обращение поэта к использованию художественного времени и пространства, то и другое в очень скупых, сдержанных деталях, но художественно убедительно.

Кстати, поэт тоже не чуждается своеобразного временного двоемирия, говоря о сложности и полноте жизни. Вот некоторые краткие примеры.

ТА ЖИЗНЬ

Я вспоминаю те года,
Когда заря не так алела,
Не так в реке текла вода,
И сердце вовсе не болело,
Душа сияла чистотой,
И васильки синели в поле...
Я б не ушёл из жизни той,
Не будь на то Господня воля.
Но воля всё-таки была.
И вот я – здесь.

Зачем? Не знаю...

Стою и камешки бросаю
В сухое русло, где текла
Река той жизни...

В СТЕПИ

На кучевые облака
Смотрю так пристально и долго,
Что вижу крылья ветряка
И пыль станичного просёлка.
Коня ведёт к реке козак,
По шелковистой шее гладит.
Шипит на мальчика гусак.
А мальчик этот –
мой прапрадед.

ПРОСЬБА

Куда б я после смерти ни попал,
Даруй, Господь, – ведь это в твоей силе,
Чтоб ни на миг я луг не забывал,
Где мы вдвоём с отцом траву косили.

Интересно соотнести два стихотворения обоих авторов, Н. Рубцова и Н. Зиновьева, написанных, по сути, на одну тему и являющихся как бы продолжением одним другого.

Но это разные поэты, по-разному видящие одно и то же.

Николай Рубцов

В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...
Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догниёт совсем.
Дремлет на стене моей
Ивы кружевная тень.
Завтра у меня под ней
Будет кропотливый день.
Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе.
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе.

Николай Зиновьев

Тихой ночью плыву по реке.
Светят звёзды на небе широко.
И никто не поёт вдалеке,
Будто умерли все ненароком.
Тихо выйду на берег пустой,
Вёсла в лодку свою покидаю
И, упав на колени, босой,
Непонятно с чего зарыдаю.
Я сжимаю песок в кулаке.
Светят звёзды на небе высоко.
И никто не поёт вдалеке,
За рекою, как в детстве далёком.

Широкому читателю только нужно иметь в виду, что в поэзии очень часто СЛОВО, помимо своего прямого логического смысла, может иметь другой, расширительный, смысл и даже не один. То есть

язык поэзии метафоричен. Это когда одинаково звучащие слова обозначают явления совершенно разные, но имеющие какую-то точку, а то и не одну, позволяющие им сопрягаться в сознании и поэта, и читателя.

В обоих стихотворениях художественное время – ночь. И это не только время общего сна, но и самое время воспоминаний, раздумий, подчас и очень горьких. Ещё Пушкин писал, что для него ночь – это время, *«когда живеи горят во мне змеи сердечной угрызенья»*...

Река – это, конечно, символ жизни бегущей. Лодка, плывущая по реке, – это и жизнь, и судьба, и творчество.

У Рубцова увядшие красные цветы и догнивающая лодка – это выражение краткости и гибельности и жизни своей, и творчества (в других стихах – «я умру в крещенские морозы» и «я ехал бы и правил, да мне дороги нет» и др.).

И явление «матушки», которая «молча принесёт воды», не случайно. Мать умерла, когда ему было три года, но память о ней не только всю жизнь была свята для него, но и ночью «думать о своей судьбе» и не думать о матери он просто не мог. И в последней строфе – «думать о своей судьбе» и «до ночной звезды лодку мастерить себе», это, конечно, думать о поэзии, о своей творческой судьбе, слагать стихи.

В стихотворении Николая Зиновьева тема та же, художественное время и пространство те же, только мотив личной трагедии (или драмы, точнее) сменяется, я бы сказал, мотивом библейским.

Плывущий на лодке по реке, т. е. творящий поэт, не находящий отклика себе, своим стихам – песням («будто умерли все ненароком»), выходит «на берег пустой» и, «упав на колени, босой», «непонятно с чего» рыдает. Он сжимает «песок в кулаке», как известно, имеющий способность бесцельно протекать между пальцами, и горько сожалеет о «детстве далёком», о прошлом. Без сомнения, не о личном своём только, а о прошлом всей русской поэзии.

Прочитую одно его гораздо более прямое стихотворение.

ВСТРЕЧА

Встретил я в поле старушку в пальто,

Хоть и жаркая осень стояла.

«Всё не то, всё не то, всё не то», –

Как заклятье она повторяла.

**И догадка внезапная, тусклая,
В душу мне, как слеза, заплыла:
«Ты, бабуль, не Поэзия ль русская?»
Она горько сказала: «Была».**

Эта тема отсутствия отклика людей на страдания и радости поэта, когда он откликается на страдания и радости людские, всегда жива, пока жива поэзия.

Ещё великий Пушкин писал об этом в стихотворении «Эхо»:

*Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом –
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов –
И шлѐшь ответ.
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты, поэт!*

Как нет отзыва эху, так нет его и поэту.

Обратим ещё внимание на то, как разнятся «стилевые доминанты», т.е. преобладающая тональность стихотворений разных поэтов и на сходную тему и вообще.

У Пушкина это, конечно, мировая гармония, приятие жизни («...порой опять гармонией упьюсь, над вымыслом слезами обольюсь»).

У Рубцова тональность эта сходная с пушкинской, но с преобладанием грусти.

У Зиновьева она насыщена разочарованием, гневом и печалью, рождёнными его видением судьбы современной России:

**У карты бывшего Союза,
С обвальным грохотом в груди,
Стою. Не плачу, не молюсь я,
А просто нету сил уйти.
Я глажу горы, глажу реки,
Касаюсь пальцами морей,**

Как будто закрываю веки Несчастной Родины моей.

Сегодня очень многие, к сожалению, почти смакуют мысль о неизбежной скорой гибели литературы, в том числе и поэзии. Дескать, как вытеснили СМС-ки писание писем, так и интернет-общение вытеснит литературу.

Позволю себе процитировать грубоватые, но точные слова Маяковского:

Нами

лирика

в штыки

неоднократно атакована.

Ищем речи точной и нагой.

Но поэзия –

пресволочнейшая штуковина –

Существует –

и ни в зуб ногой!

Не один в поле воин...

Поскольку общую тематику творчества Николая Зиновьева мы уже рассматривали в статье «И Бог заплакал вместе с ним», мы решили в этот раз остановиться на теме, которую профессора-литературоведы, конечно же, выделяют и подчёркивают её значимость и в современной русской литературе, и в творчестве Зиновьева, но она имеет больше общественный и образовательный характер, а не узко филологический, и потому не рассматривается ими отдельно, а лишь упоминается в общих чертах. Это тема судьбы России и русского народа как традиционная для русской литературной классики.

Я постараюсь максимально коротко сказать о сущности понятия наследования и развития традиций в литературном процессе.

В сфере научного познания мира последователи чаще всего стоят чуть не буквально на плечах предшественников, углубляя и развивая то, что ими было достигнуто. Даже когда речь идёт о прорывных, новаторских научных идеях, они всё равно есть результат длительных и напряжённых научных исканий предшественников.

Иная ситуация в сфере художественного отражения действительности, в данном случае в художественном Слове.

В мировой литературе до сих пор нет второго Шекспира и Сервантеса, как в русской до сих пор нет второго Пушкина и Гоголя. В существовании художественного, словесного гения или таланта не может быть прямого наследования, есть только влияние, воздействие. Когда исследователи-литературоведы характеризуют творчество даже очень значительных авторов, они часто выявляют целый букет этих воздействий и влияний, хотя бывает, что и чисто субъективно. Но речь идёт не об этом, а о литературной традиции. То есть о той нравственно-эстетической и художественной перекличке, что возникает между авторами, разделёнными годами, десятилетиями и даже столетиями.

Необходимое условие такой переклички – это совпадение или сближенность нравственно-эстетической позиции, убеждений предшественника и последователя, тогда и становится возможным и сближенность в сюжетах, в художественных приёмах и образах, в ритмах и стихотворных размерах и т.д.

Может доходить даже до упрёков в подражательности и в заимствованиях. И опять же не о них речь, а о том внутреннем единстве в творчестве разных авторов, что и составляет литературную традицию. Тем более, что это внутреннее единство может выражаться через своеобразное отталкивание, через полемику последователя с предшественником. Этой полемики и не было бы, не будь внутреннего единства, литературной традиции.

Сошлюсь на свершено хрестоматийные примеры. Написал же Некрасов стихотворение «Балет», эпиграфом к которому взял великолепные строки описания балетного танца великой балерины Истоминой в романе «Евгений Онегин». Описание это у Пушкина заканчивается словами:

**...то стан совьёт, то разовьёт,
И лёгкой ножкой ножку бьёт.**

Именно они составляют эпиграф стихотворения Некрасова, в котором речь идёт о том, как сутками идут мужики за обозом по крепчайшему морозу и негде им обогреть ноги в лаптишках, и бьют они нога об ногу, а вовсе не «лёгкой ножкой ножку».

Или вот Лермонтов, по слову Белинского, «поэт совсем другой эпохи» при всей календарной сближенности с великим Пушкиным, горячо любя его, совсем иначе трактует судьбу поэта в стихотворении, не случайно названном, как и у Пушкина, – «Пророк».

Пушкинский пророк – поэт, преображённый физически и духовно,

призван, «обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей».

Лермонтовский:

**Когда же через шумный град
Я пробираюсь торопливо,
То старцы детям говорят
С улыбкою самолюбивой:
«Смотрите, дети, на него,
Как он угрюм, и худ, и бледен.
Смотрите, как он наг и беден,
Как презирают все его».**

Он же, Лермонтов, заложил мощнейшую для русской литературы традицию в понимании и трактовке чувства Родины. Оно, по Лермонтову, состоит в любви «за что, не знаю сам» к её просторам, к её скромной природе и к людям, «к отраде, многим не знакомой» при виде полного крестьянского гумна, избы, покрытой соломой, и даже «пляски с топаньем и свистом под говор пьяных мужичков».

Традиция эта пройдёт через поэзию Николая Некрасова, Александра Блока и так ярко выразится через столетие в «минуту роковую» для страны, в Великую Отечественную, в стихотворении уж совсем далёкого последователя – Константина Симонова:

**«Ты знаешь, Алёша, наверное Родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.
...Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь,**

наши прадеды молятся

За в бога не верящих внуков своих».

Позволю себе занять место в статье и внимание читателей рассказом о наследовании и развитии пушкинской традиции в стихотворении Николая Рубцова «Русский огонёк». Исходная ситуация лирического сюжета в пушкинском «Пророке» и в стихотворении Рубцова одинаковая – герой в духовном поиске.

У Пушкина: «духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился».

У Рубцова:

Погружены в томительный мороз,

Вокруг меня снега оцепенели.

Оцепенели маленькие ели,

И было небо тёмное без звёзд.

Я был один, совсем один

В бескрайнем мёртвом поле...

Ситуация духовного одиночества у Пушкина разрешается появлением посланца Бога, шестикрылого серафима.

У Рубцова: «**вдруг тихий свет, пригрезившийся что ли, мелькнул в пустыне, как сторожевой**». Это свет крестьянской избушки, хозяйка которой – доживающая свою жизнь старушка. Именно она – носительница и выразитель нравственных истин, которых ищет душа поэта. Они незамысловаты, это вам не Иосиф Бродский, но они выстраданы душой и историей. Душе поэта «открылся вдруг и поразил сиротский смысл семейных фотографий», она остро осознаёт, что «огнём, враждой земля полным полна, и близких всех душа не позабудет», оттого таким глубинным смыслом полон вопрос старушки: «Скажи, родимый, будет ли война?»

Для так называемой «цивилизованной» современной Европы это никогда вопросом не было. Она просто ложились под захватчика, будь то Наполеон, будь то Гитлер, а то и вступала в их ряды и шла покорять «варваров». Россия же шла на такое сопротивление, на такие страдания и жертвы, что нет для русских вопроса важнее и страшнее.

И второе, что от неё услышит лирический герой, когда попытается «глухим брэнчанием монет прервать её старинные виденья»:

«Господь с тобой, мы денег не берём».

Это «мы» дорогого стоит.

Когда уже «взбизнесился» народ, где-то в глубине народной жизни не умер ещё нравственный закон, которым живёт и старушка, и автор:

За всё добро расплатимся добром,

за всю любовь расплатимся любовью.

Обратимся теперь непосредственно к творчеству Николая Александровича Зиновьева. Он сам, совершенно определённо, декларирует свою неразрывную и кровную связь с русской литературной классикой:

**Во мне и Чацкий, и Онегин,
Все Карамазовы, Левша,
Обломов, Чичиков, Телегин,
Как общежитие – душа.**

**Литературные герои,
К чему мне ваша толкотня?
Мне даже кажется порою,
Что меньше всех во мне меня.**

Это и так, и не так. Конечно, в сознании поэта живут литературные герои и одухотворяют его творчество своим присутствием. Но движим он более всего тем, что завещано было и великим Пушкиным: «И долго буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал»; и Некрасовым: «Я лиру посвятил народу своему. Пусть я умру, неведомый ему, но я ему служил, и сердцем я спокоен»; и Тютчевым: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся, но нам сочувствие даётся, как нам даётся благодать»; и выражено Маяковским: «За всех расплачусь, и за всех расплачусь».

Как видим, у великих предшественников это выражено предельно обобщённо, у Зиновьева же – совершенно в его индивидуальной, личностной манере:

**Довольно о малом. Давайте о важном.
Себя ощущаю я в каждом и в каждом:
То в чистом и светлом, как ангел, ребёнке,
То в жалком, забитом нуждой мужичонке,
То в пьяной и грязной
развратной бабёнке...**

**Не раз удивляли, наверно, тебя
Слова очень странные: «Я вне себя».**

А личностное начало выражено у поэта в стихотворении, на мой взгляд, совершенно потрясающем. Это символ той нерушимой связи с предками и ответственности перед ними, что, по Пушкину, есть основа «самостоянья человека»:

**Не обмануть души поэта:
Златой телец царит в стране.
Не верю, что мой дед за это
Погиб когда-то на войне.
Приходит он ко мне ночами,
Когда в окошко дождь стучит,**

**С глазами, полными печали,
Стоит у двери и молчит.
Не обвиняет, не кричит,
Стоит у двери – и молчит.
Какая точность и ёмкость Слова!
Какая взвешенность анализа и диагноза!
Мы перестали быть народом,
Мы стали рыночной толпой.
Толпа редет год за годом
И тает в дымке голубой.
Наживы ветер всюду свищет,
И карлик смотрит свысока!
А выход где? Никто не ищет,
Хотя он есть наверняка.**

Можно ли тут не обратиться к «святой русской литературе»?
(Т. Манн).

Можно ли не встать против господ, которые не просто «блокируют литературу», как справедливо печалится составитель и издатель сборника стихотворений поэта Пётр Ткаченко, а усиленно вытаптывают её в сознании людей, начиная с детства, со школы?

Николай Зиновьев берёт её себе в образцы и в союзники. Он следует и развивает литературную традицию.

Различны у него способы внутренней связи со стихами предшественников: и через эпиграфы, и через прямое цитирование и проведение параллелей, и через постановку их строк и принципов в контекст современных общественных и эстетических проблем.

Но самый основной способ установления традиционных связей – это развитие глубоких мыслей литературных классиков в современных условиях, погружение, как ещё Белинский выражался, в их «неуследимую глубину».

Давно, например, хрестоматийна и кем только не обыграна пушкинская фраза, завершающая «Бориса Годунова» – «Народ безмолвствует». Поэт отталкивается от неё, вдумываясь в совершенно современную ситуацию.

«Народ безмолвствует...»

А. С. Пушкин

**Беда, надеюсь, всем известна:
Пред нами вновь разверзлась бездна,**

**И нас толкнут в неё вот-вот.
Но закричать в сей миг: «Свобода!»
Среди безмолвного народа
Всегда найдётся идиот.**

В самом деле, когда в начале 90-х расстреливали законно избранный парламент и утверждали власть тех, кто сегодня грабит страну, народ в недоумении безмолвствовал, но как вопили о наступившей желанной «свободе» всякие новодворские, да и те же подписанты «письма 42-х».

Не менее хрестоматийно и пушкинское «Пока свободой горим». И эти строки побуждают поэта к раздумью о дне сегодняшнем.

«Пока свободой горим...»

А. С. Пушкин

**Пока свободой горим,
Увы, растащит всё богатство
Всемирных мародёров братство,
Оставив нам лишь горький дым.**

**Глотая дым, ещё мы живы,
Хоть и на смертном рубеже,
«Души прекрасные порывы»
Так и останутся в душе.**

Да, наши природные богатства, наши газ, нефть, леса и недра лишь номинально российские, «национальное достояние», а фактически в руках транснациональных корпораций. И уж Польша штрафует Газпром на миллиарды долларов, десятки миллиардов уходят ежегодно за границу, а у нас всё «Денег нет, но вы держитесь»...

На не менее глобальные размышления наводит и пушкинский вопрос, поставленный в романе «Евгений Онегин» и в эпиграф стихотворения Н. Зиновьева: «Громада двинулась и, рассекая волны, плывёт. Куда ж нам плыть?».

**Ни новоявленный герой,
Ни пыльный призрак несвободы,
А страх пред ядерной войной
Объединяет все народы.
И часто думается мне –
Потенциальной горстке праха,
Что только Бог бациллу страха**

Размазать может по стене.

**А миром правит сатана,
Он делать этого не будет.**

**И каждым утром меня будит
Вопрос: «Куда ж нам плыть?»**

В самом деле, плыть ли нам в райские кущи западного потребительства и свобод от морали и ответственности, куда так упорно тащат нас служители современной идеологии и СМИ, которые давно уже не СМИ, а СМРАД (средства массовой рекламы, агитации и дезинформации), или же всё-таки следовать своей исторической памяти и законам христианской морали?

Обращается поэт и к стихотворениям Н. А. Некрасова, которые тоже заставляют и его, и нас, читателей, не просто параллели проводить, а лишний раз задуматься о происходящем, как например, в стихотворении, названном «Созвучия».

«Горе горькое по свету шлялося...»

Н. А. Некрасов

**Наше горе по свету не шляется,
Оно с нами с рожденья живёт.
С мужиками вина напивается,
Со старухами корку жуёт.
Ходит в церковь тропинками узкими,
Держит свечку, читает псалмы,
Знает прелесть сумы и тюрьмы, –
Без него мы бы не были русскими.**

Обращается Н. А. Зиновьев и к строкам Тютчева, Гоголя, Блока, Есенина, Высоцкого.

Но более всего привлекает его Лермонтов. О нём одном есть прямо к его памяти обращённое стихотворение «Лермонтов»:

**Огоньки Пятигорска.
Годы, как облака.
Сколько в жизни их? Горстка?
Или всё же – века?
Ах, как все надоели!
Он подтянут и строг.
До последней дуэли
Ещё несколько строк.**

Он коварен, как Демон,
И печален, как Бог.
Меж землёю и небом
Не вмещается вздох.
Ветку ветер колышет,
Пусто, гулко в груди.
Он садится и пишет.
Смерть уже позади.

Великолепна своей правдой эта последняя строчка: «Смерть уже позади».

Лермонтов своим «Героем нашего времени» предвосхитил всю мировую литературу XX века с её экзистенциальной проблемой отчуждения личности, он вполне оправдал мысль Толстого: «Если бы он жил и писал ещё 15 лет, нам с Достоевским нечего было бы делать» (Вл. Бондаренко, «Лермонтов. Мистический гений»).

В одном из послесловий к сборнику стихотворений Николая Зиновьева «Портрет неизвестного» сказано, что две московские дамочки-критикессы упрекают его в неоправданном пессимизме и даже очернительстве.

В самом деле, когда посмотришь изредка, поневоле (куда же деваться?) центровую передачку 1-го канала «Сегодня вечером», то в умиление придёшь: вот где собрание оптимистов! Все, слава Богу, сытенькие и холёные, все друг друга знают, и один другому нравится, все при деле, «при культуре», осыпаны наградами – иногда с самого верху. Говоря короче, «не боясь греха, кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку». И обоснованно верят, что «пипл всё схавает».

Что им вопрос «Куда нам плыть?». Что им Дальний Восток и Восточная и Западная Сибирь, Кубань и Нечерноземье, какой-то Кузбасс и тысячи квадратных километров вечной мерзлоты?

Как ещё Некрасов писал: **«Что тебе эта скорбь вопиющая, что тебе этот бедный народ?»...**

И вдруг какой-то поэт крестьянского, казачьего роду-племени, да ещё и превосходящий их силой и точностью слова, краткостью, мощью художественного образа, мыслью и искренней тревогой за судьбу страны и народа... Конечно, он – «пессимист и очернитель». Да ещё какую-то старушонку-литературу вспоминает...

Совсем давно И. С. Тургенев писал: **«Как не впасть в уныние при виде того, что совершается дома? Ты один мне поддержка и опора,**

о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»

Добавлю: и литература, которая пока ещё на нём разговаривает.

*«Душе не тини
Так телно и убого,
Знай, от русской души
Никто хранится у Бога»*

Поэтический вечер

**«Никола́и Зиновье́в
- современны́и русски́и поэт»**

Лекцию читает Сазыкин А. С.

Место проведения: ЦГБ им. Н.В. Гоголя, абонемент

12+

Афиша лекции А. С. Сазыкина о поэзии Н. А. Зиновьева (12 ноября 2014 г.)

ОТ РЕДАКТОРА. Слово о литературе родной стороны¹

Литература рождается из глубины народной души.

А. Мицкевич

Книга А. С. Сазыкина уникальна, поскольку содержит в себе впервые представленную в научном издании обширную литературоведческую характеристику творчества современных кузбасских поэтов и прозаиков, а также анализ интерпретации темы Родины писателями конца XX – начала XXI века, выходящий за рамки региональной литературы².

Анатолий Семёнович продолжает традиции родной кафедры – кафедры литературы Новокузнецкого государственного педагогического института: ещё в 1960-х годах заведующим кафедрой А. Ф. Абрамовичем были написаны статьи о литературе родного края. А. С. Сазыкин верен нравственно-эстетическому постулату о литературоцентризме русской культуры и, исходя из него, обращается к проблематике и поэтике произведений, созданных на земле Кузнецкой.

В книге представлены как анализ отдельных произведений, так и характеристика сборников, творческой эволюции авторов. Так, в главе о В. М. Мазаеве А. С. Сазыкин выявляет содержательное наполнение темы любви в сборнике рассказов «Без любви прожить можно», при этом уделено внимание чертам поэтики рассказов (образы, композиция, фабула и сюжет, аллюзии, язык и стиль). Но в центре, конечно, характеры героев, которые рассматриваются Анатолием Семёновичем с мастерством литературоведа и психологической тонкостью. Перед читателем книги предстают оттенки переживаний героев, основные нравственно-психологические конфликты. В анализе автобиографической повести «Пережить эту зиму» раскрыты её трагическая фабула и живое художественное содержание, «характеризирующее эпоху, людей,

---

¹ Понятие «литература родной стороны» (нем. Heimatliteratur) обозначает направление рубежа XIX и XX веков – произведения немецких писателей, посвятивших свои произведения быту провинции.

² О понятии «региональная литература» см.: Николюкин А. Н. Региональная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 864.

обстоятельства военного времени»¹. Отметим, что автор книги обращает особое внимание на систему персонажей, художественное время и пространство.

Логика размышлений А. С. Сазыкина определяется спецификой поэтики и проблематики произведения – исследователь идёт «от текста», а не от готовых схем и алгоритмов, которые не работают в филологическом анализе текста, поскольку «по самой своей сути филология антиформалистична» (Д. С. Лихачёв). Например, в анализе романа А. Яброва «Паду к ногам твоим» фокусируются образ главной героини и тема женской судьбы. Однако центральный образ анализируется, опять же, в системе персонажей, в соотношении с сюжетно-фабульной структурой, в контексте нравственных исканий культуры, в единстве текста и подтекста, социальной и философской составляющих проблематики.

Особой тонкостью, филологической деликатностью отличается анализ творчества поэтов – Л. Никоновой, А. Раевского, Т. Тудегешевой, Л. Арбачаковой, Т. Белокуровой, Н. Зиновьева. Анатолий Семёнович раскрывает перед читателем ассоциативную глубину художественного слова, особенно если оно вынесено в заглавие или представлено в эпиграфе, помогает «считывать» переключки с другими произведениями, содержательную наполненность поэтической формы. Воплощая в своих размышлениях искусство медленного чтения, литературовед обнаруживает вечные темы культуры и оригинальность их интерпретации автором, константы и динамику в произведениях разных периодов творчества. Как и в анализе прозаических произведений, в центре внимания – мир человеческой души, переплетение в нём рационального и иррационального. А. С. Сазыкин выявляет основные черты стилистики текстов, что не только отражает способность исследователя к целостному восприятию и анализу художественного текста, но и формирует такую способность у читателя. Особенно это актуально для школьников и студентов, которые нередко, замечая отдельные черты, детали поэтической формы, не доходят до этапа синтеза отдельных впечатлений и наблюдений. Тогда как интерпретация художественного произведения основана именно на способности объяснить взаимосвязь художественной формы и эстетического содержания, увидеть за этим единством авторский замысел и культурно-исторический контекст, в котором он формировался, чему и учит в своей

---

¹ С. 27 данной книги.

книге А. С. Сазыкин, с его многолетним научно-педагогическим опытом.

Подчеркнём значимость обращения литературоведа к творчеству шорских поэтов – хранительниц культуры коренного народа юга Кузбасса. Анатолий Семёнович предпринимает анализ стихотворений Т. В. Тудегешевой и Л. Н. Арбачаковой, отражающих национально-историческую тематику, темы природы и любви, рассматривает феномен метафоризма поэтического мышления, даёт методические рекомендации по изучению стихотворений. При этом А. С. Сазыкину удаётся подчеркнуть своеобразие поэтического мира каждого поэта. Так, в творчестве Т. В. Тудегешевой литературовед услышал дыхание прошлого, выражение трагедии малого народа, тему единения человека с природой, философический настрой; в размышлениях о лирике Л. Н. Арбачаковой акцентированы диалектическое восприятие жизни, сотканной из противоречий, значимость темы любви, мастерство лирической зарисовки, подобной японскому хокку.

Особое место в сборнике статей занимает раздел о творчестве Н. А. Зиновьева. В данном разделе звучат темы поэта-гражданина и роли литературы в формировании мыслящей личности, способной к «самостоянию». А. С. Сазыкин выражает тревогу и боль: его опасения связаны с потерей обществом духовных ориентиров, во многом обусловленной разрушительными реформами системы образования. Однако, как справедливо утверждает Анатолий Семёнович, «человеческое стремление к познанию себя и мира, к самовыражению в художественном слове – неуничтожимы»¹.

Для книги А. С. Сазыкина характерны «раздумчивая»² манера изложения, атмосфера душевного разговора с читателем о самом главном, накипевшем и наболевшем, сочетание логической ясности и эмоциональной окраски. Мы приобщаемся к думам автора о судьбах родины, поэта, слова, вместе с ним встаём на путь правдоискательства, не имеющий конца.

---

¹ С. 134 данной книги.

² Такой эпитет А. С. Сазыкин употребил в статье о своём преподавателе – В. В. Ториковой: Сазыкин А. С. «Наставникам, хранившим юность нашу...» О Вере Васильевне Ториковой // Кузнецкий рабочий. – 2017. – 1 декабря.

Считаю, что сборник статей А. С. Сазыкина о региональной литературе, как плод его многолетних размышлений и научно-педагогического опыта, является мудрым проводником в мир литературы (современной и классической), помощником и наставником для преподавателей-филологов и студентов, учителей-словесников и школьников, источником новых мыслей, который вдохновляет на интеллектуально-нравственное развитие, укрепляет веру в просветляющую силу литературы и филологии.

*И. А. Пушкарёва,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры русского языка и литературы
НФИ КемГУ*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Биографические и библиографические сведения

Владимир Мазаев (1931 – 2015)

Творческое наследие Владимира Михайловича Мазаева велико – более двадцати книг, вот лишь некоторые из них: «Птицы не поют в тумане» (Кемерово, 1975), «Особняк за ручьем» (Москва, 1972), «Разомкнутая цепь» (Новосибирск, 1972), «Коль жить да любить» (Кемерово, 1978), «Лицо осушит ветер» (Кемерово, 1978), «Жив останусь – свидимся» (Москва, 1984), «Мы всегда виноваты перед погибшими» (Кемерово, 1994), «Грозовая аномалия» (Кемерово, 2008) и другие.

Произведения кузбасского писателя ещё при его жизни получили признание широкой читательской общественности в стране. Произведения писателя печатались в журналах «Сибирские огни», «Москва», в еженедельнике «Литературная Россия» и многих других периодических изданиях.

В 1979 году в «Нашем современнике» напечатано одно из самых ярких и самобытных произведений писателя «Багульник – трава пьяная», которое удостоилось престижной литературной премии.

Ряд повестей, рассказов («Танюшка», «Странная командировка», «Багульник – трава пьяная», «Гармошка на том берегу» и др.) были переведены на немецкий, венгерский, болгарский, чешский, словацкий языки.

Родился В. М. Мазаев 12 мая 1931 года на Алтае в селе Васильчуки. Родители переехали в Кузбасс, детские годы будущего писателя прошли в селе Куртуково Новокузнецкого района.

«Свои первые, самые счастливые четыре с половиной года жизни, я прожил с отцом и матерью и старшей сестрой в селе Куртуково, на высоком солнечном берегу «говорливой» речки Кондомы».

В декабре 1937 года отец В. Мазаева, директор школы в селе Куртуково, был арестован по статье 58 и расстрелян в подвалах Старокузнецкой тюрьмы. Отцу тогда было 33 года, сыну – четыре.

Семья перебралась в Новокузнецк. Жили у родственников «в жуткой тесноте»...

В Новокузнецке закончил десятилетку, по окончании филологического факультета Новокузнецкого педагогического института работал в газетах «Комсомолец Кузбасса» и «Кузбасс». Свой ежегодный отпуск он проводил обычно в геологических отрядах и экспедициях в Кузнецком Алатау.

С 1963 по 1968 годы он был главным редактором Кемеровского книжного издательства.

С 1971 по 1983 год (четыре выборных срока) возглавлял Кемеровскую областную писательскую организацию. В течение 20 лет (1966 – 1986 гг.) редактировал альманах «Огни Кузбасса». И до конца жизни оставался бессменным членом редколлегии этого журнала.

С 1990 по 1995 год – главный редактор журнала «Литературный Кузбасс» (орган региональной писательской организации).

Первый рассказ писателя был опубликован в газете «Комсомолец Кузбасса» в 1953 году.

В 1963 году Кемеровским книжным издательством выпущен первый сборник рассказов Владимира Мазаева «Конец Лосинога камня». Всего у него вышло более 20 книг.

Имя Владимира Михайловича Мазаева – в фундаментальной 12-томной антологии «Венок славы», изданной в Москве к 40-летию Победы, в которой собраны лучшие произведения писателей о войне.

По произведениям В. М. Мазаева в 2003 году кемеровским театром «Слово» был поставлен спектакль «Будем живы, свидимся...». Кемеровский театр драмы в 2005 году поставил спектакль по пьесе «Рассказы сибирячки».

Владимира Мазаева называли классиком кузбасской прозы. Он работал в трудном жанре литературы – жанре рассказа, короткой повести, требующем от писателя большого мастерства. Герои большинства его рассказов – люди трудных судеб и сложных характеров. В профессиональной среде слово писателя Владимира Мазаева удостоилось самой высокой оценки коллег и стало важным ориентиром в творчестве молодых.

Современному читателю по-прежнему интересны произведения Владимира Мазаева – «адмирала сибирской прозы», как выразился о нём однажды Тимур Гайдар, который сам был контр-адмиралом флота СССР в то время, когда они общались. Книги Владимира Мазаева читали и продолжают читать несколько поколений. Литературное наследие писателя актуально и в наши дни. Среди его известных книг – «Последний цветок лета», «Птицы не поют в тумане», «Особняк за ручьём», «Коль жить да любить», «Лицо осушит ветер», «Грозовая аномалия», «Жив останусь – свидимся», «Крутизна» и др.

«Жизнь простых рядовых людей, их повседневные заботы, радости, утраты, их характеры, каждый на особинку — страницы его рассказов, повестей, где лирика и драма, а порой и трагедия, сливаются воедино, как в самой жизни.

Владимир Мазаев — мастер истинно художественной русской реалистической прозы. Его герои говорят живым языком, по которому сразу узнаешь писателя, обладающего редкостным слухом и способностью как бы просеивать услышанное.

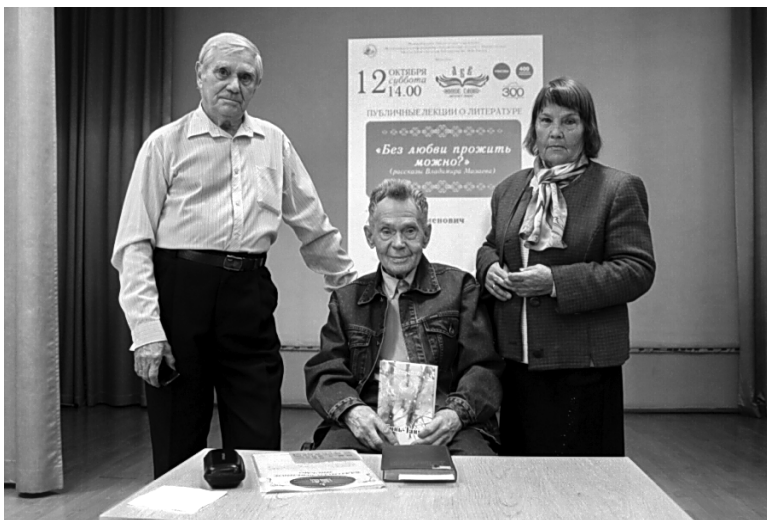
Он не стремится казаться оригинальным. Новаторский характер лучших его произведений — в личности героя, в его мыслях и поступках, в гражданском чувстве.

Большой самобытный и неповторимый художник, Владимир Мазаев — творец в литературе характера подлинно народного».

**Алексей Фёдорович Абрамович (1905 – 1974),
критик, литературовед**

В. М. Мазаев в Новокузнецке

А. С. Сазыкин с родственниками В. М. Мазаева

Изложено по материалам:

Имя в истории города / сост. Т. Н. Киреева, гл. библиограф отдела краеведения МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/imya-v-istorii>

Кузнецкая крепость: альманах. – 2015, 2018, 2019, 2020. – URL: <http://журнальныймир.рф/almanahi/kuzneckaya-krepost>

Литературная карта Кузбасса: Мазаев Владимир Михайлович // Энциклопедия деятелей литературы. – URL: <https://litmap.kemrsl.ru>

Немиров В. «Адмирал сибирской прозы» // Кузнецкий рабочий. № 51. 10 мая 2013 г.

Писатели Кузбасса: 55 лет (1962 – 2017): библиографический каталог / Союз писателей России, Кемеровское областное отделение / дир. проекта: Б. В. Бурмистров; отв. ред. Д. В. Мурзин; ред.-сост. Г. И. Карпова; авт.-сост. В. С. Арнаутов. – Кемерово, 2017.

Писатели Новокузнецка. Справочник-указатель / под редакцией М. М. Маслова; сост. В. Е. Григорьева, худ. ред. Б. И. Кобзарь / Управление культуры города Новокузнецка. – Новокузнецк, 2004.

Книги Владимира Михайловича Мазаева:

Конец Лосиног камя: рассказы. – Кемерово, 1963.

Птицы не поют в тумане: рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1965.

Последний цветок лета: рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968.

Гармошка на том берегу: рассказ. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1969.

Разомкнутая цепь: повесть. – Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1972. (Молодая проза Сибири)

Особняк за ручьем: рассказы. М.: Современник, 1972.

Коль жить да любить...: рассказы, повести. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1975.

Лицо осушит ветер: рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1978.

Мы всегда виноваты перед погибшими: повести, рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1979.

Грозовая аномалия: повести. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1982. (Современная сибирская повесть).

Жив останусь – свидимся: рассказы и повести. – М.: Советский писатель, 1984.

Зиму пережить: повести. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984.

Праздник возвращения: повести, рассказы. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1987.

Селевой поток: повести. – М.: Молодая гвардия, 1989.

Мы всегда виноваты перед погибшими: повести, рассказы. – Кемерово, 1994.

Без любви прожить можно: повести, рассказы. – Кемерово, 1995.

Крутизна: повести и рассказы. – Кемерово: Кузбасс, 2003.

Грозовая аномалия: Повести. Рассказы. Картинки с тропы. Потеснись, завалинка! – Кемерово: Офсет, 2008.

Синь-Тайга: повести, рассказы, картинки с таёжных троп. – Кемерово: Офсет, 2012.

Любовь Никонова (1951 – 2012)

Её поэтический голос был слышен далеко за пределами Кузнецкого края. Читающей России она известна по публикациям в журналах «Новый мир», «Москва», «Роман-газета», «Наш современник», «Сибирские огни», «Алтай», «Сибирские Афины» и многих других. Её называли самой талантливой женщиной-поэтом Сибири, а её стихи – самыми возвышенными и тревожными.

Родилась в селе Владимировка Куйбышевской области (ныне Самарская область).

В 1966 году переехала в Новокузнецк. Училась в средней школе № 93. После окончания Новокузнецкого государственного педагогического института (факультет русского языка и литературы) работала учи-

телем в селе Ваганово Промышленновского района Кемеровской области.

Вся трудовая и творческая биография Любови Алексеевны Никоновой неразрывно связана с жизнью города Новокузнецка. Работала учителем литературы, научным сотрудником литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, сотрудником Православного Духовного училища имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Многие годы успешно сотрудничала с журналом «Огни Кузбасса», являлась членом редколлегии этого издания.

Произведения Л. А. Никоновой регулярно печатались на страницах альманаха «Кузнецкая крепость».

Главным делом своей жизни она считала поэзию. Первую книгу стихов «Скрипичный ключ» издала ещё студенткой, встретив участие и поддержку замечательных сибирских поэтов Е. С. Буравлева и И. М. Киселева.

В 1985 году принята в Союз писателей России.

Любовь Никонова – автор более 20 поэтических сборников и двух книг прозы (повестей, рассказов, эссе, очерков). Ядром опубликованных поэтических и художественно-публицистических произведений являются образы и символы духовной жизни России, её истории и современности.

Произведения Л. А. Никоновой включены в хрестоматию для общеобразовательных учреждений Кемеровской области «Писатели Кузбасса. Проза. Поэзия» (2007), в книгу духовной поэзии кузбасских авторов «Собор стихов» (2005), в антологию «Русская сибирская поэзия. XX век» (2008).

А. С. Сазыкин назвал творчество Любови Никоновой поэзией «необычайной моральной силы и красоты» «с глубоким содержанием провинциальной жизни». В своих публичных лекциях он регулярно подчёркивает, что эта поэзия во многом превосходит более известных современных поэтов «глубиной, истинностью, самобытностью поэтического таланта» и даром «в высшей степени скромного человека».

Она была глубоко духовным человеком, свет её души и сердечная доброта согревали всех, кто с ней когда-либо соприкасался.

Изложено по материалам:

Знаменитые новокузнецчане / сост. Е. Э. Протопопова // МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://новокузнецк400.рф/persons>

Имя в истории города / сост. Т. Н. Киреева, гл. библиограф отдела краеведения / МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/imya-v-istorii>

Кузнецкая крепость: альманах. – 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020. – URL: <http://журнальныймир.рф/almanahi/kuzneckaya-krepost>

Литературная карта Кузбасса: Никонова Любовь Алексеевна // Энциклопедия деятелей литературы. – URL: <https://litmap.kemrsl.ru>

Писатели Кузбасса: 55 лет (1962 – 2017): библиографический каталог / Союз писателей России, Кемеровское областное отделение / дир. проекта: Б. В. Бурмистров; отв. ред. Д. В. Мурзин; ред.-сост. Г. И. Карпова; авт.-сост. В. С. Арнаутов. – Кемерово, 2017.

Писатели Новокузнецка. Справочник-указатель под редакцией М. М. Маслова / сост. В. Е. Григорьева, худ. ред. Б. И. Кобзарь / Управление культуры города Новокузнецка. – Новокузнецк, 2004.

Книги Любови Алексеевны Никоновой:

Скрипичный ключ: стихи / предисл. И. Киселева; худож. И. А. Першина. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1974.

Праземля: стихотворения. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984.

Я живу под столетней ветлой: Стихи, поэма / художник Н. Бабушкин. – М.: Советский писатель, 1988.

Перед чудом жизни: проза и поэзия живого мира / ред. Т. И. Махалова; худож. Е. Ф. Зайцев. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990.

Ветер апокалипсиса: Стихотворения / худ. В. В. Тюрин. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993.

Загадка спасения: Стихотворения. – Кемерово: Сибирский родник, 1993. (Русская сибирская поэзия)

Чтоб воскреснуть на этом лугу: Стихотворения. – Кемерово: Союз писателей Кузбасса, 1997.

Живые источники: стихи, миниатюры / ред. Л. А. Никонова. – Новокузнецкий институт повышения квалификации, 1997.

Знаки внимания: книга стихов о любви и семье / худ. В. П. Кравчук. – Кемерово: Сибирский писатель, 1998.

Сокровенное царство: лирика / худ. Василий Кравчук. – Кемерово: Сибирский писатель, 1999.

Жажда творчества: стихи, миниатюры / ред. Л. А. Никонова. – Новокузнецкий институт повышения квалификации, 2001.

Юный мир: стихи, миниатюры / «Зернышко», детская литературная студия; ред. Л. Никонова. – Кемерово: Сибирский писатель, 2001.

Лики любви: Стихотворения, поэма. – Новокузнецк: Новокузнецкий институт повышения квалификации (ИПК), 2002.

Похожи встречи на подарки: Стихотворения, поэмы. – Кемерово: Летопись, 2003.

Над звёздами горящая звезда: стихотворения / худ. В. Кравчук: иллюстрации, фото. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006.

Мир благословенный: книга прозы. – Кемерово: Сибирский писатель, 2006.

Свет неотступный: книга-буклет / оформление: В. Кравчук; фотографии Л. Никоновой, В. Никонова, О. Смотрителева. – Кемерово: Книга, 2008.

Под знаком праздника: стихотворения / худ. В. Кравчук: иллюстрации, фото. – Кемерово: Книга, 2009.

Знакомый мир неузнаваемый: стихотворения / худ. В. Кравчук: иллюстрации, фото. – Кемерово: Книга, 2011.

Александр Раевский (род. в 1951 г.)

По мнению коллег, произведения Александра Раевского – это «настоящая поэзия, сочетание русских традиций и языкового новаторства»... Стихи самобытного сибирского автора «близки и родственны любому жителю России не только по тематике, но и по самому внутреннему строю, иными словами по хорошему русскому языку, очень точному и образному».

Его произведения печатались на страницах известных отечественных изданий:

«Наш современник» (Москва), «Роман-газета» (Москва), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Москва», «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирские Афины» (Томск), «Барнаул» (Алтай), «Крым» (Республика Крым).

Свидетельством широкого признания творчества поэта стали новые публикации его стихов в изданиях, представляющих литературные достижения различных регионов России: в журналах – «Подъём» (Воронеж), «Белая скала» (Крым), «Сибирь» (Иркутск), «Начало века» (Томск), «Алтай» (Барнаул); в литературно-публицистическом обзоре Ассоциации писателей Урала; в главном печатном органе Союза писателей России – еженедельнике «Российский писатель» (Москва).

Александр Дмитриевич Раевский родился в селе Алабуга Новосибирской области. После десятилетки служил в армии на территории бывшей ГДР. По окончании службы работал в родном селе директором Дома культуры.

В 1974 году переехал в Новокузнецк. Окончил Новокузнецкий педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Служил в пожарной охране МВД, был отмечен медалями за отличную службу, в звании капитана вышел в отставку.

Член Союза писателей России с 1995 года.

Неоднократно становился лауреатом престижных литературных премий, среди них в 2003 году – премия журнала «Наш современник», авторитетного издания, известного своей последовательной позицией в отстаивании и развитии классических традиций великой русской литературы.

В 2007 году поэт одним из первых удостоен новой кузбасской премии «Образ», которая ежегодно вручается за лучшие произведения года в День славянской письменности.

Александр Раевский – участник областных семинаров и литературных объединений «Гренада» (Новокузнецк) и «Притомье» (Кемерово). В 2008 году поэт был избран председателем Новокузнецкого филиала Союза писателей Кузбасса и пробыл на этой должности несколько лет.

Александр Раевский – автор шести книг: «Полуденный костёр» (1984), «Пьяные цветы» (1994), «Сугробчик» (1999), «Забураненный рай» (2005), «Стеклолестница в небо» (2011), «Ласковая высь» (2016).

Готовится к публикации новый сборник «Золотой жук».

Печатался он и в коллективных сборниках: «Дыхание земли родимой» (1980 г. – лауреат премии «Молодость Кузбасса» за цикл стихотворений в этом сборнике); «Час России» – антология одного стихотворения поэтов России, под редакцией Виктора Астафьева, Романа Солнцева (Москва, 1988 г.) и др.

Награждён медалями «За служение Кузбассу» (2004), «За веру и добро» (2011).

«Александр Раевский – русский поэт. Этими двумя словами, по сути, всё сказано. Остальное, что о нём написано и ещё будет написано, можно читать, а можно и не читать. На мой взгляд, лучше перечитывать, а точнее – перечитывать ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ. Особенно в периоды сердечного оскудения, малодушия и мелкодущия... Лучшие стихи Александра Раевского, написанные за полвека, останутся в силе и правде.»

Очень естественно у Раевского вплетаются в стихотворную ткань народно-песенные мотивы. Это не подражание, не игровая стилизация, скорее переключки с предшественниками: Кольцовым, Никитиным, Есениным и другими русскими поэтами. То самое, необходимое каждому поэту – «ауканье через степь».

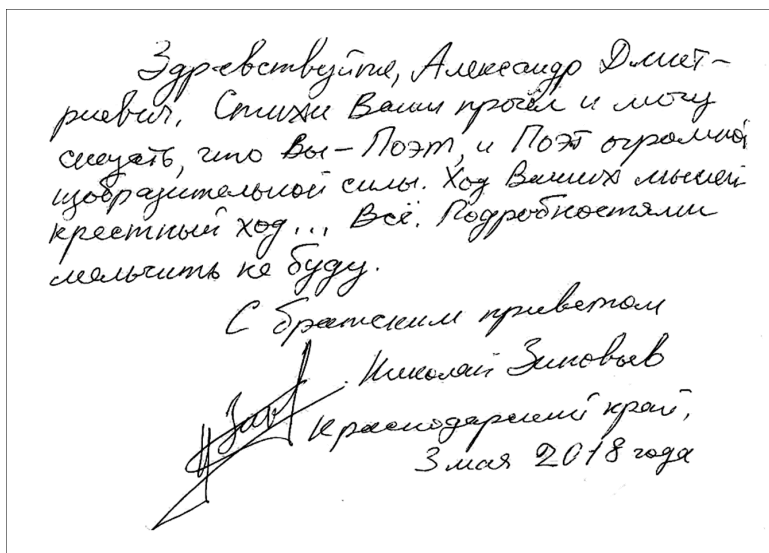
Лучшие его стихи – те, которыми он пробуждает в человеке чувства добрые. У поэта светлый дар... Думы у Александра Раевского извечно русские: о родине, о своём народе, о себе (как жил? зачем жил?). В меру своего таланта Александр Раевский служит России, защищая

добро и обличая зло. Между этими крайностями идёт русский поэт Александр Раевский из двадцатого века в двадцать первый. Трудно идёт... Не железный человек. Напротив – с очень нежной, ранимой душой, которую тщетно пытается спрятать за вечным русским балагурством. Он всё тот же, земной романтик, как сам когда-то написал: «Будь романтиком, но помни о земном». Тот же и не тот. С годами романтической седины да земной тоски поприбавилось...»

Балакай Анатолий Георгиевич,

доктор филологических наук, профессор Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета.

(«Огни Кузбасса». 2006. № 3)

Из письма поэта Н. А. Зиновьева

Изложено по материалам:

Знаменитые новокузнецчане / сост. Е. Э. Протопопова // МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://новокузнецк400.рф/persons>

Имя в истории города / сост. Т. Н. Киреева, гл. библиограф отдела краеведения / МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/imya-v-istorii>

Кузнецкая крепость: альманах. – 2016, 2017, 2018, 2019, 2020. – URL: <http://журнальныймир.рф/almanahi/kuzneckaia-crepost>

Литературная карта Кузбасса: Раевский Александр Дмитриевич // Энциклопедия деятелей литературы. – URL: <https://litmap.kemrsl.ru>

Писатели Кузбасса: 55 лет (1962 – 2017): библиографический каталог / Союз писателей России, Кемеровское областное отделение / дир. проекта: Б. В. Бурмистров; отв. ред. Д. В. Мурзин; ред.-сост. Г. И. Карпова; авт.-сост. В. С. Арнаутов. – Кемерово, 2017.

Писатели Новокузнецка. Справочник-указатель под редакцией М. М. Маслова / сост. В. Е. Григорьева, худ. ред. Б. И. Кобзарь / Управление культуры города Новокузнецка. – Новокузнецк, 2004.

Книги Александра Дмитриевича Раевского:

Полуденный костёр: стихи (вступит. слово Виктора Баянова). – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984.

Пригородная роща; Хозяин тайги: стихи / Земля Кузнецкая: альманах о природе. – Кемерово, 1988.

Пьяные цветы: стихи / худ. Н. П. Мигулин. – Новокузнецк: Издательство «Кузнецкая крепость», 1993.

Сугробчик: стихотворения (предисл. авт.). – Кемерово: Сибирский писатель, 1998. (Русская сибирская поэзия)

Час придёт – тоскою смертной заболеть...; Начало; Комната поэта; Когда взгляну...; Две луны; «Кружится слегка голова...»; «Звезда, как брошь...»: стихи // Площадь Пушкина: стихотворения. – Кемерово, 1999. – С. 195–203.

Прощальное; Уходящий день; Девичий куст; В отпуске; Молодые: стихи // Пять стихотворений о любви. – Кемерово, 2000. – С. 129–136.

Я божья тварь. Всё в равной мере...; Красный вечер; «Крестики на корках, завитки...»: стихи / А. Раевский – Собор стихов: стихи-свидетельства о пути ко Христу, написанные поэтами Кузнецкого края / сост., вступ. ст.: Б. В. Бурмистров и др. – Кемерово: Союз писателей Кузбасса, 2003.

Забуранный рай: стихотворения / худ. В. П. Кравчук. – Кемерово: Сибирский писатель, 2005.

Стеклянная лестница в небо: стихотворения / ред. Б. Бурмистров, худ.: С. Матяш, В. Павлов. – Кемерово: Офсет, 2011

Ласковая высь: стихотворения (вступит. слово: А. Сазыкин). – Новокузнецк: Издательство «Союз писателей», 2016.

Судьба России: стихи из сборника «Судьба России» / Александр Раевский // Кузнецкая крепость: альманах / сост., отв. ред.: В.А. Галактионов. – Новокузнецк, 2018. – URL: <http://журнальныймир.рф/content/sudba-rossii>

Тайана (Татьяна) Тудегешева (род. в 1957 г.)

Её стихи вошли в число лучших произведений Сибири за последние 100 лет, собранных в книгах «Русская сибирская поэзия. Антология. XX век» (2008), «Поэзия народов России. Антология» (2008), «Слово о Матери. Антология сибирской поэзии» (2011), «Антология современной поэзии народов России» (2017).

Поэтическое творчество Тайаны Васильевны Тудегешевой называют летописью души шорского народа, проникновенной песнью его сердца.

Родилась 19 ноября 1957 года в семье шорского учителя Василия Васильевича Каныштарова в посёлке Усть-Анзас Таштагольского района – в горной местности, ограждённой от цивилизации некогда могучей рекой Мрассу.

После окончания средней школы поступила в Иркутский техникум швейного производства. Работала в Новокузнецке технологом в Доме быта.

В 2000 году создала детское этнографическое объединение «Тазыхан».

Как заместитель директора Новокузнецкого городского Дворца культуры по поддержке и развитию культуры коренных народов края, создатель музея истории шорской культуры Т. В. Тудегешева много сил и времени уделяет своей работе.

Принимала участие во Всемирных тюркских фестивалях в Турции.

Закончила Высшие литературные курсы при Литературном институте имени Горького в Москве, где её стихи тогда высоко оценил руководитель семинара Юрий Кузнецов.

В 1999 году её приняли в Союз писателей России – без выпущенных книг, по одной рукописи. А это много значит, как утверждает Геннадий Васильевич Косточаков, кандидат филологических наук, преподаватель Новокузнецкого филиала Кемеровского государственного университета.

На сегодня у Тудегешевой уже несколько сборников стихотворений. В 2000 году на спонсорские средства издана первая книжка стихов «Поющие стрелы времён». Следующий поэтический сборник «Небесный полёт девятиглазых стрел» вышел в свет в 2007 году при поддержке Администрации Кемеровской области. В 2014 году состоялась презентация книги «По ту сторону шорских гор», а в конце 2017 года увидел свет новый сборник стихов «Медногривое солнце встаёт», презентация которого прошла в рамках юбилейного вечера. На этой

встрече с кратким анализом поэтического творчества Т. В. Тудегешевой выступил известный новокузнецкий литературовед, кандидат педагогических наук Анатолий Семёнович Сазыкин. Он сделал вывод, что поэзия Тайаны Васильевны – это «глоток чистой родниковой воды, таёжного воздуха, духовной красоты, это соединение чувства и мысли, голос высокого таланта человечности».

За свою творческую и просветительскую деятельность Тайана Васильевна Тудегешева неоднократно получала высокие награды: медаль «За служение Кузбассу» (2007), медаль «За вклад в развитие Таштагольского района» (2012), почётный знак «Золотая Шория» (2014), юбилейная медаль «В память 200-летия со дня рождения М. Ю. Лермонтова» (2014).

Тайана Васильевна – победитель областных литературных конкурсов среди профессионалов «Образ» (2009) и «Энергия творчества» (2011), лауреат журнала «Огни Кузбасса» (2013), дипломант Международной литературной премии имени П. П. Ершова (2014).

Творчество поэтессы известно далеко за пределами Кемеровской области. Её произведения публиковались в «Литературной газете», в «Российском писателе», в «Литературной России», в журналах «Наш современник», «Литературный Кузбасс», «Огни Кузбасса» и других.

Многие композиторы пишут песни на её стихи. Наиболее плодотворным стал союз поэта с композитором М. М. Масловым, заслуженным работником культуры РФ, членом правления Союза композиторов Кузбасса. Не случайно вокальный цикл на стихи Тайаны Тудегешевой, созданный композитором, вышел отдельной книгой «Возвращение шамана» – с текстами и нотами – в столичном издательстве «Советский писатель» в 2014 году.

Пишет Тайана Тудегешева как на родном шорском, так и на русском. Её произведения посвящены Горной Шории. Русский язык позволяет автору раскрыть всю глубину и своеобразие этнокультурных традиций шорского народа, сделать их понятными и близкими представителю любой культуры.

Творчество Тайаны Васильевны Тудегешевой с каждым годом привлекает всё больше внимания.

«Она – поистине Народный Поэт Горной Шории, даже если такого звания пока ещё не существует. Но кто сказал, что такого звания никогда не будет? Ритмы стихов Тайяны Тудегешевой стучат, словно живое сердце самой Шории, а значит, оно когда-нибудь всё-таки будет услышано её прекрасным и могучим народом...».

Николай Переяслов,
секретарь Правления Союза писателей России
(Вступительное слово к сборнику
«Медногривое солнце встает». 2017 г.)

Изложено по материалам:

Знаменитые новокузнецкие / сост. Е. Э. Протопопова // МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://новокузнецк400.рф/persons>

Имя в истории города / сост. Т. Н. Киреева, гл. библиограф отдела краеведения / МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://libnvkz.ru/chitatelyam/o-novokuznetske/imya-v-istorii>

Кузнецкая крепость: альманах. – 2017. –

URL: <http://журнальныймир.рф/almanahi/kuzneckaya-krepost>

Литературная карта Кузбасса: Тудегешева Татьяна (Тайана) Васильевна // Энциклопедия деятелей литературы. – URL: <https://litmap.kemrsl.ru>

Писатели Кузбасса: 55 лет (1962 – 2017): библиографический каталог / Союз писателей России, Кемеровское областное отделение / дир. проекта: Б. В. Бурмистров; отв. ред. Д. В. Мурзин; ред.-сост. Г. И. Карпова; авт.-сост. В. С. Арнаутов. – Кемерово, 2017.

Тайана Васильевна Тудегешева

АВТОБИОГРАФИЯ

В семье воспитывались шестеро детей: четыре сестры и два брата. Мои родители: отец – Каныштаров Василий Васильевич, мама – Бельчегешева Мария Михайловна.

На биографии отца остановлюсь подробнее. С годами острее начинаю понимать, что наибольшее влияние на воспитание нас, детей, оказал отец, в большей степени он зажгёт во мне огонь творчества своей непростой и содержательной жизнью. Мама тоже была интересным и необычным для того времени человеком, но о ней чуть позже.

Отец родился в 1915 году в одном из древних абинских (ныне шорских) аймаков – Учучле Кузнецкого уезда. Своего отца он помнил смутно. Ему рассказывали, что он погиб во время гражданской войны. Мать моего отца умерла не то от тифа, не то от голода. Осиротевших братьев и сестёр распределили по разным детдомам, а отца моего взяла на воспитание родная бабушка Майе-апиче, когда ему было лет шесть.

В минуты откровений отец рассказывал, что старенькая бабушка Майе-апиче его очень жалела, оберегала как могла и что благодаря ей у него в памяти сохранилось множество сказок, легенд, отрывков из сказаний, рассказов о прошлом. И с грустью добавлял, что только она ласково его называла именем Пача, Паче и что больше никто на всём белом свете так уже его не назовёт.

Когда бабушки не стало, отца определили в детдом. Как дальше у него сложилась судьба, моя память не сохранила. Только помню, что раза два в жизни он скупно сообщил о том, что когда-то писал стихи. Но меня до сих пор удивляет то, почему отец именно ко мне, маленькой девочке, обращался с просьбой со словами: «Кызым (т. е. дочь), когда ты вырастешь, поедешь в город, то поищи мои стихи. Я не знаю, где они сохранились. Может быть, в Кузедеевском музее найдёшь, если они там есть».

Повзрослев, я съездила в пос. Кузедеево, но оказалось, что никакого музея там нет.

Прошло много лет. Я уже забыла об отцовской просьбе, да и его давно не было в живых. Как-то в 1992 году знакомые девушки уговорили меня зайти в педагогический институт на кафедру шорского языка и литературы, сообщив о том, что профессор Андрей Ильич Чудояков организовал шорский фольклорный ансамбль и что там ведётся изучение шорского языка.

В институте, когда я туда пришла, мне пояснили: с теми, кто приходит впервые, Андрей Ильич проводит собеседование. Он стал меня расспрашивать о фамилии, родителях и, услышав ответы, удивлённо спросил, не являюсь ли я дочерью Каныштарова Василия Васильевича, стихи которого, наряду с другими молодыми писателями, опубликованы в шорском сборнике 30-х годов? Я ответила, что это мой отец. Затем Андрей Ильич сообщил, что дети других авторов этого сборника затерялись во времени и что больше никого он не может найти. Таким образом, случайно, почему-то мне из всей семьи повезло найти стихи отца. Может, это судьба, а может, мистика.

Позднее, кроме стихов, опубликованных в поэтическом шорском сборнике «Кызыл Шор» 30-х годов XX века, мы нашли стихи отца в «Шорском фольклоре» Н. Дыренковой. Похоже, что писал он только на шорском языке. По содержанию стихи просты и бесхитростны, в основном о колхозе и советской власти, в которую он свято верил, будучи коммунистом.

В 30-е годы отец работал корректором газеты «Кызыл Шор», сохранилось несколько фото того периода и ксерокопии с фотографий, находящихся в краеведческом музее г. Новокузнецка. В период закры-

тия Горно-Шорского района одновременно закрыли редакцию, и всех сотрудников распределили неизвестно куда. Отца направили в глушь, таёжную часть Горной Шории, на ликвидацию безграмотности шорского населения. В каких аймаках-сёлах он только ни работал по «приказу» компартии: и в Чилису-Анзасе, и в Усть-Анзасе, Усть-Челее, Парушке и т. д.

В то время чуть ли не каждый год учителей, скорее всего, не обременённых семьёй, перераспределяли в разные сёла, чтобы не засиживались на одном месте. Отработав много лет в разных аймаках, отец создал семью, женившись на Бельчегешевой Марии Михайловне, моей матери. Всю жизнь отец посвятил просветительской деятельности, работая то корректором, то учителем, то директором школы. Общий педагогический стаж его составляет больше 40 лет. Основная часть родственников отца были грамотными, просвещёнными людьми, несмотря на повсеместную малограмотность шорского населения в тот далёкий период. Ситуация с грамотностью была намного сложнее в таёжной части Горной Шории.

Интересная особенность рода Каныштаровых, принадлежащих роду Аба: большая часть представителей отцовского рода отличались высоким ростом, включая женщин. По преданиям старшего поколения родных по отцовской линии, в том числе, по рассказам отца, из поколения в поколение переходила не то быль, не то легенда о том, что предки рода Каныштаровых ведут своё начало от ханской династии. Может быть, это быль, превратившаяся в бесчисленных столетиях в легенду. Или же в этой информации сокрыта истина, которая из глубины веков дошла до наших времён. В любом случае, слово «кан» в переводе с тюркского, в данном случае с шорского, означает «хан»... Слово «каныштар» – наследники хана. В ногайском эпосе однажды мне встретились такие слова: «Канышым, токта!», т.е. «Принцесса, остановись!» – просит слуга, догоняя умчавшуюся на скакуне далеко вперёд свою хозяйку.

Предвижу, что кое-кто из представителей не менее уважаемых и достойных шорских родов не очень обрадуется данному сообщению. В любом случае, неоспоримым фактом является фамилия, отличительные способности, род занятий того или иного рода. Ведь общеизвестно, что именно фамилия указывает на происхождение и родовитость. Я думаю, что почти каждому представителю того или иного шорского рода есть что сказать о своих предках, но в данном случае, если уж идёт речь о моей автобиографии, я считаю своим долгом говорить о своём роде. Потому продолжу повествование.

И по настоящее время остатки представителей рода Каныштаровых (фамилия редко встречающаяся) посвящают свою жизнь образованию,

педагогической деятельности, что отражено в историко-биографическом атласе «Учительские династии Кузбасса», выпуск 2, Кемерово, 2004 год, где мой отец возглавляет учительскую династию Каныштаровых трёх поколений.

Мои собственные воспоминания об отце больше хорошие, хотя он был строг по отношению к нам, детям, но через сдержанность чувствовалась скупая отцовская любовь.

Когда родители ждали моего появления на свет, отец ждал сына, а родилась дочь, то есть я. По их нередким воспоминаниям, день моего рождения, особенно для моей мамы, был непростым. Дело было так. Накануне маминих родов отец уехал в город Таштагол на учительскую конференцию. Наша семья в тот период времени жила в аймаке Усть-Анзас. Моя мама, будучи беременной на последнем месяце, взяла пустые нарты и пошла на вершину горы Ак-кая за дровами. Загрузив их, она начала спускаться вниз с горы, тянула за собой нарты с дровами, но внезапно начались предродовые схватки. Одновременно закружила, завьюжила снежная метель с завыванием ветра. Деревья качались, а снег заметал торную тропу. Мама вспоминала, что ей стало страшно от мысли, что она может не успеть возвратиться домой, заблудившись, родить в тайге и погибнуть. Но, видимо, Небо милостиво было к ней. Она еле шла, местами пришлось ползти, но добралась до дома.

Несколько суток, пока мама мучилась в предродовых схватках, снежная метель завывала и билась в окна. Мама удивлённо вспоминала, что метель внезапно утихла в момент моего появления на свет. Это было 19 ноября 1957 года в аймаке Усть-Анзас. Когда отец возвратился из города и узнал, что у него родилась дочь, а не сын, он огорчённо произнёс: «Буду воспитывать дочь, как сына». И сдержал своё слово.

Из всех детей он чаще всего поручал мне ответственные дела в домашнем хозяйстве. Я же изо всех своих девичьих сил старалась оправдать отцовское доверие. Теперь, с высоты прожитых лет, начинаю понимать, что именно те трудности, преодоленные в детстве, помогают мне в жизни выдерживать самые сложные испытания. Например, он поручал седлать, запрягать, арканить коней, ухаживать за ними. Мне нравились конные скачки, играть с мальчишками «в войну».

Однажды потерялся наш заарканенный конь. Вся семья наша, встревоженная, поочерёдно искала его по всем окрестностям тайги, но безуспешно. Тогда отец сказал, обратившись ко мне: «Кызым, я знаю, что только ты сможешь найти коня». Поняв, какая ответственность возложена на меня, я решила про себя: чего бы мне это ни стоило, оправдаю высокое доверие отца. Взяв в одну руку узду для коня, а в другую хлеб с солью, пошла на высокий пригорок. Окинула взглядом синеющие

горы, всматриваясь поочерёдно на все четыре стороны света, вслушиваясь в тишину, в шорохи ветра... Затем решительно направилась по логу в гору, сама не знаю, почему избрала именно то направление. Изучая следы, травы, листья, принохиваясь к запахам воздуха, слушая свой внутренний голос, перевалила две вершины горы и обнаружила запутавшегося арканом вокруг кедра коня. Он настолько исхудал, что рёбра выпирали из-под кожи. Земля вокруг кедра была голой, изъеденной, без травы. Одна передняя нога отекала от врезавшейся верёвки. Конь косился на меня глазами, полными страдания. Обняв его за шею, я гладила, разговаривала с ним и горько плакала, понимая обречённость коня. Освободив его от аркана, мы медленно поплелись с ним по обратной дороге домой.

Уже смеркалось. Когда, перевалив одну вершину горы, мы стали спускаться со второй, я услышала голоса отца и мамы. Они громко кричали, звали меня, шли навстречу, обеспокоенные долгим отсутствием. До сих пор остаётся загадкой, как они поняли, что меня нужно встречать точно в этом направлении, а не в ином, ведь никто не видел мой уход в горы.

Конь позже погиб. Из его коленного сустава выползали черви, несмотря на лечение. Чтобы прекратить мучения коня, отец застрелил его из ружья. Это была моя первая в жизни трагедия, утрата, шрамом оставшаяся в памяти. В те печальные для нашей семьи дни я впервые ощутила дыхание смерти, хрупкость и невечность жизни.

Интересен ещё один штрих к портрету моего отца. Помимо основной профессии педагога у него было страстное увлечение – разведение пчёл. Держал всегда не больше 13-14 пчелосемей. Несколько односельчан тоже держали пчёл, но для финансовой поддержки своих семей. Они продавали мёд на базарах (ныне на рынках), что приносило им неплохой доход. Но отец категорически отказывался продавать на базаре мёд, несмотря на то, что наша многодетная семья жила бедно. Не хватало денег на одежду, обувь и прочие расходы, но еды было вдоволь, так как в домашнем хозяйстве держали коней, коров и т.д.

Увлечённый разведением пчёл, отец выписывал по почте множество всевозможных журналов, книг, газет, в том числе и по пчеловодству, что вело к ощутимым денежным расходам при скромной учительской зарплате. Начитавшись, изучив новые научные открытия в области пчеловодства, он вдохновенно экспериментировал, вводил новшества, бывало, ошибался. Иногда и меня привлекал в помощницы, так как видел, что я не боюсь пчёл. Доверял снимать пчелиные рои. Однажды в результате его очередных экспериментов погибли все пчёлы, но он не разочаровался, а закупил их снова.

Если появлялись излишки мёда и кто-то просил продать мёд, то отец продавал его строго по государственной закупочной цене, которая на тот период времени составляла 2 руб. 20 коп. за килограмм, а «базарная» – 4 руб. 40 коп. Приобретать мёд по дешёвой цене к отцу приезжали даже из других сёл. Мама пыталась иногда вразумить отца, напоминая ему, что его дети «разуты-раздеты», а он «дешевит». От маминых слов отец морщился, как от зубной боли, отвечая, что он коммунист и не будет наживаться за счёт других людей. Я не думаю теперь, что он был равнодушным отцом, и понимаю, как ему самому нелегко было: по одну сторону было его мировоззрение, основанное на совести, принципах коммуниста, а по другую – семья с её материальными проблемами.

Прослышав о такой «чудной принципиальности» школьного учителя из села Сётуг, летом к отцу прилетели лётчики на вертолёте закупать флягами мёд из поселка Спасск (в то время там находился аэропорт). Но продажа мёда по госцене не приносила нашей семье ощутимого достатка, и мы по-прежнему жили бедно. Возможно, эта ситуация усугублялась ещё тем, что наш дом стоял у самой дороги, ведь, как гласит русская поговорка: «У дороги жить – бедным быть». Теперь-то я понимаю, отчего родилась эта поговорка. По неписаным обычаям шорского гостеприимства гостям-путникам нельзя было отказывать в еде и ночлеге. А так как вокруг стояла глубокая тайга, люди на конях, пешком, преодолевая большие расстояния по труднопроходимым, многокилометровым тропам заходили к нам в дом на огонёк. Передохнув, обогревшись, а где и заночевав, продолжали дальний путь.

Может быть, родителям непросто было жить из-за частых гостей, но нам детям, было интересно. Когда долго не было гостей, я выходила на улицу, мысленно молила и ждала гостей. Путники, приходя в наш дом, беседовали с родителями, рассказывали новости, делились своими горестями и радостями. Рассказывали легенды, вспоминали о разных происшествиях и случаях, а в особо мягком расположении духа пели песни, печальные и тягучие, как и сама их жизнь. Сидя за тонкой перегородкой комнаты (сидеть рядом со взрослыми не разрешалось по шорским обычаям), слушая их песни, я нередко плакала и грустила вместе с ними, сама не знаю отчего.

Очень часто люди нашего села, тогда ещё многочисленного, будучи малограмотными или не знающими никакой грамоты, приходили к отцу за советом, за составлением всевозможных актов, заявлений, договоров. Мне нравилась эта малопонятная для меня оживлённая жизнь. Для нас, детей, в тот период, когда не было телевизоров, магнитофонов, компьютеров, встречи с людьми были дополнительным познанием мира.

С самого раннего детства отец стремился, чтобы мы знали больше

не только о своей Родине, но и о других странах, их обитателях. Когда он был в добродушном настроении, мы, будучи ещё малышами, просили, чтобы отец нам воспроизводил голосом рык льва или тигра. Когда он рычал, мы радостно смеялись и просили его ещё что-нибудь рассказать об этих и других зверях. Мы ещё были малыши, но знали все планеты нашей Вселенной, так как родители, чтобы закрепить наши знания, наделяли домашних животных кличками – названиями планет: бычки Марс, Плутон, Юпитер, тёлочка Венера и т.д. Я свято верила в то, что мой отец знает всё на свете. Тогда ещё я не была знакома с выражением мудреца: «Чем больше я знаю, тем больше понимаю, что ничего не знаю».

С теплотой вспоминаю зимние вечера, когда мы всей семьёй, каждый со своей книжкой, усаживались за стол и читали. На столе горела керосиновая лампа. Электричества не было, да и по сей день в том селе его нет. Мы, дети, порой толкали друг друга, чтобы занять более освещённое место, но как только отец бросал на нас строгий взгляд из-под очков, мгновенно успокаивались. Когда всей семьёй читали за столом, то в доме воцарялась какая-то особая, невыразимо уютная тишина, которая острее ощущалась в непогоду. В ночи за окнами бушевала, билась метель, а мы слушали тоненькое завывание ветра в печной трубе, и весело трещал огонь в очаге. И нам всем вместе было хорошо в нашем стареньком доме – небольшом островке счастья.

Вот и пришёл черёд сказать слово о моей маме, о её простой и в то же время сложной и печальной судьбе. Она недолгим тёплым лучом промелькнула в моей жизни, так как рано ушла из этого мира.

Родилась мама в 1928 году в аймаке Кезес. Она осталась малограмотной. В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, закончила шестой класс. В 1942 году ей пришлось оставить учёбу в школе и пойти работать в колхоз, так как работающим полагался хлебный паёк. Когда она училась в школе, ситуация доходила до того, что им приходилось питаться отваренными картофельными очистками. Ей было 13 лет, когда она вынуждена была пойти работать. Скорее всего, подобная судьба сложилась у большей части её сверстников. Люди голодали, были плохо одеты, приходилось порой ходить босиком, но все дружно работали «на войну» и во имя победы.

Маминого отца, моего деда Бельчегешева Михаила Артёмовича, который был председателем колхоза в аймаке Усть-Анзас, во время войны по чьей-то «анонимке» арестовали «за превышение власти» и отправили без суда и следствия на войну в штрафбат. Мама с горечью вспоминала о том, как её отца ночью пришли арестовывать, даже не дав одеться и собрать вещи в дорогу. Впоследствии от него пришло одно

или два письма. Он писал о том, что идут болотами, голодают, и что заедают москиты и вши. Больше никаких вестей от него не было. Пропал без вести, и даже «похоронки» не дождались.

Помню, мой отец, анализируя ситуацию в военные годы, рассказывал, что сталинское правительство перед колхозами ставило непомерно большие задачи, планы. Вся ответственность по их выполнению в то суровое время ложилась только на председателей колхозов. Но не все люди, особенно из числа малограмотного населения, правильно понимали поставленные правительством задачи: не выдерживая тягот труда, люди писали жалобы на председателей колхозов, считая их источником страданий. Сколько председателей колхозов расстреляно, сколько сгинуло во время войны в штрафбатах, об этом знает, наверное, только Небо.

А ещё раньше, в 1920-х годах, моего прадеда (опять же по материнской линии) Отургашева Александра, проживающего в селе Усть-Кобырза, подвергли раскулачиванию и сослали со всей семьёй в Нарым за то, что в его домашнем хозяйстве имелось несколько лошадей, одна корова и швейная машинка. Родные рассказывали, что когда чекисты пришли его раскулачивать, прадед, показывая свои крупные, натруженные руки, говорил им: «Я не держал батраков, а всё что есть, заработал вот этими мозолистыми руками...»

Многое в автобиографии не расскажешь, выбираю только яркие моменты. Интересен факт, что по линии моего деда Бельчегешева Михаила его мама, моя прабабушка Бельчегешева Дарья, родом была из Чувашки. Оказалось, что мы близкая родня шорскому поэту Бельчегешеву Николаю Егоровичу. Об этом сообщили его родные Светлана Амзорова и Валентина Бельчегешева, а так как я выросла в таёжной Шории, узнала об этом уже взрослой.

Продолжая разговор о моей маме, замечу, что хотя она и была малограмотной (6 классов), но для военного и послевоенного периода времени такое образование считалось серьёзным, большая часть сельского населения, не только шорского, но и русского, была безграмотной. Может, поэтому, мама, не имея специального образования, работала метеорологом. Она увлечённо читала книги, записывала от руки в тетрадь понравившиеся ей песни и частушки. До сих пор для меня остаётся загадкой, почему у неё была потребность вести дневники жизни. Она записывала в них всё, что происходило за день, в том числе и погоду, хотя ни рассказы, ни стихи не писала. Правда, хорошо играла на гитаре и балалайке, что было модно в то время.

А отец, в отличие от мамы, владел игрой на нескольких музыкальных инструментах: на фисгармонии (отец говорил: «Как пианино, но

примитивнее этот музыкальный инструмент»), на баяне, на аккордеоне и на гитаре. Особенно наша семья любила, как он душевно исполнял старинный русский романс «В дверь стучится зимний ветер, а на сердце зимний хлад...». Я с замиранием сердца слушала песни, воспоминания родителей, и их прошлая жизнь мне казалась таинственно-загадочной, интересной, несмотря на трудные годы, выпавшие на их долю. Хотелось вернуться и оказаться в том их прошлом, но только вместе с ними.

Давно уже нет на свете моей мамы, а её дневники молчаливо хранят тепло её не зря прожитой жизни, как напоминание о быстротечности времени.

Я же, в отличие от мамы, не люблю вести дневники. То лень, забываю, то откладываю на потом. Если что-то запишу – это редкий случай. Видимо, у мамы самодисциплина была высокой. Из всех детей только младшая сестрёнка Надя похожа на маму, прежде всего обстоятельностью характера. Правда, ещё она пишет стихи, говорит, что «для себя», для всевозможных праздников.

В продолжение разговора о родителях приведу эпизоды, характеризующие их мировоззрение. Как-то я задала вопрос матери о том, есть ли Бог на свете. Она с опаской взглянула на отца, который сидел за столом в отдалении, и, перейдя на шёпот, ответила: «Для того, кто верит, Бог есть, а кто не верит, для того Его нет». На мой сегодняшний взгляд, она ответила просто и мудро. Позже, когда отцу задала этот же вопрос, он, будучи убеждённым коммунистом-атеистом, твёрдо ответил: «Космонавты летали в космос, никого там не встретили. Значит, Бога нет».

Мама же верила в Бога-Кудая, в Хозяина гор, в присутствие в природе всевозможных духов. В нашем селе Суета-Сётуг многие шорские женщины в праздники любили плясать под национальные частушки, которые сами исполняли. Мама, когда её приглашали плясать, отказывалась. Мне же нравились задорные пляски, и когда я спрашивала маму, почему она отказывается плясать, та вполголоса отвечала: «Тот, кто пляшет на этом свете, на том свете будет плясать на раскалённой сковороде». Вот таким был бесхитрый ответ.

Когда отца направили в аймак Сётуг, по-русски Большая Суета, директором школы, нашей семье выделили дом. В Суете я и пошла в первый класс в 5 лет, но об этом позже. Этот аймак был, похоже, очень древним и многочисленным шорским поселением, хотя позднее туда ссылали раскулаченных кержаков-староверов, но они были в меньшинстве, жили обособленно.

Большая Суета состояла из четырёх селений, удалённых друг от друга на два или три километра. Каждое поселение называлось стан. Тот, где мы жили, назывался Лапке-стан.

Это был центр, где располагались школа, магазин, медпункт, склады, конюшни, кузница. Кузница находилась ниже нашего дома. Я любила туда сбегать. Заворожённо смотрела, как кузнецы работают с раскалённым добела железом, как горит в полумраке огонь, который раздували время от времени. Туда съезжались нередко всадники, чтобы подковать своих коней.

Далее продолжу разговор о станах.

Следующим поселением был Ореги-стан, то есть верхний, затем Табере-стан, средний, и Ортагы-стан, нижний. Шорское население жило настолько дружно, что даже в магазин приезжали коллективно. Мне нравилось рассматривать длинные караваны, состоящие из 15-20, а где и более конных всадников, которые чинно проезжали мимо нашего дома, направляясь в магазин. Это для меня, маленькой девочки, было событием. Я бежала вслед за ними к магазину, который находился недалеко от нашего дома. Всадники важно спешивались с коней, о чём-то беседовали, дымили трубками, смеялись. Чувствовалось, что их неблизкий поход в магазин был своеобразным отдыхом от трудовых дней, праздником души, который люди продлевали общением здесь же, недалеко от магазина, под открытым небом.

Совершив необходимые покупки и расседлав своих коней, люди усаживались кто куда: на сёдла, на траву, общались, ели, пили, пели песни и веселились. Затем, к вечеру, таким же многочисленным, но уже более оживлённым, шумным караваном поднимались с мест и уезжали. После их отъезда в нашем аймаке вновь воцарялась сонная тишина и череда однообразных будничных дней – до следующего очередного каравана.

В разные периоды детства, возможно, вдохновлённая прочитанными книгами, отцовскими рассказами, а может от худо-бедно накопленных жизненных впечатлений, мне хотелось стать то археологом, то «Мичуриным». Но самое смешное то, что у меня был период, когда очень хотелось внешне быть похожей на М. Ю. Лермонтова. Взяв в руки книгу с портретом поэта, я вставала перед зеркалом и, глядя на портрет, зачёсывала свои короткие стриженные волосы, чтобы было как «у Лермонтова». Благо, что у меня были кудрявые волосы, доставшиеся в наследство от отца. Осталось загадкой, почему у меня не появилось желания быть похожей на кого-то из поэтов-женщин? Может, потому, что отец любил иногда вечерами декламировать стихи Лермонтова. Особенно талантливо у него это получалось, когда он, распробовав медовухи, находился в приподнятом расположении духа: «Погиб поэт, невольник чести...» – произносил вдохновлённо отец. Закончив стихотворение, подробно рассказывал о том, как погибли А. С. Пушкин и

М. Ю. Лермонтов, и выражал отрицательное отношение к врагам поэтов, повинных в их смерти. Мы же, маленькие дети, солидарные с мнением своего отца, негодовали на убийц поэтов и вместе с ним горевали по причине их гибели.

Археологом хотела стать тоже оттого, что была под впечатлением рассказов отца об исторических раскопках, находках в разных странах. Однажды мама, кивнув на гору, поросшую травой и кустарниками, пояснила, что там когда-то были улицы, жили люди. Тогда, взяв лопату, я пошла одна «на раскопки». Мне было примерно 9 лет. Поковыряв где-то с час каменную землю лопатой, заработав кровавистые мозоли на ладонях, разочарованная, вернулась домой и резко расхотела стать археологом.

Через всю жизнь несу в памяти благодарность своей маме за то, что, когда я – в 8 или 9 лет – сообщала ей, что хочу стать «Мичуриным», она с пониманием относилась к моей очередной мечте, не смеялась и не отговаривала. А когда я попросила её выделить небольшой земельный участок под «мичуринский» сад, она с серьёзным лицом вскопала для меня землю, не приставая к расспросами.

В то время в моём детском воображении рисовалась картина, что для того, чтобы создать «мичуринский» сад, нужно просто выкопать в лесу молодые берёзки, кедры, пихты и пересадить на свой участок – будущий сад. Так я и поступила. Несколько дней, как говорится, пролив «семь потов», буквально приволакивала из леса разные саженцы и вдохновенно садила. Но, к моему удивлению и сожалению, ничто не прижилось, кроме берёзки и смородины. За ними я продолжила всё же ухаживать, поливала и радовалась их росту. Но как-то обнаружила, что берёзка кем-то срублена. Несмело спросив маму о том, кто это сделал, услышала: «Папа срубил берёзку. Она мешала развернуть нарты из-за глубокого снега». Так угасла моя мечта. Некоторое время не проходила обиды на отца, но со временем я её забыла, простила ему срубленную берёзку.

Чтобы никто из нас, детей, не пожелал стать учителем, отец, как бы отговаривая заранее, говорил: «Только не учителем – это сложная профессия, связанная с душой человека, и самая нервная работа». Возможно, он считал так потому, что ему приходилось обучать детей, совершенно не знающих русского языка, а говоривших только на родном шорском. Видимо, непростая ситуация с языками осложняла его работу, и потому он нас предупреждал. Но, похоже, отец ответственно относился к своей профессии, судя по хорошим отзывам педагогов с. Усть-Анзас. Учителя отмечали высокую подготовленность выпускников Суевинской школы, занимавшихся у Василия Васильевича Каньштарова, –

все они переходили в Усть-Анзасскую школу для продолжения учёбы в старших классах.

Вспоминая своё раннее детство, то, как мои мечты рождались и угасали, я теперь понимаю, что это были ранние неосознанные искания смысла жизни.

Ясно запомнилось первое желание написать стихотворение где-то в 5 лет. У меня были две любимые игрушки – медведь и заяц. Если только было возможно, брала их с собой. Помню, был ясный солнечный день. Родители ушли на сенокос, оставив меня под присмотром кого-то из старших детей. Но им, видимо, было не до меня, и я была предоставлена сама себе. Взяв свои любимые игрушки – медведя и зайца, вышла на улицу за ограду дома. Огляделась, вижу: небольшая горка. На самом деле это была навозная куча, которая со временем обросла травой и цветами. Вскарабкавшись на вершину горки со своими друзьями-игрушками, я стояла, крепко прижимая их к себе. Запомнилось чистое голубое небо с ослепительным солнцем, от яркого света которого вынуждена была жмуриться. Над цветами порхало много бабочек. Вокруг была тишина и покой. Видимо, от тихой радости на душе и избытка чувств я ещё крепче прижала к себе медведя и зайца и произнесла что-то вроде: «Мишка и заяц, я вас так люблю, что про вас хочу написать стихотворение...» – но, помню, мгновенно осеклась, вспомнив, что писать-то ещё не умею. Стало грустно. Опустив голову, я поплелась домой. До сих пор помню то острое ощущение безысходности и бессилия из-за неумения писать.

Позже, только в шестом классе, появилось осознанное желание выражать чувства в стихах. Видимо, именно этот случай с игрушками-друзьями и стал для меня тем отправным моментом, когда появилось сильное желание учиться, поэтому в школу я пошла в пять лет. Мама же, вспоминая мой первый поход в школу, говорила: «Погналась за папой...». Отец в то время работал директором школы.

Первый поход случился каким-то спонтанным и немного комичным. Как-то незадолго до первого сентября отец с матерью сидели вечером за столом, пили чай. У них было приподнятое настроение. Они шутили, смеялись, о чём-то беседуя. Привлечённая их весёлым настроением, я тихо присела к ним за стол. Они в этот момент обсуждали что-то связанное с началом учебного года. Заметив меня, мама, видимо, в шутку весело произнесла: «Кызым, (дочь), тоже скоро в школу пойдёт». Восприняв мамины слова всерьёз, я молча встала и пошла в комнату с книгами. Нашла там старый, отживший свою долгую жизнь портфель со сломанной застёжкой, напихала в него наугад первые попавшиеся на глаза книги. Затем взяла чернильницу, ручку с пером и исчиркала весь

подоконник закорючками, думая про себя: «Вот уже так готовлюсь к школе». Позже за эту «писанину» получила выговор от родителей.

На следующий день, рано утром сквозь сон слышу разговор родителей. Прислушавшись, начала понимать, что мама провожает отца на работу в школу. Значит, наступило первое сентября, догадалась я. И с отчаянием поняла, что меня отец не собирается брать с собой. Вскочив с постели, подбежала к двери. Уже готовая расплакаться, спросила родителей: «А я?». Родители недоумённо переглянулись. Когда я им напомнила мамины слова про школу, они вновь многозначительно посмотрели друг на друга и заулыбались: «Мы же пошутили тогда». Я горько заплакала от обиды. Не выдержав моих слёз, отец сказал маме: «Пусть идёт. Школа ей быстро надоест».

Быстро надев первое попавшееся на глаза платье (меня заранее не готовили к школе из-за малолетства) и схватив приготовленный с вечера тяжёлый портфель с ненужными книгами, я пошла вслед за отцом. Расстояние от дома до школы было один километр. На всю жизнь запомнилась моя первая мучительная дорога в школу, так как весь длинный путь пришлось самой нести тот тяжёлый портфель. Отец невозмутимо шёл впереди, лишь изредка краешком глаза поглядывая на меня. В руках у него была только лёгкая кожаная папка с документами, но он так и не взял из моих рук злополучный портфель. Похоже, таким образом он испытывал моё терпение для того, чтобы у меня пропало желание ходить в школу.

Тот путь усложнялся ещё тем, что с моих тонких ножек (пятiletней девочки) спадали вниз чулочки, которые держались на резинках (колготок тогда не было). Не выпуская из рук увесистого портфеля, приходилось время от времени, на ходу, поочерёдно подтягивать вверх чулочек то на одной ноге, то на другой. Невыносимо трудно было идти, хотелось плакать, но я терпела и не подавала виду, что мне тяжело, — опасалась, что отец вернёт меня домой и больше не возьмёт в школу.

Когда мы всё-таки дошли до школы, отец привёл меня в класс к старшеклассникам. Видимо, он преподавал у них. Посадив за первую парту, стал что-то писать на классной доске и объяснять детям. Мне стало скучно, так как я не понимала, о чём он там пишет. Тогда я развернулась лицом к старшеклассникам, спиной — к доске и начала внимательно разглядывать лица. В классе началось оживление, шёпот, затем хихиканье переросло в смех. Недоумённо глядя на смеющихся детей, я не понимала, отчего им так смешно. Выручил отец. Не делая замечаний смеющимся детям, он подошёл ко мне, взял за плечи и мягко повернул лицом к доске со словами: «Ты села наоборот, потому дети и смеются», — и продолжил урок.

Когда зазвенел первый звонок, все ученики сорвались с мест и побежали кто куда. Ничего не понимая, глядя им вслед, я решила: «Если все бегут, значит и мне нужно бежать». Схватив свой грязный портфель, тоже побежала. На крыльце встретился взрослый мальчик, который, увидев меня с портфелем в руках, спросил: «Ты куда?». Я ответила: «Домой». Тогда он озабоченно произнёс: «Домой рано. Это был звонок на перемену». «А что такое перемена?» – задала я ему вопрос. Он с деловым, важным видом объяснил, что перемена – это короткий отдых, и что можно баловаться и бегать. Тогда бросив тут же, где стояла, на крыльце, свой портфель, я начала вместе со всеми детьми бегать, думая про себя: «Видно, так положено в школе в обязательном порядке». Позже отец нашёл брошенный мною портфель и занёс в свой кабинет, объяснив затем мне, что все школьные принадлежности нужно оставлять в своей парте.

Таким и запомнился мой первый поход в школу, который разноцветной картиной живёт в моей памяти. Все последующие дни учёбы в первом классе в памяти не сохранились.

С годами, оглядываясь назад, в прошлое, удивлённо думаю: каким же сильным в то время было бессознательное желание учиться у той маленькой девочки, которая осталась в невозвратном детстве. Когда же стала взрослеть, родители часто вспоминали о моём первом походе в школу со словами: «Мы думали, что бросишь ходить в школу, а ты втянулась».

Хотелось бы и рассказать о том, как отец учил меня писать, может быть, тот пережитый мной невесёлый опыт пригодится кому-то.

Я родилась левшой, и природный недостаток превратился в проблему для меня и моих родителей. Отец огорчённо говорил: «Если мальчик левша, то ещё куда ни шло, а если девочка...» – и грустно умолкал.

По шорским обычаям считалось, что если в семье есть левшамальчик, то нужно скрывать этот факт, а уж если девочка, то вдвойне. Например, когда мне приходилось веником мести пол, а в это время какой-нибудь гость заходил в дом, то мама просила, чтобы я взяла веник в правую руку. Но заметив, как мне трудно работать правой, поручала завершить работу кому-нибудь другому из семьи.

Обучение чистописанию и переучивание – держать ложку в правой руке – в моих воспоминаниях остались чередой страданий. Отец нервничал, строжился, когда я инстинктивно брала ручку или ложку в левую руку. Держать ложку и писать всё же переучил, но почерк... он и по сегодняшний день оставляет желать лучшего.

Всю остальную работу я по-прежнему делаю левой рукой: шью,

режу ножом, ножницами и т.д. Но грустно, что из-за этого недостатка во мне выработался «комплекс неполноценности». Я начала избегать большого количества людей, стала болезненно застенчивой в школе, не испытывала желания выходить к доске, садилась всегда за последнюю парту. Плохо понимала предметы по точным наукам, по ним чаще всего имела тройки. Предпочтение оказывала гуманитарным предметам, по которым были положительные оценки.

Отрёшённно сторонясь общества, прочитывала множество разнообразных книг, видимо, таким образом уходила от реального мира в мир грёз. В иллюзорном мире было интересно и спокойно. Училась я в школе-интернате г. Междуреченска в 9-м классе, когда главный библиотекарь к концу 1973 учебного года решила подвести итоги и подсчитать, кто из школьников больше всех прочёл библиотечных книг. На школьной линейке объявили мою фамилию, сообщив, что за учебный год мною прочитано более пятисот. Мне эта новость самой была удивительна, ведь чтением я старалась приглушить одиночество и тоску по дому, не задумываясь о количестве прочитанных книг.

В этом же интернате с 9-го по 10-й класс я была членом редколлегии школьной газеты «Комсомольский прожектор». Одноклассница Рая Садыкова талантливо рисовала, а я писала к её рисункам стишки-шаржи.

Как-то в 10-м классе преподаватель литературы организовала поездку нашего класса на шахту «Распадская», для того чтобы мы, взяв интервью у разных шахтёров, написали очерки о шахте, известной в то время на всю страну. Похоже, что мой очерк удался, так как его зачитали, как образцовый, в классе. Преподаватель говорила, что отправит его в газету.

Ситуация с моей учёбой выглядела так: некоторые проблески по гуманитарным предметам, но по точным наукам – геометрии, алгебре, было чуть ли не с точностью до наоборот. Преподаватели удивлялись такому контрасту и спрашивали меня: «Почему, в чём причина?». В ответ мне приходилось только пожимать плечами.

Для того чтобы окончить 10 классов, мне пришлось обучаться в разные годы в трёх школах-интернатах: в Усть-Анзасском с 5-го по 7-й классы, в Таштагольском – 8 класс, в Междуреченском – с 9-го по 10-й классы. Эти годы учёбы, по моему мироощущению, были годами испытаний, одиночества и тоски по дому, о которых нет желания рассказывать.

В особо грустные минуты я думала о маме. Вспоминалось, как она брала меня, восьмилетнюю, с собой в дорогу протяжённостью в 21 километр по безлюдной тайге, из аймака Сётуг в Усть-Анзас, чтобы наве-

стить свою маму и родных. Там прошло её детство и юность. Мы выходили из дома рано утром и приходили к вечеру в Усть-Анзас.

В маме чувствовалась какая-то покорность судьбе: в словах, жестах и даже одежде. Повязав платок на волосы, концы завязывала узлом сзади на шее, поверх тонких сатиновых шаровар – женских брюк – надевала платье, длиной доходящее чуть ли не до щиколотки. Перед выходом из дома она складывала в старенький рюкзачок нехитрый съестной паёк, вешала его за спину, и мы неторопливо шли с ней по дороге в Усть-Анзас. В пути она рассказывала о своей жизни, о несбывшихся мечтах. Мы любовались горами, цветами, иногда нашу тропу перебежали разные зверьки, птицы. Нам вместе было хорошо, радостно. Жизнь мне казалась прекрасной и безоблачной. Я чувствовала себя защищённой в этом малопонятном мире.

Когда мы спускались с горы, перед нами открывался панорамный вид на реку Мрасс. С высоты горы река блестела, сверкала будто зеркальная, и слышался нарастающий шум воды. У мамы в такие мгновения наворачивались слёзы, и она, не то восклицая, не то со стоном произносила: «О, кайран Прасын...», т. е. «О, родной Мрасс...». Я, будучи маленькой девочкой, вопросительно смотрела на маму, мало понимая причину её слёз. Те же чувства и слова возникали у неё при приближении к Усть-Анзасу, когда возникал перед нашим взором суровый Айган – гора, живущая в каком-то вечном таинственном полумраке.

С годами я всё острее понимаю, как же она тосковала по своей родне, вынужденная жить вдали от родных мест. Скорее всего, большинство шорцев, выросших на берегах древней реки Прас-Мрасс – колывели предков, испытывают священный трепет при каждой новой встрече с рекой.

Именно эти тёплые воспоминания о родителях, родном доме помогли мне терпеливо выживать в холодные интернатские годы. Когда я окончила школу в 1974 году, преподаватель русского языка и литературы написала мне характеристику для поступления в институт, в которой отмечала, что у меня есть способности (почему-то) к журналистике, хотя она читала только мои школьные стихи, пусть даже далёкие от совершенства.

В институт я не поступила, так как мои родители к этому времени уже не в состоянии были финансово поддерживать меня, а через несколько лет их не стало на этом свете.

Так как я окончила 10 классов в 16 лет, то при поиске работы для выживания работодатели отказывались принимать меня, говоря: «Иди, девочка, в школу, доучивайся». Когда я им предъявляла аттестат об окончании школы, отвечали: «Посиди год-два дома, а потом приходи».

В моменты отказа принять меня на работу я была рада тому, что отец из-за проблем со зрением оставил меня в четвёртом классе на второй год, но в детстве за это на него обижалась. А так как в школу пришла в пять лет, о чём выше уже упоминала, то ситуация с устройством на работу в 15 лет была бы ещё безысходней.

С большим трудом приняли швей в Универбыт. Затем без отрыва от производства окончила Иркутский технологический техникум по специальности «технолог швейного производства». Многие годы работала в «Росторгодежде» товароведом по качеству промышленных товаров. Эта профессия была востребована, уважаема в период тотального дефицита. Казалось, можно было бы спокойно жить, но в душе не было покоя, не покидало чувство неудовлетворённости.

Я жила с ощущением, что не своим делом занимаюсь. Конечно, рождение и воспитание троих сыновей, печальная утрата двух новорожденных детей на многие годы прервали интерес к творчеству. Но Небо, проведя через испытания, всё же оказалось милостиво к моей судьбе.

Только окончив литературный институт им. Горького, Высшие литературные курсы, я обрела некоторое удовлетворение, равносильное утолению жажды. Однако учиться было психологически непросто. Зная, что намного ранее эти же курсы окончили Чингиз Айтматов, Виктор Астафьев, Расул Гамзатов и другие, жила и училась с ощущением тревоги: «На своём ли я месте, правильно ли мною избран путь?»

Учеба в Литературном институте стала для меня своеобразной дверью в другой мир, потрясением, в положительном смысле этого слова, пересмотром не только творчества, но и отношения к своей жизни в целом. Об этом можно много говорить, но не сейчас.

Мне повезло ещё и в том, что я проходила обучение на семинаре поэзии у большого российского поэта Юрия Поликарповича Кузнецова. Записи его лекций храню в своих тетрадях.

Из его наставлений запомнила три главных момента:

1. Есть слова, которые унижают человека, и потому, слово должно быть возвышенным.

2. В поэзии нужно «бить точно», ибо невозможно создать нечто серьёзное, отвлекаясь на несколько разных занятий. Поэзия ревнива – она предпочитает верных.

3. Есть такое снисходительное определение в литературе – женские стихи, стишки, к коим можно отнести поэзию большинства пишущих женщин. А если женщина пишет твёрдым, уверенным слогом, похожим на мужской, ясно мысля, то она состоявшийся поэт.

Помня наставления великого мастера, поэта Юрия Кузнецова, есть желание сказать и своё слово в шорской литературе. Сегодня, анализи-

руя своё раннее творчество, что-то бы пересмотрела, в основном написанное до учёбы в Литературном институте. В тот наивный творческий период я смотрела на мир широко распахнутыми глазами, полными надежд и веры в светлое будущее. Ведь любая река начинается с ручейка. Мой же ручей, пробившись из неведомых недр, весело побежал к солнцу, не ведая о том, что впереди его ждёт множество препятствий: подводные камни, валуны, речные пороги и неожиданные повороты судьбы. Но всё же я благодарю судьбу и Небо за то, что, проведя через испытания, они даровали мне некие знания, опыт. И очень надеюсь, ведут по направлению к мудрости.

Размышляя о творчестве, ловлю себя на мысли, что иногда возникает соблазнительное желание идти в стихах по пути снов и мечтаний. Хотя прекрасно понимаю, что это лёгкое и одновременно тупиковое направление, просто сладкая музыка слов, которая, кроме обольщения, приводит к пристани по имени «разбитое корыто». То есть такие стихи никому не пригодятся, а если они не будут востребованы, зачем их писать.

Работая над словом, я не стремлюсь к изобретению головокружительных рифм, умопомрачительных расфуфыренных метафор, похожих на распутившийся павлиний хвост. Ведь вдохновение, мысли по ощущению рождаются из «копилки» всевозможной информации, заложенной с самого раннего детства. Не зря же говорят, что дети – это сосуд, который наполняется в детстве. Меня как-то по-особенному волновало содержание древних шорских сказаний, услышанных в детстве от отца и заезжих гостей-путников. В настоящее время я их тоже иногда перечитываю, но воспринимаю уже по-иному, чем в детстве. Хотя до сих пор меня не покидает ощущение, что в сказках, легендах, сказаниях скрыты дремлющие в сознании человека глубокие загадочные воспоминания, которые «окликают» нас в сегодняшнем дне, зовут в прошлое манящей тайной.

Здесь будет уместна мысль аргентинского философа Хорхе А. Ливроли, которая была записана в школьной тетради, куда я вносила понравившиеся изречения.

«Хотя Человек, когда рождается, должен всему учиться заново, но всё же в его глубинах существуют скрытые потенциалы, связанные с опытом его далёкого прошлого. Они очень быстро проявляются и принимают форму в зависимости от индивидуальных способностей каждого. Самая живая, скрытая в нас потенциальная сила – это философия. Ибо для того, чтобы стать философом, никогда не было нужно и никогда не потребуется уметь читать и писать».

О многом ещё есть желание размышлять, говорить: о любви, о многогранности и многоцветности жизни, прекрасной и кратковременной, как радуга. И прежде всего хочется говорить о дымной горечи памяти шорского народа. Поэтому, говоря голосом прошлого, обращаюсь к настоящему. Но, глядя в прошлое, не питаю надежд удержать его или продолжить. Главная цель моего творчества – чтобы ныне живущие, следующие поколения, другие народы помнили, знали, каким было прошлое шорского народа: как люди жили, во что верили, что умели, как любили, что волновало их.

Очень надеюсь, что пока рано подводить итоги своей жизни, так как о многом ещё хочется поведать. Но всё же когда-нибудь, когда придут другие времена, когда от нас останутся только имена (и то под вопросом), хотелось бы оставить после себя некое поэтическое послание, прежде всего об истории жизни шорского народа на изломе 20 – 21 веков, пусть даже и печальное.

В этой автобиографии у меня не появилось желания говорить о своём настоящем дне. Жизнь всё расставит по своим местам.

P.S. Хочу внести дополнительную информацию о моём имени Та-ня. В прошлом в разных шорских аймаках это имя произносилось в нескольких вариантах: Таний, Танэ, Тайанэ, Тайана. Мне ближе Тайана. В далёком прошлом запрещалось давать детям шорские имена, ныне же этому никто не препятствует.

В этом автобиографическом рассказе я сделала акцент на прошлом, так как никто, кроме самого автора, не сможет достоверно передать мировосприятие и формирование человека с самого раннего детства.

С уважением

Таня-Тайана Тудегешева

16.10.2013 г.

Книги Тайаны Васильевны Тудегешевой:

Поющие стрелы времён: стихи и проза из шорского фольклора / Перевод с шорского. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 2000

Небесный полёт девятиглазых стрел: сборник стихов // Таiana Тудегешева-Каньштарова / Текст русский, шорский. Содержание: циклы: «Сквозь столетий туман», «Думы-караваны», «Листва времён», «Нежность ветвей», раздел стихотворений на шорском языке и два небольших добавления: «Из шорского фольклора» и «Песни». – Кемерово: Кузбасс, 2007.

Гимн Шории // Кузнецкая крепость: литературно-худож. альманах управления культуры администрации г. Новокузнецка. 2006.

Крест на священной шорской горе: стихи / Таiana Тудегешева // «Кузнецкий рабочий». № 93. 9 августа 2003 г.

Элимай: стихи о мире природы Горной Шории / Тайана Тудегешева-Каньштарова (Стихи-загадки для детей и их родителей на шорском и русском языках. Книга необычна тем, что в ней рассказывается о характерах, повадках зверей и птиц с точки зрения малочисленного коренного населения Кузбасса шорцев). – Кемерово: Примула, 2013.

Сибиряки: стихи / Таяна Тудегешева // Энциклопедия писателей Кузбасса. – Новокузнецк: Союз писателей, 2014.

По ту сторону шорских гор: стихотворения: к 70-летию Кемеровской области / Тайана Тудегешева-Каньштарова. – Кемерово: Офсет, 2013.

Медногрибое солнце встаёт: сборник стихотворений / Тайана Тудегешева-Каньштарова. – Кемерово: «Технопринт», 2017.

Любовь Арбачакова (род. в 1963 г.)

Без её творчества невозможно представить себе шорскую литературу и современную лирику Кузбасса, а также изобразительное искусство шорского народа.

Родилась 1 мая 1963 года в деревне Анзасс Таштагольского района Кемеровской области.

Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт, аспирантуру Института Филологии СО РАН.

Член Союза писателей России с 1997 года,

Член Союза художников России с 2005 года.

Старший научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск).

Ученый-фольклорист, кандидат филологических наук, опубликовала ряд исследований по шорскому народному творчеству: «Текстология шорского героического эпоса» (Новосибирск: «Наука», 2000); «Шаманы Горной Шории» (Новокузнецк: «Кузнецкая крепость», 2004). Составитель сборников «Алып Кускун. Шорское героическое сказание» (Новосибирск, 2011); «Фольклор шорцев» (Новосибирск, 2010), автор словаря шорского языка в картинках «Каас-пичиги» (2002, совместно с Ф. Г. Чиспияковой).

Любовь Никитовна Арбачакова – признанный деятель шорской культуры в России. Несколько лет (2000 – 2003 гг.) руководила Шорской национальной писательской организацией.

Автор нескольких книг стихотворений на шорском и русском языках, постоянно публикуется в центральных и региональных изданиях: в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Литературный Кузбасс», в альманахах «Кузнецкая крепость», «Кай».

Регулярно проводит выставки своих живописных и графических работ с 1992 года (в городах Кузбасса, в Новосибирске, в Москве, в Германии). Стажировалась на X Международной творческой лаборатории стран-участниц ТЮРКСОЙ – Анкара, Турция (2006).

Лауреат именной Кузбасской премии им. Николая Бачинина (Живопись). Награждена Малой золотой медалью в номинации «Живопись. Свежее искусство Сибири» (2002, 2003 гг.)

Часто выступает перед аудиторией в школах и библиотеках.

Живёт и работает в г. Междуреченск Кемеровской области.

Награждена медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени, «За веру и добро».

В 2019 году вышла в свет новая книга Любви Арбачаковой «Затерялась я во вселенной» (Кемерово: ООО «Технопринт»; 168 стр. с иллюстрациями). Это сборник избранных стихотворений кузбасской поэтессы на русском и шорском языках. В качестве предисловия в книге напечатано эссе – художественно-документальный рассказ автора о своём детстве.

Любовь Никитовна Арбачакова

МОЁ НЕЗАБЫВАЕМОЕ ДЕТСТВО

Я родилась и выросла в деревне Анзасс (Онзес) из пяти домов, где мы жили без электричества и других благ цивилизации. Однако любовались белоснежно-ослепительной зимой, весенними полянами, с разноцветьем и пением птиц, тёплым летом с ароматами лесных трав, золотой осенью со спелыми ягодами черёмухи, рябины.

Мы росли среди скромных и работающих людей, которые научили меня трудолюбию...

Анзасс, окружённый высокими горами-защитниками, представлялся мне вечным домом, храмом, космосом. Но, увы, ныне Анзасса нет, да и Чилиссу-Анзасс (районный центр) уже умирает. А тогда он мне казался огромным – с сельсоветом, магазинами, школой-интернатом, клубом, а главное, с электричеством, пусть оно и подавалось лишь в вечерние часы.

За годы наше семейство разрослось: четыре брата и три сестры. Я родилась четвёртой (средней): у меня было два старших брата и два младших, одна старшая сестра и младшая. Перед самым младшим из

нас, Сергеем, появился восьмой ребёнок – Оля, к несчастью, умершая, кажется от простуды, в три месяца...

Сегодня нас осталось трое: брат, я и сестра Октябрина.

По воспоминаниям мамы, перед моим рождением она видела во сне красивые платки с цветочными узорами и предрекла мне богатую жизнь. Сейчас мне кажется: то красочное её сновидение означало моё будущее художника. Возможно, я ошибаюсь... Она о каждом из нас перед родами видела сны, по которым пыталась предсказать нашу судьбу.

Мама рассказывала, что в день моего рождения папа на рассвете принял меня, а потом пошёл в стайку, где нашёл новорождённого жеребёнка, мы с ним появились на свет одновременно. К сожалению, жизнь его оказалась много короче моей.

Но с другой лошадей, по кличке Красотка, я вместе выросла: пока родители косили сено, я на ней сидела, а она щипала траву, с ней мы возили копнами сено, дрова. На ней я не раз ездила в Чилиссинский магазин, а в конце августа провожала то брата, то сестру до Кичей, чтобы они могли дальше по грунтовой дороге добраться до города Таштагола. Если везло, то путников подбирала попутная машина, а иногда приходилось идти пешком.

Лошадь – умное животное, я свою Красотку считала подругой: с ней разговаривала, пела ей песни, угощала солью... Летом животные вольно паслись, а кони изредка появлялись в деревне – становилось празднично! Мы, дети, выходили на улицу и любовались ими. Они были разномастными: наша гнедая с белой звёздочкой на лбу, у соседа Николая – вороной, у другого – серая в яблоках, у третьего – светло-рыжей масти...

Я родилась в старом доме, а к рождению брата Юры, появившегося через два года после меня, построили новый дом. Вот в нём мы почти все дети и выросли. Он был, по моим восприятиям, самым большим и красивым из всех домов! Ведь в то время в нашей деревне окон с голубыми наличниками и шиферной крышей не существовало. Видно, папа, часто посещавший Таштагол, строил его на городской манер.

Двухкомнатный дом был обставлен современными предметами быта: в первой комнате висели большие часы, был и буфет ручной работы. Ещё мне запомнился великолепный петух, ярко вышитый мамой нитками мулине. Здесь же рядом с печью стояла железная кровать, где мы спали по три-четыре человека. Во второй комнате стояли диван, этажерка, сделанная руками отца, зеркало, круглый стол. В дальнем углу была кровать родителей, а напротив неё – наа-койка (новая кровать), в которой никто не спал, так как там хранилось наше приданое – аккуратно сложенные ватные, шерстяные, стёганные одеяла. Иногда мама пока-

зывала нам уголок какого-нибудь из них и говорила, кому оно предназначено. Обычно до меня очередь не доходила! Я с её мнением не была согласна, так как в её отсутствие давно уже выбрала себе самое красивое и мягкое, из верблюжьей шерсти, одеяло, обещанное старшему – Борису.

Ещё вспоминается волшебный сундук, он всегда держался на замке. Изредка, в отсутствие папы, мама открывала и показывала нам его содержимое: документы, деньги, а самое интересное для меня – разноцветные платки, ткани, красивые платья, юбки, бусы... Сундук для нас – табу! Его самостоятельно не открывали, да и ключей мы никогда не видели, они где-то надёжно прятались.

В нашем доме имелось ещё одно запретное для нас помещение – кладовка! Там держали не только продукты: мясо сушёное, талкан, мешки с сахаром, мукой, ящики с лапшой. Там находилось дедовское охотничье снаряжение: ружьё, лыжи, подбитые мехом, кожаная обувь, самодельные сумки для пороха и пуль, ножны, а также кресало и огниво. Нам было безумно интересно всё это потрогать. В обуви лежала мягкая сухая трава озагат, я любила её оттуда вытаскивать.

Хоть я и не увидела дедушку и бабушку, папиных родителей (они умерли задолго до моего появления – где-то в середине пятидесятых годов), но через эти вещи чувствовала какую-то связь с ними.

Дед по материнской линии не вернулся с войны, а бабушки не стало в начале семидесятых. Я её помню, хотя она практически не принимала никакого участия в нашем воспитании, так как жила примерно в 14 километрах от нашей деревни.

Наш дом был ещё интересен чердаком. Летом старшие дети там спали, а маленькие не допускались. Зато мы «отрывались по полной» в отсутствие взрослых: бегали по чердаку, играли в прятки. Как помню, у основания трубы стояли женские и мужские фигурки, размером около 15 см., сшитые из холста, глазки были из чёрного бисера. Потемневшая от времени и жирного угощения ткань на куклах выглядела непривлекательно, всё же однажды они исчезли оттуда. Позже я узнала, что это были хранители домашнего очага и защищали от потусторонних, опасных сил.

В то время наш дом славился ещё одной диковинкой – радио. Иногда под русские народные песни, под голос Людмилы Зыкиной, звучащий из того радио-чуда, я засыпала и просыпалась. Они производили на меня необъяснимое воздействие, я долго лежала, наслаждаясь этими прекрасными песнями.

Мама была неграмотной, многодетной домохозяйкой, она с трудом расписывалась при получении детского пособия. Папа тоже имел лишь

начальное образование, однако был энергичным, работающим, но, увы, безработным. Когда в деревне Белка, что находилась в 5 километрах от нашей, появлялись геологи, он устраивался разнорабочим в их геолого-разведочную партию на временную работу. Тогда ему приходилось ежедневно бегать по утрам в эту деревню, а после работы, возвращаться вечером.

Так он работал, может быть, месяца 2-3, а в остальное время мы жили на то, что могли добыть собственным тяжёлым трудом. Семья была большая, поэтому мы держали и большое хозяйство: 1-2 лошади, жеребята, 3-4 коровы, телята, овцы, иногда у нас водились поросята, куры. По воспоминаниям сестры Октябрины, кур всех перебили после того, как они стали нестись мелкими яйцами, а это считалось плохим знаком.

Таким образом, чтобы прокормить столько ртов, нам приходилось всем много работать летом. В двух километрах от дома сеяли ячмень, из которого готовили вкусный талкан. Им лакомились в тяжёлое сенокосное время. Покос длился месяц или полтора: с конца июня до начала августа. В свободное от покоса время носили воду из речки, доили коров, кормили телят. В общем, домашней работы – уйма!

В конце августа по сентябрь мы били шишки в родовых угодьях, доставшихся нам по наследству от деда. В стане папа выбирал самый раскидистый кедр, под которым мы устраивались на ночлег. Постелью нам служили еловые лапы и папоротник, а рядом было место, куда высыпали собранные шишки. Папа и мои братья уходили сбивать шишки, а мы с мамой шелушили их вручную при помощи двух ребристых досок (паспак, паспакпалазы), а затем провеивали. Домой увозили «грязный» орех, который ещё раз обязательно перекидывали длинной лопаткой-курчек, чтобы он стал «чистым»...

Тяжёлый и опасный труд (один наш дальний родственник погиб, упав с высокой кедр).

Орехи папа иногда отвозил в город и продавал, а чаще за копейки сдавал в Чилисинский магазин, где хозяйничали бывалые приёмщики.

Иногда он охотился, дома всегда имелось несколько шкурок норок и белок. На вырученные деньги покупалась одежда, необходимая для холодной зимы: фуфайки, валенки, мужские шапки или тёплые платки. Рукавицы и носки вязала мама из овечьей шерсти.

Весной мы готовили дрова на зиму: пилили двуручной пилой, кололи, а затем складывали в поленницы. Эти дрова летом не трогали, для топлива в летней кухне-одаг использовался хворост. В избе в месте очага стоял треножник, на котором в чугунках варились еда, а в казане мы жарили ячмень.

За хворостом ходили в лес по несколько человек. Там, собрав сушняк, перевязывали его верёвкой и, с трудом подняв, несли его на спине домой. До сих пор остались неприятные чувства от сухих колючих ветвей, которые впивались в спину.

Однажды мы с сестрой стали виновниками пожара в одаге. Папа с мамой ушли на покос, а в летней кухне оставили вялить мясо. Нам наказали поддерживать небольшой огонёк. Стояла жаркая погода, мы набросали в костёр побольше дров и убежали на речку искупаться. Видимо, увлеклись, а когда шли назад, увидели большой пожар, доносились шум и крики деревенских. Люди бегали за водой на речку и тушили пылающую избушку. К удивлению, им удалось погасить огромное пламя, не дав избе сгореть дотла. Она, пока не развалилась, так и простояла обугленная...

Ох, и досталось нам в тот день от папы! Вся моя спина была исполосована тонкими сырыми ивовыми прутьями. Я тогда долго лежала, уткнувшись в колени мамы, и рыдала, а она гладила меня по голове и тихо плакала.

Летом, после сенокоса, нас иногда отпускали на речку Пызасс, протекающую в 4 километрах от нашей деревни: она была крупнее и теплее нашего Анзасса, и там можно половить вилкой мелких рыбок, ленивых широкоголовок (подкаменщиков), а если везло – шустрых усачей. От всего этого мы были на седьмом небе: от души накупавшись, к вечеру с полным бидоном рыбёшек возвращались домой уставшие, но счастливые.

Мама радовалась нашей добыче и, почистив рыбок, либо жарила, либо варила суп-гутпаш. Лапша готовилась из теста в виде мелких галушек. Папа не любил мелкую рыбу, презрительно говорил: «Эта еда для бедняков!». Ему не нравился и суп из молочных продуктов (молока, простокваши). Он признавал супы и другие блюда исключительно из домашнего мяса или дичи.

Вообще папа был простым человеком: с одной стороны, жёстким, а с другой – добрым. В отличие от мамы, вовсе неграмотной, он получил 2 класса образования и умел читать. В нашем сундуке хранилась гомеровская книга об Одиссее и его приключениях, как семейная реликвия. Оказывается, он прочитал её маме, и они приняли всё это за чистую монету. Ведь это была единственная книга, которую они прочитали за всю жизнь!

Выпив, папа любил говорить про себя: «Мен (я) китроумный Адиссей!»... Ещё он где-то нахватался немецких слов и в состоянии опьянения щеголял: «апидерзейн, кодентаг!». Немецкое «гутентаг», он произ-

носил по-шорски, где слово гутен превратилось в коден (задница) – смешно!

В первой комнате висел папин пиджак, а в кармане лежали: записная книжка (там он вёл письменный учёт деньгам, вырученным от продажи орехов, масла), ручка, носовой платок и ...зеркальце. Он себя любил: вручную выщипывал себе бородёнку, усы, а когда стали появляться седые волосы, то и их заодно нещадно выдёргивал.

Однажды, когда брат Борис уехал учиться в политехнический институт, он написал ему единственное письмо. Оно до сих пор хранится у брата. Письмо писалось красивым, витиеватым почерком (высоким стилем), где он к своему сыну обращается только на «Вы». Начиналось оно так: «Здравствуйте, уважаемый Борис Никитович! Пишет Вам Ваш отец Тудегешев Никита Васильевич»...

Это обращение выглядело нелепо, ведь в жизни он нас всех шпынял, считал недоумками, лентяями, ни к чему не приспособленными людьми и обязательно всех наделял прозвищами: меня называл «казак». В детстве я была рыжеволосой, конопатой (с моей рыжей косичкой мы играли с сестрой). Когда папа меня так называл, мама всегда в сторонке плакала, ведь он грубо намекал на то, что я родилась от русского, что она меня с кем-то нагуляла...

Страшным ревнивцем был – о нём все в округе знали, жалели нас, маму, но побаивались его. А я плакала и обижалась на прозвище, потому что мне не хотелось быть «белой вороной».

Мама, несмотря на свою тяжёлую, унижительную жизнь, была весёлой, работающей, но очень запуганной, забитой, всегда с синяками... Мама рассказывала, что папа её украл, когда ей исполнилось шестнадцать лет.

Она иногда вспоминала своё трудное детство: они с младшей сестрой (тётей Катей) росли без отца, часто оставались голодными, холодными. Зимой, за неимением тёплой одежды, они никуда не выходили. У мамы было одно платье, сшитое из мешковины. К сожалению, в то военное и послевоенное время многим жилось нелегко.

Моя мама хоть и была неграмотной, но была глубоко верующим человеком. Пасху ждали и встречали как самый большой праздник, к которому мама тщательно готовилась: прибиралась в доме, белила печку, стирала занавески, пекла булочки. Это был единственный день в году, который воспринимался мамой и нами, как праздник. В нашей семье, да и у любого в деревне, не отмечались дни рождения и все другие праздники. Она учила нас православным молитвам, но с шорским акцентом, и нам, не знающим хорошо русский язык, трудно было понять и запомнить их.

Мама умерла рано, в 43 года, а мне она казалась старушкой: вечно в одном и том же изношенном платье, в старом платке, никогда не сидящей без дела. Да и с нами было много хлопот.

С детства у меня остались приятные воспоминания об одной колоритной шаманке-соседке. Она по просьбе отца иногда приходила к нам для проведения обряда или просто посидеть. Шаманка курила из самодельной трубки. До сих пор запах махорки, табачный дым ассоциируются с этой бабушкой, так как папа не курил, а этот специфический аромат был для меня необычным.

Одевалась она не как все: платье на ней было национальное, зелёное, длинное, с геометрическим орнаментом по низу, а на шее много-много разноцветных бус из мелкого и крупного бисера. Ещё я помню её длинные серёжки – ручной работы, с мелкими бусинами и монетами.

Она садилась, набивала трубку и, попыхивая ею, общалась с родителями. Если шаманка начинала камлать, то нас выпроваживали из дома, так как мы начинали смеяться, баловаться и, видимо, мешали проводить обряд.

Вдруг по деревне прошёл слух, что эта шаманка ушла в лес и не вернулась. Около недели её сын, опытный охотник, и все другие мужчины искали её в тайге. Но, увы, нашлись только её сапоги, аккуратно поставленные, а она сама исчезла. По-видимому, как коты или собаки, почуявшие близкую смерть, уходят из дома, так и эта бабушка-шаманка ушла умирать в тайгу.

Мы все учились в Чилиссу-Анзасской восьмилетней школе-интернате № 32. Уходили на неделю, жили в интернате, а в субботу возвращались домой, в воскресенье шли назад в школу. Родители никогда не провожали нас. Иногда, если приезжали за продуктами, то забирали нас. Когда мы уходили в школу, мама не прощалась с нами, не целовала – выходила следом и, стоя у ворот, утирала слёзы.

Так продолжалось все 8 лет.

Несколько слов об интернате. Для проживания школьников из других сёл напротив школы стояло здание для девочек, через дорогу – для мальчиков, а столовая была расположена между ними.

Позже мы узнали, что в военное время наше девичье помещение служило больницей для больных сифилисом.

В нём было более 10 комнат, в коридоре стоял бак с водой, имелась умывальная комната, а туалет располагался отдельно, на горе. В комнатах мы жили по 3-4 человека, печь топилась только зимой. Старшие к 1-му сентября приходили пораньше, чтобы занять комнату получше. Дежурные убирали помещения по очереди: вытирали пыль и мыли пол холодной водой из речки. По утрам самые достойные из учеников прове-

ряли, насколько аккуратно были заправлены наши постели. Порядок и чистота оценивались по пятибальной шкале.

Вечером приходили учителя-воспитатели и с трудом укладывали нас в постель: нам хотелось ещё побегать на улице, пообщаться с одноклассниками.

В первый раз меня собирали в школу с большим скандалом. Сестра Октябрина решила «выбить» из меня слово нана (видимо, от няня), она хотела, чтобы я обращалась к ней только по имени. Но оно так трудно выговаривалось! Мне пришлось повторять его по десять раз. Я плакала-рыдала, но, в конце концов, научилась произносить ненавистное слово, и меня старшие взяли с собой в школу.

В первом классе я была на равных со всеми: так же, как и я, никто не говорил по-русски, за исключением белокурого, голубоглазого мальчика Бориса – сына учительницы. Позже, когда мы освоились, все по очереди могли прикоснуться к его кучерявым, светлым волосам.

Когда мы пришли на первый урок, то все сидели тихо. Лишь один мальчик нас удивил: когда его завели в класс, он так вырывался и дико кричал! Это продолжалось около месяца. Старшая сестра его приводила, садилась с ним рядом, а он продолжал вырываться. Иногда ему всё же удавалось сбежать в свою деревню, она находилась недалеко, всего в четырёх километрах. Но его приводили назад.

Мне нравилось быть среди своих одноклассников. Вспоминаю букварь... Когда я открыла его в первый раз, испугалась, увидев на обороте обложки лысого человека (позже выяснилось, что это – вождь Ленин), быстро закрыла книгу. Перелистывая страницы, я находила красивые рисунки с детьми, животными, игрушками, цветами и любовалась ими.

В первое время я не хотела жить в интернате и учиться. Всё мне казалось чуждым и непонятным. В школе нам запрещали говорить на родном языке, видимо, для того, чтобы мы хорошо усвоили русский язык. Мы не понимали, зачем нас принимают в октябрята – никто нам этого не объяснял.

Однако через некоторое время все втянулись в школьный процесс, нам даже стало нравиться чем-то похвастаться друг перед другом. Тогда и до наших ушей дошли вести о коммунизме. Мне особенно запомнилось то, что при коммунизме все будут жить хорошо, а главное, можно будет прийти в любой магазин и взять всё, что пожелаешь. Это стало пределом моей мечты: я ходила в местную лавку и высматривала себе вещи. Думала: «Скорей бы коммунизм построили!»

А в реальной жизни мне приходилось иногда собирать пустые бутылки из-под алкоголя, а затем в магазине приставать к взрослым, чтобы они сдали их, отдав мне честно заработанные 20 копеек. Если удава-

лось прокрутить эту афёру, то наступал рай: мы с подружкой покупали стужённое молоко, находили гвоздь, дырявили банку и высасывали из неё содержимое. Это всё мы проделывали не на людях, а на полянке, подальше от вечно голодных сверстников.

Строгая, аккуратная, опрятно одетая продавщица тётя Рая никогда не принимала от детворы бутылки, ругала нас, если видела, что мы долго околачиваемся в магазине, иногда выпроваживала за дверь. Мы знали, что она добрая, уважали её и никогда не видели пьяной. Для меня стало шоком сообщение, что она по пьянке, крепко поругавшись с мужем, отравилась. Мне-то казалось, что у них в семье всё в порядке.

Прошу прощения, я отошла от темы.

В картинках букваря мне особенно нравились красивые девочки в цветных платьях и туфельках. У нас-то из обуви имелись только зимние валенки и кирзовые или резиновые чёрные сапоги, демисезонной летне-весенней обувью нас не баловали. Летом бегали босиком – хорошо, если не наступали на стёкла!

Мне стало интересно находиться в школе, играть с ровесницами. У меня была подружка Нэлла, которую я знала ещё до школы. Она приезжала из другой деревни к своему дяде. Красавица Нэлла росла смелой, боевой, и её постоянно задирали мальчишки. Она бойко вступала с ними в перепалку и даже дралась (к сожалению, она и умерла молодой, тоже в драке), а я стояла рядом и думала: «заступиться, не заступиться?». Но всегда оказывалось, что моя помощь ей не нужна. Я была чуть мельче своей подружки и худее.

В один прекрасный день я поняла, почему меня не обижают. Как-то шпана в очередной раз стала её доставать, и кто-то заодно пнул меня, а другой закричал на него: «Ты чё, получишь от Стёпы!». Всё было просто: у меня были братья-заступники, а с нею росли только младший брат и старшая сестра. Так, что школьное детство моё прошло в кругу ровесников относительно спокойно – спасибо моим старшим братьям!

Но однажды мне всё-таки пришлось постоять за себя.

Как правило, в интернате на обед нас зазывали по очереди: то младших (1-4 классы), то взрослых (5-8 классы). Приходили дежурные по столовой и громко кричали: «Мальши, кушать!». Или: «Взрослые, кушать!». Так мы бежали в столовую. У дверей обязательно ещё несколько минут нужно было томиться. Наконец-то они открывались – и мы наперегонки бежали занимать себе место. Бывало так, что опоздавшим не доставалось чего-нибудь из вкусного. А это очень обидно!

Так вот, мы толпились у дверей, я оказалась первой, а рядом со мной – одноклассник Герман, вечно сопливый, молчун. И тут он стал меня грубо отталкивать, а я упиралась. Однако, когда он стал меня бить,

деваться было некуда: я поняла, что этот нахал не боится моих братьев. Пришлось самой постоять за себя. Когда мы схватились с ним за гривки, все расступились. Я-то втайне желала, чтобы нас разняли, но никто и не думал делать этого. Бились до конца: он мне расцарапал лицо, я – ему!

Я оказалась крепким орешком, меня не так-то просто было пихнуть или побить. Ведь у меня имелся семейный опыт драки с сестрой, братьями. Из меня очень трудно было выбить слезу. Я первая дождалась его слёз, а затем сама (на всякий случай, чтобы мне не досталось от кого-нибудь из старших) стала лить слёзы. В тот момент я почувствовала гордость за себя.

Другой эпизод, случившийся в детстве, познакомил меня с неизвестным чувством – если не предательства, то отчаяния.

Однажды в морозный день мы с подружкой поехали верхом на коне, на моей любимой Красотке, домой. Не помню, почему лошадь оказалась в Чилиссе, а мне наказали непременно доставить её домой. Вдруг через 4-5 километров лошадь оступилась и провалилась в глубокий снег. Мы соскочили, и я стала дергать её за узду. Дёргала-дёргала – не поднимается, лежит в сугробе по грудь. А к вечеру мороз стал крепчать. Мы с Нэллой пытались поднять Красотку, а потом заплакали, так как не знали, что делать дальше. Рядом ни души, до нашей деревни ещё километров 6–7, мы страшно замёрзли.

Я знала, что коня нельзя оставлять, а подружка поплакала-поплакала да и сбежала назад в Чилиссу, несмотря на моё бедственное положение. Я восприняла это как предательство близкого человека.

Оказавшись наедине с лошадью, я взяла большую хворостину и стала бить Красотку по спине (до сих пор сожалею о том, что мне пришлось применить силу к моей любимице, но это было сделано ради наших жизней). И – о, чудо! Она вырвалась из обледеневшего снега, который начинал уже её сковывать! Я села на коня и доехала до дома.

Это была моя маленькая победа! Но горечь от поступка моей подружки, бросившей меня в трудную минуту, осталась навсегда, хотя я и словом не упрекнула свою Нэллу.

Надо отметить, что наш класс успеваемостью не отличался: были только троечники и двоечники. Меня часто ругали учителя, ставя в пример то сестру, то брата – хорошистов. Я не обижалась – с меня, как с гуся вода! На то время почти всё устраивало меня: прекрасная природа, одноклассники, с которыми по вечерам бегали в сельский клуб на танцы: там крутили пластинки, а мы, «детский сад», энергично пританцовывали.

Единственно, с чем я не смогла смириться, – это с побоями отцом

моей мамы. Это самое горькое в моей жизни, об этом до сих пор не могу писать без слёз...

Каждый учебный день начинался с проверки домашнего задания. Нас вызывали либо к доске, либо с места отвечать на вопросы, заданные на дом. А спрашивать-то и некого: класс наш состоял из молчунов. Учителя читали нам нотации, но куда деваться – объясняли новую тему... И так продолжалось изо дня в день. Хотя – нет. Иногда кто-нибудь хоть что-то да говорил...

Мы все боялись завуча школы Зои Куприяновны. Она была грубоватой, сварливой учительницей по химии. Если она замечала, что в классе кто-нибудь чем-то выделялся, как, например, повзрослевшая Лиза, которая в классе седьмом-восьмом любила «закручивать волосы» (девочки завивали волосы раскалённым гвоздём, либо делали папильотки из лоскутка ткани и бумаги), Зоя Куприяновна, заметив это, тут же вызывала её к доске. За отказ она непременно ехидничала: «Волосы-то не забыла накрутить, а уроки не выучила».

Её боялись не только мы, но и все жители села. То и дело по посёлку раздавался её крик: она ругала взрослых за пьянство, за разгильдяйство, за многое другое! Возможно, она была права. Ведь ей хотелось, чтобы мы становились лучше, чище.

Наш молчаливый на уроках класс любил веселиться в свободное время. Мы целыми днями готовы были играть в лапту, бегать по тротуарам села. После учёбы у нас была группа продлённого дня, где выполнялись домашние задания. Весной мы частенько сбегали с неё.

Однажды мы с девочками убежали на полянку собирать весенние подснежники и кандыки. И вдруг нас догнала школьный воспитатель Лидия Михайловна, дочь Зои Куприяновны. Мы её не любили: кто-то сказал, что у Лидии Михайловны нет учительского образования, её устроила по блату мать. Так вот эта Лидушка (подпольное прозвище) вместе с ребятами догнала нас, взяла чей-то ремень и стала по очереди всех ставить на пенёк и стегать. Девочки плакали, а я нет. Тогда из-за Лидушки выглянул Славик, на год старше меня, и пропищал: «Лидия Михайловна, а у неё юбка очень широкая, с крупными сборками, ей не больно! Вы поднимите ей юбку и ещё раз отстегайте».

Она прислушалась, и тут же снова меня подняли на позорный пьедестал, задрали юбку и ещё раз отстегали. Тогда я заплакала от обиды. Ведь юбку задрали при всех, а под ней у меня были драные чулки с резинками. Будучи тогда ещё маленькой, понимала, что меня страшно унизили...

Других учителей вспоминаю с большой теплотой. Мне нравилось изучать их лица, любоваться ими. Прекрасные, умные, обаятельные!..

Однажды, уже в классе седьмом, приехала к нам выпускница Кемеровского университета Нина Васильевна. Нам её представили на общей линейке и с гордостью сказали, что она закончила университет! Тогда я поняла, что это круче, чем институт, что-то сверх необычное. Она преподавала физику и математику.

Когда эта прекрасная учительница впервые вошла в наш класс на свой первый урок, то мы еле пришли в себя от запаха её духов (позже узнала, что мы вдыхали аромат «Красной Москвы»), от стильного и строгого костюма, от огромных синих глаз и пышных ресниц.

Я внимательно наблюдала за ней и заметила, что она, поглядев на нас, часто-часто захлопала глазками и молча простояла несколько минут. Видимо, не могла прийти в себя от нашего внешнего вида.

Нина Васильевна продержалась в нашей деревне год, а потом приехал такой же красивый молодой человек в шляпе и увез её. Было жаль. Она нам очень понравилась: никогда не повышала голоса, пыталась словами убедить учиться и говорила с нами, как со взрослыми.

Как-то в восьмом классе мне поручили принять в пионеры октябрят, и я поняла, что недостойна этого, так как знала, что такого поручения удостоиваются лучшие ученики школы. Мне стало досадно, что в своё время не училась, как следует. Тогда впервые разозлилась на себя за пренебрежительное отношение к учёбе.

На следующий день после приёма октябрят в пионеры меня вызвала к доске Зоя Куприяновна и упрекнула за плохой ответ, сказав: «А ей ещё доверили в пионеры принимать»... Я была посрамлена.

После восьмого класса нашу школу закрыли, все разошлись по своим домам.

Летом этого же 1979 года мы потеряли маму. Папа через месяц женился и вечно пропадал у своей новой жены. Я поняла, что детство моё закончилось.

Продолжила своё школьное образование в Спасской средней школе. Через дорогу был интернат для детей из дальних сёл, где стали жить и мы. В этом же посёлке находился дом отца, иногда бегали к ним, но у его жены были свои дети, мы были лишними.

В новом окружении я решила подтянуться в учёбе и закончила десятилетку с одной (!?) тройкой.

После школы, по совету брата Бориса, который сказал: «Ты же родилась в тайге, поступай в лесной техникум!», я туда и поступила. Училась на техника-лесоведа.

Признаюсь, что, будучи школьницей, втайне я влюбилась в балет. В 9-ом классе нашла справочник для поступающих и написала письмо

со своими наивными вопросами на адрес Алма-атинского балетного училища. Естественно, ответа не получила.

В техникуме я подружилась с девушкой Светланой из Барнаула. Она училась в художественной школе, занималась танцами. Однажды Света собрала из домашней утвари натюрморт и показала мне азы рисунка. Она же повела меня в танцевальный кружок.

Помимо тех увлечений, я записалась в кружок художника-оформителя, много общалась с руководителем этого кружка – Элеонорой Петровной – профессиональным художником-графиком. Она показывала свои графические работы, я восхищалась её рисунками и мечтала научиться так же рисовать!

Уже после техникума пыталась поступить то в художественное училище, то в институт – безуспешно! Но это уже отдельная история...

В своей биографии мне хотелось больше написать о своём детстве. О моей взрослой жизни вы узнаете из моих стихов и живописных работ.

Изложено по материалам:

Имя в истории города / сост. Т. Н. Киреева, гл. библиограф отдела краеведения МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/imya-v-istorii>

Кузнецкая крепость: альманах. – 2015, 2016, 2017, 2019. – URL: <http://журнальныймир.рф/almanahi/kuzneckaya-krepost>

Литературная карта Кузбасса: Арбачакова Любовь Никитична / Энциклопедия десятилетия литературы. – URL: <https://litmap.kemrsl.ru>

Писатели Кузбасса: 55 лет (1962 – 2017): библиографический каталог / Союз писателей России, Кемеровское областное отделение / дир. проекта: Б. В. Бурмистров; отв. ред. Д. В. Мурзин; ред.-сост. Г. И. Карпова; авт.-сост. В. С. Арнаутов. – Кемерово, 2017.

Ради жизни на Земле. Кузнецкий автограф: хрестоматия / сост.: О. В. Комарова, В. А. Галактионов. – Новокузнецк: ООО «Полиграфист», 2015.

Книги Любови Никитовны Арбачаковой:

Взаимодействие разных жанров фольклора в шорских героических сказаниях // Чтения памяти Э. Ф. Чиспякова (к 70-летию со дня рождения): материалы науч. конф. Новокузнецкого госпединститута. – Новокузнецк, 2000. – Часть 1.

Тернии души (Онзас черим): стихи на русском и шорском языках. – Новокузнецк, 2001

Лингвистические особенности текстов сказаний в записи А. И. Чудоякова / Фольклор и литература Сибири. – Новосибирск: Издательство СО РАН, 2001.

Каас-пичиги: Словарь шорского языка в картинках. – Новокузнецк, 2002.

Колыбель любви: стихи и проза. – Новокузнецк: Издательство «Кузнецкая крепость», 2004.

Песни шорянки: сборник стихотворений / Любовь Арбачакова (вступ. статья В. Берязева; иллюстрации авт.). – Новосибирск: Офсет, 2011.

Шорские героические сказания: Кара Кан, Кара Сабак / составитель, переводчик, автор иллюстраций Л. Н. Арбачакова. – М.: Институт перевода Библии, 2014.

Затерялась я во Вселенной: стихи. – Кемерово: ООО «Технопринт», 2019.

Татьяна Белокурова (род. в 1954 г.)

Окончив филологический факультет Новокузнецкого педагогического института, Татьяна Леонидовна Белокурова более тридцати лет преподавала русский язык и литературу в школе. Педагог со стажем, в настоящее время она ведёт уроки изобразительного искусства в гимназии.

Стихи начала писать ещё в школьном возрасте. Участвовала в литературном объединении «Гренада» 1980-х годов, в семинарах областной литературной студии «Притомье». Публиковалась в городских и областных газетах, в журнале «Огни Кузбасса», в альманахах «Кузнецкая крепость» и «Петровский мост» (г. Липецк).

Татьяна Леонидовна принимает активное участие в поэтических вечерах в Доме творческих союзов Новокузнецка. Заметным событием в литературной жизни города стал выход в свет её первого поэтического сборника «Ах, вода-вода, васильковая...» в 2011 году. Отраднo отметить, что география публикаций новокузнецкой поэтессы с тех пор существенно расширилась. Подборки её стихотворений были напечатаны в книге «Краски жизни» (издательство «ЛитераМ» – Библиотека современной поэзии, г. Рязань), в сборнике «Восхождение» (издательство «Серебро слов», г. Коломна). И что весьма показательно – в сборниках произведений номинантов Национальной литературной премии «Поэт года» за 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021 гг. (ООО «Литературный клуб», г. Москва).

В 2019 году вышел в свет новый сборник стихотворений Татьяны Белокуровой «Другая тишина» (издательство «Серебро слов», г. Коломна).

Татьяна Леонидовна Белокурова

МОЯ ПРОФЕССИЯ – УЧИТЕЛЬ, МОЁ ПРИЗВАНИЕ – СТИХИ

Родилась на Урале в городе Нижнем Тагиле, но города этого я не помню. Родители увезли нас с сестрой на Украину, к бабушке и дедушке. Мой отец родом из Днепропетровска, а мама – сибирячка, из Кемеровской области. Они были простыми рабочими, но преданными своему Коксохиму, с которым колесили по стране и строили заводы (Магнитогорск, Череповец, Губаха, Нижний Тагил), а в 1960 году отправились на Запсиб. Поэтому я выросла в Сибири, в городе Новокузнецке.

Мои школьные годы, студенческие, зрелые связаны с Новокузнецком. Окончила педагогический институт и стала учителем русского языка и литературы, чем никого из своего окружения не удивила. Ещё в начальной школе моя учительница пророчила «спокойной и вдумчивой девочке» педагогическую стезю.

Здесь росли мои дочь и сын, растут внуки...

Но не всё так просто. Три года после окончания школы я не могла решить, кем должна быть. Робкие стихотворные пробы появились лет в 12, но до 19 я на них абсолютно не обращала внимания. Считала, что все могут писать, если захотят.

Работала в детском садике няней и каждый день выслушивала от отца увещевания, что о жизни своей не думаю. А я думала – мучительно, серьёзно, с бесконечными слезами в подушку по ночам.

И случилось! Влюбилась. Стихи пошли таким потоком, что напугали. Казалось, что и не я их пишу, а кто-то диктует. Только тогда, когда напечатали в областной газете моё письмо и стихотворение, когда посоветовали «не бросать начатое дело», поступила на филологический факультет. Потому что стихи нужно писать грамотно, – решила я.

Жизнь расставила всё по своим местам. Моя профессия – учитель, моё призвание – стихи, и подспудное, всегдашнее желание служить красоте: удивляться ей, поклоняться.

Помню, лет в 10 была на Украине у бабушки. Степь. Раздолье. Я со своим «вечным» велосипедом за деревней. Солнце встаёт. Дышится легко. И вдруг! Кто-то – на моём плече! Легонько так, мягко, на секунду.... Птенец, воробейка какой-то: вспорхнул с моего плеча, неровно так, выше-ниже, но полетел. До сих пор помню своё состояние: как будто сделала что-то очень важное, самое важное в жизни.

А может, и книжка моя, что собиралась по крупицам годами, станет для чьей-нибудь души таким же стартовым плечом? Душа должна... летать.

Мой любимый поэт, сибиряк Василий Фёдоров, писал:

«Ты – извечная, как Русь.

Ты и боль, и врачевание.

Я не скоро разберусь,

в чём твое очарование».

Какая радость и счастье в том, что жизнь даёт нам минуты удивления и очарования. Их нужно почувствовать, суметь не позволить горьким порой обстоятельствам затемнить, ополшить эти редкие мгновения, которые и есть жизнь.

Изложено по материалам:

Кузнецкая крепость: альманах. – 2015, 2016, 2017, 2018. – URL: <http://журнальныймир.рф/almanahi/kuzneckaya-krepost>

Писатели Новокузнецка / сост. Т. Н. Киреева, гл. библиограф отдела краеведения МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/personalii/pisateli-novokuznetzk>

Ради жизни на Земле. Кузнецкий автограф: хрестоматия / сост.: О. В. Комарова, В. А. Галактионов. – Новокузнецк: ООО «Полиграфист», 2015.

Анатолий Ябров (1934 – 2010)

Прозаик. Очеркист. Журналист.

Член Союза писателей СССР (1985 г.).

Почётный работник культуры Кузбасса.

Один из летописцев Новокузнецка.

Ябров Анатолий Степанович родился в деревне Окуневка Омутинского района Тюменской области. В семье был пятым ребенком из десяти. Жилось большой семье очень трудно. В 1949 г. Ябровы переехали в г. Сталинск (Новокузнецк). Здесь будущий писатель окончил школу № 9, здесь началась его творческая биография.

Писать начинал ещё в школьные годы. С 1954 по 1958 гг. служил в рядах Тихоокеанского флота матросом крейсера «Калинин». Первый рассказ был опубликован в крейсерской многотиражке «Залп» (1955 г.). Как лучший военкор, был награждён грамотой командования части.

После демобилизации работал слесарем ТЭЦ Кузнецкого металлургического комбината. Был избран членом городского комитета комсомола и два года заведовал организационным отделом горкома ВЛКСМ (1959 – 1960 гг.). Затем полностью посвятил себя журналистике.

Работал редактором многотиражки строителей Запсиба «Металлургстрой» (1960 – 1964 гг.). На её страницах появлялись острые публикации в защиту молодых поэтов-«шестидесятников». Такое самовольство писателя не проходило бесследно: вопрос рассматривался даже на бюро Новокузнецкого горкома партии.

В 1961 г. в «Металлургстрое» был опубликован рассказ «Птицы тянутся к теплу». Его очерки, статьи, репортажи о наших современниках в местной периодике находят признание у многотысячной аудитории кузбассовцев. Всесоюзное признание пришло через семь лет, когда в издательстве «Современник» вышел первый роман писателя «Паду к ногам твоим».

Начинающий писатель являлся участником семинара молодых писателей Западной Сибири и Урала 1966 г.

В 1971 г. окончил факультет прозы Литературного института им. М. Горького.

Более десяти лет своей жизни отдал писатель работе в главной городской газете «Кузнецкий рабочий» – журналистом, заведующим отделом, заместителем редактора (1965 – 1976 гг.). Именно в этот период он делает первую пробу в художественной прозе.

Был ответственным секретарем, членом редколлегии литературно-художественного альманаха «Кузнецкая крепость», издаваемого Управлением культуры администрации Новокузнецка (1999 – 2010 гг.).

На протяжении всей литературной жизни был связан с альманахом, а затем журналом «Огни Кузбасса».

Произведения Яброва охватывают огромный период истории страны: от последних предреволюционных лет до конца XX и начала XXI века. Здесь и времена великих строек 1930-х гг. (КМК), стахановское движение, героизм и самоотверженность работников тыла в годы Великой Отечественной войны, строительство Запсиба.

У книг Анатолия Степановича была сложная судьба. Публикации ждали несколько лет, вносились редакторские исправления, приносящие писателю одни огорчения.

Только через пятнадцать лет (в 1990 г.) был опубликован отдельной книгой роман-памфлет «Государство № 49 и его президент Лукьян Тузов». Критики отмечали, что до сих пор никто не писал так остро об этом. Роман увидел свет лишь после выступления на одном из пленумов Кемеровского обкома партии руководителя кузбасской писательской

организации Геннадия Юрова и публикации рукописи в журнале «Сибирские огни».

Двенадцать лет понадобилось для того, чтобы напечатали и психологический роман «Ритуальный танец», где правдиво рассказывалось о жизни нашего Новокузнецка, строительстве Запсиба.

После тридцати лет упорной писательской работы закончен многоплановый историко-психологический роман «Турецкий вал», посвящённый гражданской войне.

Анатолий Степанович Ябров – лауреат областной литературной премии 1993 г., посвященной юбилею Кемеровской области – за книгу «Финал» и лауреат областного конкурса, посвящённого юбилею Победы за повесть «Эхо жизни» (1995 г.).

14 февраля 2005 г. писателю был вручён нагрудный знак «Почётный работник культуры Кузбасса». Награждён медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2004 г.), «За особый вклад в развитие культуры Кузбасса» (2005 г.). По случаю 70-летия «Роман-газеты» в 1997 году Анатолию Степановичу Яброву были вручены именные часы.

Коллекция материалов о жизни и творчестве писателя находится в Новокузнецком литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского.

Изложено по материалам:

Знаменитые новокузнецчане / сост. Е. Э. Протопопова // МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://новокузнецк400.рф/persons>

Имя в истории города / сост. Т. Н. Киреева, гл. библиограф отдела краеведения МИБС г. Новокузнецка (Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя). – URL: <https://libnvkz.ru/chitateliam/o-novokuznetske/imya-v-istorii>

Литературная карта Кузбасса: Ябров Анатолий Степанович // Энциклопедия деятелей литературы. – URL: <https://litmap.kemrsl.ru>

Писатели Новокузнецка. Справочник-указатель под редакцией М. М. Маслова / сост. В. Е. Григорьева, худ. ред. Б. И. Кобзарь / Управление культуры города Новокузнецка. – Новокузнецк, 2004.

Писатели Кузбасса: 55 лет (1962 – 2017): библиографический каталог / Союз писателей России, Кемеровское областное отделение / дир. проекта: Б. В. Бурмистров; отв. ред. Д. В. Мурзин; ред.-сост. Г. И. Карпова; авт.-сост. В. С. Арнаутов. – Кемерово, 2017.

Ради жизни на Земле. Кузнецкий автограф: хрестоматия / сост.: О. В. Комарова, В. А. Галактионов. – Новокузнецк: ООО «Полиграфист», 2015.

А. С. Сазыкин

О ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ А. С. ЯБРОВА

Путь писателя к признанию не был и не мог быть гладким и лёгким.

Рождён был в простой рабочей семье пятым ребёнком, а всех было десять. В поисках лучшей жизни родители с детьми приехали на Кузнецкстрой. Дух и быт семьи – трудовой, рабочий.

В школе №9 тогда города Сталинска, которую Анатолий закончил в 1953 году, литературу преподавала в старших классах эвакуированная москвичка Галина Петровна Иванова, замечательно образованная, смелая и интересная женщина. Анатолий в школе лишь робко пробовал что-то написать.

После школы – четыре года службы на Тихоокеанском флоте. Там и становится военкором, пишет в корабельную газету «Залп», занимается комсомольской работой. По впечатлениям морской службы и будет написана первая повесть «Стриженные». Но до неё ещё и работа в Новокузнецком горкоме комсомола, журналистская работа в многотиражке «Металлургстрой» на Запсибе, первые репортажи и очерки, обратившие на себя внимание серьёзностью, остротой и несомненным талантом.

Были и годы работы в городской газете «Кузнецкий рабочий», в альманахе «Кузнецкая крепость». Расширяется кругозор, крепнет мастерство владения словом, создаётся целый ряд рассказов, в которых уже намечается художественный облик будущего писателя, основные черты его писательской манеры. Это и тяга к психологизму, к исследованию человека в разных обстоятельствах, и глубокий интерес к социуму, к социальным и общественным проблемам, чаще всего связанным с жизнью своего края, Кузбасса, своего города. И ещё одно свойство будущего писателя – смелость, острота в изображении жизни, в сочетании с глубиной выдвигаемых проблем. Такими станут одни из первых повестей «В теснине Арачёва» и «Накладки».

В 1966 году он станет участником семинара молодых писателей Западной Сибири и Урала, где его рассказы и повести будут отмечены и одобрены и где он получит первый упрёк в излишней остроте и бескомпромиссности.

В 1971 году Анатолий Ябров заочно окончит факультет прозы Литературного института им. А. М. Горького. Однако путь его произведений к изданию легче не станет. В середине 70-х он закончит свой первый роман «Паду к ногам твоим» и отправит его в Москву в издательство «Современник». Получит оттуда восторженный отзыв, но издан роман будет только через семь лет, в 1983 году.

В самом деле, для того времени это будет вызывающий роман. С одной стороны, главное место действия и время – строительство гиганта металлургии и города, о котором Маяковский написал: «Я знаю – город будет, я знаю – саду цвезть, когда такие люди в стране в советской есть». Да, есть в романе «такие люди» и есть героическая стройка. С другой – главная героиня вовсе не героическая труженица, а обольстительная красавица, певунья - волшебница по имени Ева, но лживая эгоистка, притворщица, паразитирующая на добром имени и самоотверженном труде и парторга ЦК на стройке, и героя-шахтёра, и начинающего поэта, который героическим трудом и себя создаёт, и успехов добьётся... и ей в конце концов глаза закроет. Сложная и глубокая книга, отнюдь не однолинейна и, как жизнь показала, актуальность её в наши дни только возросла.

Похожая судьба ждала и другие его романы.

В самом разгаре «застоя», в конце 70-х, он завершит роман-памфлет «Государство № 49 и его президент Лукьян Тузов». Напечатан роман будет только пятнадцать лет спустя, уже в «перестроечное время». До цензуры дело даже не дойдёт. По свидетельству писателя Геннадия Юрова, друзья автора, опытные люди, прочитав рукопись, выносили такой вердикт: «Густо замешано. Но слишком безысходно. Не пропустят. Даже пытаться не стоит». На мой взгляд, если бы сейчас литература имела хоть мало-мальское значение в глазах государственных деятелей и была тем, чем она была тогда, его бы и сейчас не пропустили. Роман поднимает проблему, острее и значительнее которой трудно найти. Это проблема всенародного пьянства.

По мнению того же Геннадия Юрова, если бы роман напечатали до шахтёрской забастовки 1989 года, заставившей президента Ельцина приехать в Кузбасс, это был бы роман-предупреждение, а если бы после – роман-расследование.

Писатель глубоко погружает нас в атмосферу тех дней, когда партийная демагогия плохо стыковалась с реальной жизнью людей в многочисленных шахтёрских посёлках и городах Кузбасса с их низким материальным и духовным уровнем жизни, с тяжёлым и опасным подземным трудом шахтёров.

Затрагивает он и такую сторону жизни, которая просто неведома тем, кто не в Кузбассе живёт. Это тот след, который накладывает лагерное прошлое, а тогда ещё и настоящее, края. В населении большой процент отсидевших, освободившихся или условно-досрочно освобождённых и к ним приехавших со специфическими правами и субкультурой. Пьянство становилось реальной угрозой семьи, пол-литра – чуть не видом государственной валюты, без неё мало какие вопросы можно было

решить в общественных низах, а то и повыше. Главная угроза – семья, а через неё и стране в целом. Безднадёга, отсутствие перспективы, скверная экология, неуважение к людям были и остались. А сейчас, с установлением капитализма, всё это только усилилось. Добавилось ещё варварское уничтожение природы в открытых разрезах, прибыль откуда вообще идёт не государству, а владельцам частных компаний.

Этот роман всё-таки книга-предупреждение.

В последующих произведениях, которые тоже не сразу придут к читателям, автор останется верен теме родного края, изображению великих строек – и КМК, и Запсиба – с их героизмом и с их острыми конфликтами. Это будут романы «Последний солдат Валуевки» (1990 г.), «Ритуальный танец» (1994 г.), повести «Фистопляска» и «Поединок Устина Бусыгина».

А. С. Ябров завершит свой творческий путь созданием романа, тяготеющего к эпосу, к созданию большого исторического полотна о народной жизни. Это будет роман «Турецкий вал», опубликованный только в 2010 году, многоплановый исторический роман. Центральная тема – завершение Гражданской войны в Крыму. 1920-й год. Будут названы центральные исторические фигуры: Сталин, Деникин, Врангель, Фрунзе, Уборевич. Но в центре романа – исследование судеб простых людей, вовлечённых историей в сложную, полную противоречий схватку двух идеологий, социальных стихий. Эти сложнейшие проблемы и конфликты автор рассмотрит на судьбах простых людей, семей, поставленных перед жестокой проблемой выбора.

Интересно и значительно творческое наследие нашего земляка, прозаика Анатолия Степановича Яброва.

Книги Анатолия Степановича Яброва:

Стриженые: повесть / худож. Г. Ефремов – иллюстрации, портрет; об авторе. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1965.

Накладки: повесть. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1966.

Жди нас, океан! повесть / худож. Д. С. Громан – иллюстрации. – М.: Воениздат, 1978.

Паду к ногам твоим: роман. – М.: Современник, 1983.

О прошлом дне для дня сегодняшнего: о романе «Паду к ногам твоим» / А. Сазыкин. – «Кузнецкий рабочий». – 14 июня 1984 г.

Огонь на ветру: повесть / худож. С. Гужин. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1984.

Финал: роман, повесть. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1988.

Здравствуй, Запсиб! / авторская группа: И. Г. Белый, М. И. Карцева, А. С. Ябров. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1989.

Государство № 49 и его президент Лукьян Тузов: роман-памфлет. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1990.

Держава в опасности: к выходу в свет романа-памфлета А. Яброва «Государство № 49 и его президент Лукьян Тузов» / Г. Юров // «Родник». –1990. – № 9.

Ритуальный танец: роман. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1994.

Кузнецкий металлургический комбинат: очерки по истории / авторы: Ширин Ю. В., Кушникова М. М., Ябров А. С., Сосимович А. Н. – Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1997.

Время: роман и повесть. – Кемерово: Офсет, 2010.

Земная молния: повести. –Кемерово: Офсет, 2010.

Николай Зиновьев (род. в 1960 г.)

Жизненная и творческая биография Николая Зиновьева лишний раз подтверждает, что поэтам на Руси во все времена жилось несладко. Как свидетельствуют близкие ему люди, стихи его были замечены и опубликованы ещё в начале 80-х годов, а широкая известность приходит только сейчас, спустя почти треть века.

Стихи Н. А. Зиновьева – это не только духовная биография его самого, но одновременно и правдивая история России конца XX – начала XXI века, переданная через мысли и чувства простых людей, среди которых вырос и он сам.

Зиновьев Николай Александрович родился в станице Кореновской Краснодарского края в Вербное воскресенье 10 апреля 1960 года.

Его отец – Зиновьев Александр Дмитриевич – после службы в армии (отслужил 4 года) вернулся домой в Кореновск и 46 лет проработал строителем. Женился он на учительнице начальных классов Лидии Александровне Соболев. Отец поэта в 2006 году ушёл из жизни

Каким было детство поэта, мы можем узнать, прочитав его стихи. В 1967 году он пошёл в школу, учился хорошо, дома уроки почти не учил, всё успевал усвоить в школе. Пройдут годы, и Николай Зиновьев будет вспоминать своё детство, как самое счастливое время жизни.

После школы закончил ПТУ, получил специальность сварщика. Потом учился в станкостроительном техникуме и заочно в Краснодарском университете на литфаке.

Работал грузчиком, электросварщиком, бетонщиком на стройке.

Писать стихи начал лет в 20. Писал для себя, никуда не отправляя. Позже мать уговорила послать стихи в районную газету, там не поверили, сказали: «Где-то списывает». Но всё-таки решили проверить, дав ему тему. Он там же у них написал стихи.

А чуть позже приехал из Краснодара известный на Кубани зав.отделом поэзии Вадим Неподоба, нашёл, где живёт Зиновьев, забрал стихи, и с тех пор они стали появляться в краевой газете. За поэму «Мой дед» Зиновьев получил свою первую премию. После признания в крае и «родная районка» стала часто печатать его стихи.

Первая маленькая книга Н. А. Зиновьева «Я иду по земле» была напечатана в 1987 году Краснодарским издательством. Вторую – «Полёт души» – издал на свои средства его коллега по перу А. Д. Рудич, который сказал: «Такие стихи я не могу не напечатать!». Третья книга «Седое сердце» была издана Ротовым – членом Союза писателей России, прозаиком. Он собирал все стихи сам, где мог, не прося у автора, заранее зная его ответ: «Я для себя пишу, посылать никуда не буду».

Но стихи читали, печатали, рассылали друг другу, за ними приезжали, собирали деньги и издавали небольшими книжками. В издания входили стихи, выбранные самими редакторами. И так эти стихи пошли по стране, дошли до Москвы.

В 1993 году Н. А. Зиновьев был принят в Союз писателей России по первой своей книге стихов «Я иду по земле» (1987).

С 2009 года – член правления Союза писателей России.

Поэт печатается в журналах: «Москва», «Наш современник», «Подъём», «Всерусский собор», «Роман-журнал 21 век», «Дон», «Волга – 21 век», «Сибирь», «Родная Кубань».

В 2004 году Николай Александрович Зиновьев получил Большую литературную премию России. Затем стал лауреатом международного конкурса «Поэзия третьего тысячелетия», конкурса «Золотое перо» (2005), премии Дельвига, Всероссийской православной литературной премии им. Александра Невского (2010)

В 2005 году В. Г. Распутин пригласил Н. А. Зиновьева в Иркутск на Всероссийский фестиваль «Дни русской духовности и культуры – «Сияние России», ставший выдающимся событием в истории отечественной литературы. В своём выступлении, представляя поэта, он сказал: «В стихах Николая Зиновьева говорит сама Россия».

Нет сомнения в том, что Н. А. Зиновьев вписал своё имя в русскую поэзию. Но он не останавливается на достигнутом, продолжает обретать всё новых и новых поклонников, потому что у его творчества надёжная триединая основа: Россия, православная вера и великий русский народ.

Николай Александрович из тех людей, для которых смысл жизни прежде всего в том, чтобы была Россия, чтобы она становилась сильнее и чище, чтобы не прерывала связь времён, не теряла того, чем гордилась в прошлом. И этот смысл он сумел выразить в своих оригинальных талантливых стихах, которые ни с чьими другими не спутаешь.

Поэт по-прежнему живёт у себя на родине в Краснодарском крае, в бывшей своей станице (в настоящее время – гор. Кореновск).

Николай Александрович женат, имеет дочь и сына.

Изложено по материалам:

Библиотека поэзии Снегирёва. –

URL:https://snegirev.ucoz.ru/index/nikolaj_zinovjev_po_materialam_literaturnyj_klub_quot_timenaquot/0-222

Книги Николая Александровича Зиновьева:

Я иду по земле. – Краснодар, 1987.

Полёт души. 1997.

Седое сердце. 1999.

Дни, дарованные свыше. – Москва, 2003.

На самом древнем рубеже. – Краснодар, 2004.

Новые стихи. – Москва, 2005.

Я наследник любви и печали. 2007.

Души печальные порывы. 2006.

Вкус огня. 2007.

На кресте. – Новосибирск, 2008.

Я – русский. – Краснодар, 2008.

Над смыслом бытия. – Иркутск, 2009.

Круг любви и родства. – Краснодар, 2010.

Зиновьев Н. А. Избранное. – М.: Российский писатель, 2010.

Стихотворения. – М.: Российский писатель, 2012.

Сборник стихотворений. – Краснодар: Традиция, 2019.

Портрет неизвестного. Избранные произведения. – Ростов-на-Дону: Терра Дон, 2020.

«Николай Зиновьев покорил читателей не упованием на «новую литературу», не установкой на её «современность», помня о том, что «несовременного искусства не бывает» (А. Блок). Если, конечно, это искусство. Но – установкой на «классическую лиру», вполне осознавая, как это «несовременно», наконец, как это не выгодно в обществе, в котором рукотворно, наряду с «рыночной», создаётся индустрия «новой литературы».

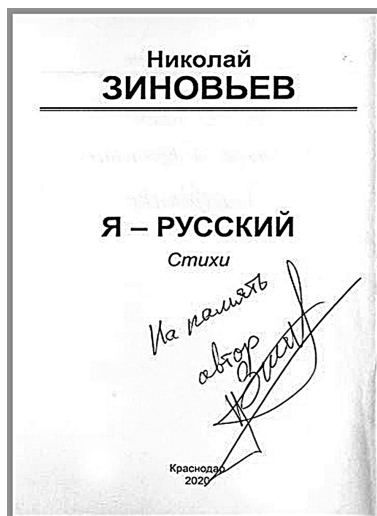
Николай Зиновьев – человек редкого миропонимания для нашего невнятного времени, сочетающий поэтическое дарование и христианскую веру. Когда оказались поколебленными те основы, на которых мир

стоял извечно, многие ринулись искать «новые», «другие» основы, на которых мир и общество должны бы устоять и обрести своё естественное состояние. Но не существует никакой другой идеи, кроме как остаться человеку в пределах своей духовной природы, а поэту в пределах своего дарования.

Об этом и свидетельствуют его «во мгле мерцающие строчки».

Пётр Ткаченко

(Литературная газета. – 10 апреля 2020 г.)

Дарственная надпись автора А. С. Сазыкину

Об авторе книги

Анатолий Семёнович Сазыкин – филолог, кандидат педагогических наук, доцент, один из родоначальников публичных лекций в Новокузнецке. Родился 6 марта 1936 года в г. Сталинске (Новокузнецке). Рано остался без отца. Учился в школе № 9 в отдалённом районе города (Куйбышево). В 1954 году поступил на филологический факультет педагогического института (НГПИ, КузГПА).

В 1959 году по распределению уехал работать завучем в 8-летней школе в посёлке Майзас. Преподавал русский, немецкий языки, литературу.

В 1960 – 1961 учебном году был директором школы № 3 в г. Междуреченске. В 1962 году перешёл работать директором школы № 9 г. Междуреченска.

В неурочное время ходил с ребятами в лыжные походы, вёл драматический кружок. Каждое лето работал вожатым в пионерских лагерях. В драмкружке познакомился со своей будущей женой Ниной Александровной (в 2017 году отметили 55 лет совместной жизни). В 1963 году уже с супругой переехал в Новокузнецк, устроился в школу № 57 (ныне – лицей № 111) учителем литературы. К нему на занятия стали приводить практикантов из педагогического института, а через год самого Анатолия Семёновича пригласили в пединститут на работу почасовиком читать курс зарубежной литературы.

С 1964 года пединститут стал основным местом работы А.С. Сазыкина (кафедра литературы). Он читал курсы по зарубежной литературе всех времён и народов.

В течение трёх лет работал в школе № 72. Вернулся в пединститут с массой идей по методике преподавания литературы в школе, начал писать диссертацию. Поступил заочно в аспирантуру Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена. Через три года защитил диссертацию (1981) на тему «Преемственность в изучении современной советской поэзии на завершающем этапе литературного образования школьников», стал доцентом. В 1988 году диссертация была издана в Новосибирске монографией: «Изучение советской поэзии в старших классах средней школы»: учеб. пособие по спецкурсу (Анатолий Семёнович Сазыкин. – Новосибирск: НГПУ, 1988).

После защиты диссертации был назначен деканом факультета русского языка и литературы. Из-за серьёзной болезни должность оставил и 11 лет бессменно руководил кафедрой, читал лекции по зарубежной

литературе, по методике преподавания литературы, руководил студенческой практикой.

После выхода на пенсию отработал ещё 17 лет. Когда ему исполнилось 75 лет, ушёл на заслуженный отдых. Увлёкся местной поэзией, стал писать рецензии, статьи. Тонкий знаток и ценитель, он остаётся сегодня, по сути, единственным автором самых доступных для читателей литературоведческих работ, в которых всесторонне исследуются особенности творчества знаменитых писателей, в том числе и наших земляков, внёсших заметный вклад в большую литературу. Его публикации отличаются глубиной мысли, остротой художественного анализа и восприятия, доброжелательностью в оценках творчества кузбасских писателей, неизменно вызывают интерес у читателей разных возрастов и литературных пристрастий.

А. С. Сазыкин стоял у истоков публичных лекций в Новокузнецке. Удивительный рассказчик, известный многим ещё со студенчества, Анатолий Семёнович умеет увлечь аудиторию, на его публичные лекции в городских учреждениях культуры собирается обычно вся литературная общественность Новокузнецка.

Ещё в 1970-е годы Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя и Новокузнецкий педагогический институт стали регулярно проводить лекторий по литературе. В 2007 году А. С. Сазыкину был вручён билет Почётного читателя ЦГБ им. Н.В. Гоголя. К 10-летию этого события на сайте «Знаменитые новокузнецчане» появилась персональная страница, осветившая историю жизни народного лектора Новокузнецка.

Е. Э. Протопопова (составитель)

(Сайт ЦГБ им. Н. В. Гоголя «Знаменитые новокузнецчане». – URL: <https://новокузнецк400.рф/persons/261-sazykin.html>)

Книга как основа

Сазыкин Анатолий Семёнович – человек, который всю свою жизнь посвятил литературе. Школьный учитель и преподаватель НГПИ (позднее – КузГПА, НФИ КемГУ), кандидат педагогических наук, доцент, он прививал любовь к языку тысячам своих учеников и студентов. И сегодня, будучи на заслуженном отдыхе, Анатолий Семёнович не сидит без дела. Впрочем – обо всём по порядку.

Удивительный мальчик

Родители Анатолия Семеновича Сазыкина – простые люди. Мать – из работающей крестьянской семьи, в «эпоху раскулачивания» пошла работать на Кузнецкстрой. Отец – батрак, решивший в г. Сталинске

начать новую жизнь. Здесь они и встретились, родили и воспитали троих сыновей. Отец, имевший за плечами церковно-приходскую школу, поступил служить в милицию, а мать, не умевшая читать и писать, работала каменщиком, штукатуром, гардеробщицей, кочегаром...

Анатолий Семенович – средний сын, родившийся в 1936 году – с детства тянулся к знаниям, а особенно – к чтению.

– Как я научился читать? Не помню... Наверное, сам, – улыбается Анатолий Семёнович Сазыкин. – Когда мне было пять лет, уже всюю читал и книги, и газеты. И мне это очень нравилось!

В доме Сазыкиных часто собирались соседи: посмотреть на диковинного мальчика и послушать новости: он читал им последние известия, сводки Совинформбюро. И со временем природное любопытство переросло в настоящую страсть. Бывало, мать отправит мальчишку огород поливать или другую работу выполнять, а он залезет на крышу и читает...

Не удивительно, что и в школе все гуманитарные предметы давались ему легко.

– Я учился в школе № 9, в Куйбышево (*район в г. Новокузнецке – авт.*). О школе сохранились самые лучшие воспоминания, до сих пор помню всех поименно! – рассказывает Анатолий Семёнович. – Великолепная школа, великолепные учителя... У меня тогда была шальная мечта – поступить в МГИМО, но ехать было не на что. Отца к тому времени уже не стало, мать и старший брат работали, а мы с младшим учились...

Но попытку поступить в МГИМО Анатолий Сазыкин всё же предпринял. Однако в приёмной комиссии сказали, что набора в этом году нет. Слукавили. Спустя много лет, уже получив образование и работая, Анатолий Семёнович начнёт репетиторствовать. С теми ребятами, которые так же, как и он сам когда-то, мечтали поступать именно в МГИМО, преподаватель работал с особым чувством. И, кстати, все они прошли вступительные экзамены.

Разведчиком не стал...

А пока Сазыкин решил поступать в педагогический институт. Об этом времени Анатолий Семёнович тоже вспоминает с теплотой: ещё бы! Он погрузился в мир литературы, языков... И вот – окончание института, диплом преподавателя литературы, русского и немецкого языков.

– В школе у нас была преподавателем немецкого Мария Карловна Шефер, эвакуированная из Ленинграда, – вспоминает Анатолий Семёнович. – И она дала настолько глубокие знания по языку, что в даль-

нейшем, поступая в институт, я не испытывал ни малейшего затруднения. А уж после окончания знал немецкий просто отлично. Помню, приехал капитан из КГБ и стал агитировать работать с ними. Соблазнял работой в ГДР, советником по изучению русского языка. Я отказался...

Отказался – и отправился по распределению в Майзас. Тогда это казалось небольшим романтическим подвигом – поехать в тайгу, в глушь, учить ребятишек. А на деле вчерашний выпускник оказался единственным в майзасской школе специалистом с высшим образованием, за что и был назначен завучем. В первый же день молодой учитель отправился посмотреть на школу. Это было небольшое деревянное здание на берегу реки, а возле школы ребята играли в футбол. Анатолий Семёнович, сам обожавший эту игру, предложил сыграть вместе. С ребятишками сразу завязались дружеские отношения.

Вот так всё и началось. Через год молодого учителя пригласили в междуреченскую школу на пост директора. Отработав там два года, Анатолий Сазыкин вернулся в Новокузнецк. Да не один, а с молодой женой! Сначала у молодых ничего не было: ни богатств, ни жилья. Но – с милым рай и в шалаше, и со временем появилась комната в коммуналке, квартира... И вот уже более 50 лет они всегда вместе.

Школа – любовь моя

В Новокузнецке сразу стал преподавать в школе. Вскоре его пригласили в институт в качестве руководителя педагогической практики. Потом предложили разработать курс зарубежной литературы XVII – XVIII века. Так и совмещал работу в школе и в институте.

– В школе мне нравилось, – делится сокровенным Анатолий Семёнович. – К концу года всегда виден результат: как вырос у детей интерес к литературе, к языку, как каждый ребёнок растёт. А в институте лично со студентами встречаешься только во время сессии, поэтому не всегда понятно, какой отзыв находят твои слова. Конечно, во время работы над курсовой или дипломной работой студенты раскрываются, и такой вид общения мне более близок.

Увы, то, что сегодня происходит с образованием в целом и принципами преподавания языка и литературы в частности, расстраивает Анатолия Семёновича. Педагогу, имеющему 52-летний стаж, обидно видеть, как сокращается школьная программа, как меняется рекомендуемый круг чтения, как на место классики, формирующей моральные и культурные качества читателя, приходит «пустая литература». И это – на фоне общего нежелания читать, думать, анализировать, активно формируемого современным телевидением, интернетом.

– Но я уверен, однажды всё вернётся на круги своя, и общество вернётся к литературе, к подлинной культуре. А иначе и быть не может! – не сомневается Анатолий Сазыкин.

Всю жизнь – с книгами

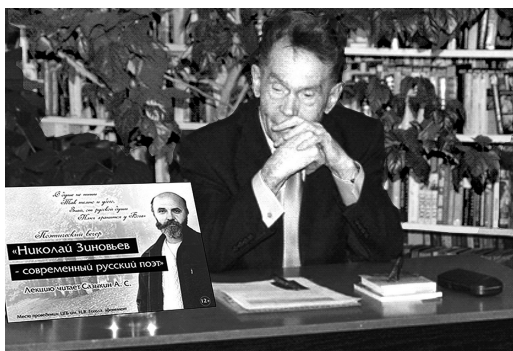
За 52 года педагогической деятельности Анатолий Семенович работал и читал три разных курса в институте, изучил все пласты русской и зарубежной литературы. А школьную программу – по собственному признанию – полностью прошёл не менее пяти раз! И с каждым годом убеждался: чем больше узнаёшь, тем проще и интереснее работать, тем больше можешь дать ученикам. И – к каждому уроку – вновь перечитывал уже знакомые книги.

– Так и провёл всю жизнь: за книжками да с книжками, – смеётся Анатолий Семёнович. – До сих пор просто не могу не читать. Особенно сейчас, когда у меня уже нет обязательных занятий, лекций, и я могу заниматься тем, что нравится. Современных писателей читаю очень выборочно, так как среди них нахожу мало действительно достойных. Из последнего, что перечитывал с удовольствием, – Г. Г. Маркес, Жоржи Амаду, Мо Янь...

Кроме чтения Анатолий Семенович занимается публицистикой: его статьи, посвященные литературе и культуре, печатаются в местных периодических изданиях. Рады Сазыкину и на телевидении: на «Ново-ТВ» идёт цикл передач «Диалоги о войне», где Анатолий Семёнович – желанный гость.

Мария Соколова

(Седьмой день». – 16 октября 2014 г.)

*Лекция А. С. Сазыкина о Н. А. Зиновьеве
в ЦГБ им. Н. В. Гоголя, 12 ноября 2014 г.*

Научное издание

Серия «Филологическое краеведение»

Анатолий Семёнович Сазыкин

**«...А здесь, во глубине России»:
статьи о региональной литературе**

Научный редактор – *И. А. Пушкарёва*

Ответственный редактор – *В. А. Галактионов*

Корректурa: *В. А. Галактионов*
Техническое редактирование: *И. А. Пушкарёва*
Компьютерная вёрстка: *Sitall*

Подписано в печать: 05.06.2021
Печать плоская. Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,8
Тираж 150 экз. Заказ № 72602.

Отпечатано:

Полиграфическая компания «Sitall»
660077, г. Красноярск, ул. Борисова, д. 14, стр. 2, офис 513
Тел.: (391) 218-05-15, www.sitall.com
E-mail: sitall@sitall.com